

Kit

**12 лучших текстов
Kit за второе
полугодие 2022 года**

Как становятся диктаторами? Во всех войнах виноваты мужчины? Почему так сложно перестать быть бедным?

12 лучших текстов рассылки Kit за второе полугодие 2022 года

Подписаться на рассылку Kit можно на сайте getkit.news.

© KIT, 2023

Перед вами — сборник из 12 лучших материалов Kit за второе полугодие 2022-го. Пара слов для тех, кто ничего о нас не знает. Kit — не совсем обычное издание. Это рассылка, которая по вторникам и пятницам отправляет своим подписчикам большие тексты. Наша маленькая редакция много пишет о войне, политике, проблеме климата, новых общественных явлениях, а также об интернете, экономике, родительстве и многом другом.

Письмо — это что-то очень личное, поэтому мы постоянно на связи с читателями. Например, мы отвечаем на абсолютное большинство писем, которые получаем. А еще наши подписчики каждый месяц выбирают лучший материал. Для нынешнего сборника мы взяли тексты — победители этих голосований и добавили к ним те, которыми редакция особенно гордится.

О чем этот сборник? В первую очередь, конечно, о войне. Даже те наши тексты, которые не посвящены ей напрямую, чаще всего учитывают ее. Вне контекста российского вторжения в Украину сейчас в принципе невозможно говорить на большинство значимых тем. Проблема климата? Война усугубила ее. Бедность в России? Она стала топливом войны. Пытки? Война развязала силовикам руки. Патриархат? Между ним и войной есть прямая связь.

Одним словом, здесь вы найдете тексты, которые не только фиксируют, но и пытаются объяснить происходящее. В первую очередь команду Kit интересуют большие сложные (и не всегда очевидные) процессы, формирующие настоящее и будущее человечества. Мы хотим, чтобы читатели Kit видели и понимали их, а еще становились деятельными участниками, а не пассивными зрителями. Поэтому в рассылке регулярно выходят так называемые

скрипты — материалы-инструкции, которые решают определенную задачу. Один из таких скриптов вошел и в этот сборник — он посвящен тому, чему учить детей в «сломанном мире».

Мы будем рады, если вы поделитесь сборником со своими близкими. Для старших родственников (а также тех, кто не пользуется интернетом) его можно распечатать. Еще есть возможность скачать сборник в электронную книгу — надеемся, это будет полезно всем любителям спокойного вдумчивого чтения.

Будем на связи,
команда Kit

Содержание

#01 Откуда берутся диктаторы? Письмо о коллегах Путина и о нем самом

#02 Вернет ли Украина Крым? Письмо о прошлом и будущем полуострова

#03 Чему учить детей в мире, который сломался? Письмо о том, что не расскажут в школе

#04 Почему так трудно перестать быть бедным? Письмо о российской нищете

#05 пытки стали жестче. Письмо о полицейском насилии во время войны

#06 Бей первым. Письмо о принципах кремлевских «пацанов»

#07 Во всех войнах и правда виноваты мужчины? Письмо о патриархате

#08 Как ломает война — даже тех, кто победил. Письмо о ПТСР

#09 Последний неолиберал Европы. Письмо о борьбе
Путина с западными ценностями

#10 Польша вооружается. Письмо о попытке создать самую
мощную армию в Европе

#11 Новая зеленая сверхдержава. Письмо о том, как Китай
меняется и меняет мир

#12 На дне океана много ценных металлов, и это проблема.
Письмо о сокровищах под водой

#01 ОТКУДА БЕРУТСЯ ДИКТАТОРЫ? ПИСЬМО О КОЛЛЕГАХ ПУТИНА И О НЕМ САМОМ

Здравствуйте, меня зовут Максим Саморуков. Я журналист, специализирующийся на Восточной Европе, и эксперт «Фонда Карнеги за международный мир».

Редакция Kit попросила меня составить что-то вроде досье на современного диктатора. Как вообще ими становятся? И почему лидеры многих стран не хотят быть законопослушными политиками? Эти вопросы часто звучат на фоне многих мировых событий (а сейчас особенно). Но я сразу сказал, что досье составить не смогу. Потому что уверен: нельзя списывать диктаторство на детские комплексы, сложные отношения с родителями или школьные обиды. На какие-то особенные личные качества — пожалуй, тоже. Превращение в диктатора — процесс гораздо менее зловещий, чем может показаться. И куда большую роль, чем личные качества человека, в нем играют внешние обстоятельства.

Мое письмо не о некоем среднем узурпаторе, а, скорее, о его пути. Часто это путь наименьшего сопротивления без ясных альтернатив (по крайней мере, если смотреть глазами правителя). Именно поэтому диктатура

чрезвычайно живуча. Она способна возвращаться вновь и вновь, несмотря на все свои многочисленные провалы в прошлом.

Слово «диктатор» ассоциируется прежде всего с таким правителем, который жесткой рукой подавляет в стране любое инакомыслие: третирует граждан и оппозицию. Однако массовые репрессии давно перестали быть обязательным атрибутом недемократических режимов. Даже такие осколки старомодного тоталитаризма, как режимы в Северной Корее или Эритрее, за последние десятилетия осознали, что удержать власть можно и без непрерывного уничтожения собственного населения.

А уж если посмотреть на мягкие автократии вроде Сербии или Венгрии, то в них, по большому счету, репрессий вообще нет. Активным борцам с действующим руководством там не грозит ни тюремный срок, ни тем более расстрел. Наоборот, оппозиционеры могут вполне свободно сформировать небольшую фракцию в парламенте и сколько угодно транслировать свои взгляды через местные независимые СМИ — пусть и не особо влиятельные. Но этого тем не менее оказывается недостаточно для того, чтобы защитить эти государства от вялотекущей узурпации власти.

Объединяет современные автократии не их репрессивность, а кое-что другое. Все они лишены одного очень важного элемента — именно его отсутствие часто играет решающую роль в том, что страна встает

на путь диктатуры. Коротко этот элемент можно описать так: у правителя нет возможности безопасно уйти.

Что в суровой Эритрее, что в по-европейски мягкой Венгрии главное лицо страны не может оставить свой пост без риска столкнуться с тяжелыми последствиями — от судебных преследований, инициированных новой властью, до перспективы быть растерзанным толпой подданных.

Эта невозможность уйти спокойно на первый взгляд кажется чем-то малозначительным, но в перспективе создает огромные риски. Именно из-за нее правитель со временем вынужден прибегать ко все более разрушительным методам в борьбе за власть — просто потому, что она становится для него одновременно **борьбой за выживание**.

Уровень развития институтов каждой конкретной страны, ситуация в международной политике и состояние общественных нравов могут загонять эти разрушительные методы в определенные рамки. Где-нибудь в Мьянме или Уганде дело доходит до стрельбы по недовольной толпе и военных вторжений в соседние страны. А в Черногории или Польше ограничивается коррупцией, переписыванием законов под себя и дешевым популизмом в стиле борьбы с абортами и «ЛГБТ-пропагандой».

Но в любой автократии разрушительные методы будут постепенно деградировать — и по нарастающей, — нанося все больший вред и обществу, и перспективам развития страны.

Почему диктаторами не рождаются

Диктаторам приписывают многое: и моральное уродство с детства, и жуткие комплексы, и шекспировские страсти. Однако человек не рождается одержимым желанием стать тираном. И никто с ранних лет не мечтает о том, чтобы цепляться за свою должность зубами, ломая попутно миллионы жизней. Если такие люди на свет и появляются, их редко выносит на вершины власти.

Процесс превращения обычного человека в диктатора — это именно процесс, постепенный и чисто технический. Все происходит довольно случайно: придавленный обстоятельствами, политик просто решает одну задачу за другой, делает один выбор за другим — и в итоге оказывается в точке, где не видит иного выхода, кроме как биться за власть, не считаясь с ценой ее удержания. Альтернативные пути кажутся ему или слишком ненадежными, или опасными, или действительно отсутствуют.

Хороший пример здесь — бывший президент Чили Аугусто Пиночет, ставший синонимом латиноамериканской диктатуры. Предельно осторожный и высоко ценящий буржуазный комфорт, он прекрасно чувствовал себя в роли главнокомандующего чилийской армией при президенте Сальвадоре Альенде. И, скорее всего, с удовольствием

остался бы на этом посту, если бы позволили обстоятельства.

Но они не позволили. Если в стране готовится переворот, а вы в ней — видный военный, у вас нет возможности просто стоять в стороне. Нужно или присоединиться к заговорщикам, или быть готовым к тому, что в случае их успеха они вас расстреляют. Пиночет решил, что его шансы выжить и преуспеть будут выше, если он примкнет к мятежникам, — и не прогадал.

Что-то похожее происходило и в других частях мира. Например, в Испании, где Франсиско Франко долго сомневался, присоединяться ли ему к восстанию националистов; за считанные дни до его начала Франко все-таки решился — и в итоге стал диктатором, который правил страной почти 40 лет. Или в Польше, где министр обороны Войцех Ярузельский решил: взять власть в свои руки, чтобы подавить оппозиционное профсоюзное движение «Солидарность», — единственный способ спасти страну от кровавой советской интервенции.

Есть ли у всех диктаторов какие-то особенные качества

Есть, но не такие уж они и особенные. Пожалуй, большинство тех, кто становится диктаторами, с самого начала отличаются целеустремленностью и волей к власти.

Но опять же не стоит путать целеустремленность со стремлением править единолично, а волю к власти — со склонностью разлагаться от безграничных полномочий.

Скорее, будущие диктаторы в определенный момент своей карьеры готовы взять на себя ответственность за то, чтобы решить какую-то масштабную государственную проблему (или несколько) в нестабильном государстве — раз другие вроде как не справляются. А когда берешь на себя ответственность, хочешь добиться результата.

Это желание заставляет прибегать ко все более сомнительным методам, а действовать приходится в системе со слабыми государственными институтами и без ясных легальных процедур. То есть, с одной стороны, вы ничем особо не ограничены (и можете буквально действовать силой: в вашем распоряжении полиция, спецслужбы и другие органы), а с другой — окружены бесконечными оппонентами, соперниками, врагами — их много у любого политика внутри любой системы. В такой ситуации человек постоянно сталкивается с выбором «или они меня, или я их» — и шаг за шагом движется по дороге к диктатуре, свернуть с которой для него слишком опасно.

Одно из лучших описаний того, как это происходит, можно найти в книге белорусского политолога Александра Федуты «Лукашенко. Политическая биография». Сейчас Федута — [политзаключенный](#), а в начале девяностых он некоторое время отвечал за связи с общественностью в избирательном штабе, а потом и в команде Александра Лукашенко.

Федута был очевидцем того, как победивший на честных выборах белорусский президент с искренним удивлением

открыл для себя, что даже результат в 81% голосов не гарантирует ему всеобщую народную любовь. Многие газеты бросились критиковать его практически сразу после избрания, порой совсем не по делу. Так к Лукашенко пришло осознание, что или он как-то [разберется](#) с этими газетчиками, или от его популярности совсем скоро ничего не останется.

Как известно, Лукашенко разобрался — так, как подсказывал ему жизненный опыт, но дело не только в нем. Действовать жестко президенту позволили рыхлые и беспомощные институты белорусского государства.

Впоследствии Лукашенко снова и снова [сталкивался](#) с похожим выбором — дать съесть себя или разобраться: **с бывшими соратниками**, возомнившими, что могут им манипулировать; **с депутатами**, решившими, что именно они в стране главные; **с протестующими**, считающими, что глава государства засиделся в своем кресле. Раз за разом Лукашенко выходил победителем, и каждая следующая победа увеличивала цену возможного проигрыша. Прошлые победы и методы, которыми они были достигнуты, заставляли биться в следующем столкновении еще отчаяннее и беспринципнее — ведь назад дороги нет.

Многим кажется, что беспощадность и беспринципность — врожденные качества диктатора, но это скорее необходимые для достижения политических целей навыки, которые вырабатываются в процессе. Если их не выработать, придется дорого заплатить.

Вот, например, история венгерского премьера Виктора Орбана, который сейчас считается образцом европейского автократа. Как известно, его нынешняя должность — уже второй подход к высшей власти. Во время первого премьерского срока (с 1998-го по 2002-й) Орбан старался играть по правилам: держал расходы бюджета в разумных рамках, снижал госдолг, не перекраивал под себя избирательную систему, не сулил народу золотых гор. **И проиграл выборы социалистам**, несмотря на четыре года успешного правления.

Орбан проиграл, потому что его противники не были так принципиальны. Например, во время избирательной кампании социалисты раздавали гражданам страны сертификаты на прибавку к пенсии, обещая обналичить их в случае своей победы (и действительно обналичили, что внесло свой вклад в последующий стремительный рост госдолга). Неудивительно, что, когда в 2010-м Орбан вернулся во власть, он стал уже другим политиком: учел ошибки прошлого и больше не сомневался, что или ты сам позволишь себе многое, или это сделают твои враги — и победят.

Слабость институтов и отсутствие ясных легальных процедур подталкивают к диктаторским методам любого правителя. Управленческий вакуум работает так, что просто не оставляет другого выбора. Можно вспомнить, как это было с Владимиром Зеленским в начале его президентства. Огромная популярность позволила ему честно выиграть выборы, но дальше коррумпированная политическая реальность Украины — с госинститутами, захваченными олигархами, — заставила его продавливать решения сомнительной легальности. Здесь и закрытие

СМИ, и зачистка Конституционного суда, и дела на лидеров оппозиции, и введение санкций против собственных граждан.

С одной стороны, во всем этом сквозило отчаянное желание не дать противникам съесть себя до того, как ты успеешь хоть что-то сделать. С другой — каждое жесткое решение тянуло за собой следующее, плодило Зеленскому врагов и отрезало ему пути безопасного ухода.

У центральной власти Украины слишком мало ресурсов для того, чтобы президент мог достичь такого же уровня контроля над страной, как Владимир Путин в России или Александр Лукашенко в Белоруссии. Так что у Зеленского, скорее всего, не получилось бы зайти слишком далеко.

Но это не отменяет того, что дела против Виктора Медведчука или Петра Порошенко мало чем отличаются в своей сути от дела ЮКОСа. Когда на госаппарат, кроме президента, оказывает влияние еще и какой-нибудь могущественный олигарх, их интересы неизбежно сталкиваются. В ситуации такого столкновения больше нет опции «оставить все как есть». Есть лишь выбор — сажаешь сейчас ты или потом тебя.

Существует ли прививка от диктатуры

Мы привыкли видеть корень диктаторства в человеческих качествах конкретных людей — будь то Путин, Лукашенко или Уго Чавес. Однако, как видно, движение в сторону диктатуры зависит не столько от качеств личности правителя, сколько от качеств среды, в которой ему приходится править. Это как с границами России, которые заканчиваются только там, где можно получить по шапке.

Люди, оказавшиеся на вершине власти, — натуры, как правило, волевые и целеустремленные. Логично, что они имеют собственные представления о том, как стоит изменить реальность. И нет ничего удивительного, что, столкнувшись с неизбежным сопротивлением, они отказываются сдаваться и готовы биться, в том числе используя сомнительные методы.

Закономерно и то, что каждая следующая победа пестует в них мессианские комплексы и веру в собственную незаменимость, а также стирает грань между их личным благом и благом страны. Опыт таких — сравнительно взвешенных — автократов, как венгерский генсек Янош Кадар, малайзийский премьер Мохамад Махатхир или португальский диктатор Антониу ди Салазар, показывает: даже после двух-трех десятилетий почти неограниченной власти им все равно казалось, что этого мало.

Нужно еще немного полномочий и срок-другой на посту, чтобы закончить хотя бы самое важное из начатого. Страх перед тем, что будет после потери власти, слишком неприятен, чтобы признаваться в нем даже самим себе.

Поэтому его прикрывают верой в собственную незаменимость и чрезвычайную полезность на высшем посту. **Если не я, то кто?**

Справиться с этой деградацией сам человек вряд ли способен, но его могут остановить внешние ограничители — как демократические, так и нет.

Например, такой влиятельный институт, как украинская олигархия, имеет мало общего с демократией, да и вообще создает огромное количество проблем в самых разных областях жизни государства. Зато он успешно справляется с ограничением президентской власти, не позволяя ее узурпировать — хотя желающих хватало.

Внешние факторы тоже играют роль. Сравнительно мирный уход из власти Аугусто Пиночета в Чили или Хосни Мубарака в Египте был бы невозможен без сильной зависимости этих стран от США и давления со стороны Вашингтона. По схожим причинам сербское руководство сейчас вынуждено терпеть оппозиционную фракцию в парламенте и даже помогает ей туда пройти на выборах — в противном случае возникнут проблемы с Евросоюзом, кандидатом на вступление в который страна стала еще в 2012-м.

Эффективным ограничителем могут быть устоявшиеся традиции и компромиссы, с которыми согласна большая часть правящей элиты или общества в целом. Институционно-революционная партия непрерывно правила Мексикой 70 лет — это больше, чем существуют многие современные демократии. Устойчивость и гибкость ей придавала неформальная договоренность: человек

занимает пост президента один-единственный срок, а потом уходит и власть в стране сменяется.

Да, она сменяется на выборах, которые нельзя назвать свободными. Да, эти выборы всегда приносят победу кандидату от правящей партии. Зато они исправно проводятся каждые шесть лет, а в президентском кресле никто надолго не засиживается — и здесь без исключений.

. ><{{{._____)

История знает случаи, когда даже кровавые диктаторы уходили с поста мирно. Но они никогда не делали этого добровольно. Люди не отказываются от власти сами — только под давлением.

Нам с вами сложно судить, но, видимо, власть слишком затягивает. Кажется, это чем-то напоминает полеты бизнес-классом: тот, кто им не летает, не понимает, зачем он нужен.

Поэтому бессмысленно надеяться, что страну можно уберечь от деградации в диктатуру, если подобрать ей морально устойчивого правителя с твердыми принципами и благими намерениями. Любой будет стараться заполнить пустоты власти собственными полномочиями до тех пор, пока его не остановят.

■

Максим Саморуков
Редактор: Анна Чесова

#02 ВЕРНЕТ ЛИ УКРАИНА КРЫМ? ПИСЬМО О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ ПОЛУОСТРОВА

Здравствуйтесь, это Константин Скоркин. Я журналист и исследователь украинской политики, по образованию историк. Около 10 лет я занимался политической журналистикой в Украине, а в последние годы писал об этой стране для Московского центра Карнеги, «Медузы»* и других независимых изданий.

Аннексия Крымского полуострова весной 2014-го оказалась стартовой точкой нынешней агрессии России против Украины. Тогда это вызвало в российском обществе эйфорию и рейтинг Владимира Путина взлетел до рекордной отметки. Свои действия Кремль объяснял «восстановлением исторической справедливости», и многие россияне так это и видели — якобы Крым вернулся «домой».

Все предшествующие десятилетия факт вхождения Крыма в состав Украины служил источником мощного имперского ресентимента в России. О прошлом полуострова ходило много мифов, а теперь новые мифы рождаются еще и вокруг его будущего. Давайте попробуем разобраться, что в реальности происходило с Крымом в давнем и недавнем

прошлом — а также что может ждать полуостров в обозримом будущем.

Исторически Крым чей?

Краткая история полуострова в войнах и оккупациях

Невозможно сказать, чей Крым «исторически»: история этого места настолько богата, что в рамки журналистского текста она умещается с трудом даже в очень сжатом виде. Но если все же попробовать коротко рассказать ее, дело было так.

В силу своего стратегического положения на пересечении торговых путей полуостров всегда вызывал стремление соседних держав контролировать его. То Крым колонизировали греки (VIII—IV века до нашей эры), то полуостров попадал под власть Рима (63 год до нашей эры) и Византии (V век). Здесь же располагались древнеславянские княжества (X—XI века) и колонии гунуэзцев (XIII—XIV). А в 1239-м Крым, захваченный монгольским войском Батыя, был включен в состав Золотой Орды.

Затем в течение нескольких веков на территории полуострова располагалось Крымское ханство — осколок Золотой Орды, позже превратившийся в вассала Османской империи. Наконец, в 1783 году Крымское ханство завоевала Российская империя, которая стремилась сделать Крым опорным пунктом своей дальнейшей экспансии в сторону черноморских проливов и Средиземноморья, для чего и был построен мощный Черноморский флот. Меньше чем через сто лет, в 1854–1855 годах, Крым стал ареной войны России против союза европейских держав — Англии, Франции, Сардинского королевства (теперь его территория стала частью Италии) и Турции. Война осталась в истории как Крымская и закончилась для России бесславным поражением.

После распада Российской империи в 1917-м в борьбу за Крым вступило несколько политических сил, сражавшихся в гражданской войне на постимперском пространстве: красные и белые, а также молодое украинское государство. Причем изначально Украинская народная республика (или УНР) притязаний на Крым не имела, считая полуостров землями крымских татар. Однако в конце 1917-го — когда УНР и только что появившаяся Советская Россия стали [воевать](#) друг с другом — украинские власти свою точку зрения пересмотрели. Крымские татары оказались слишком слабой политической силой, чтобы удерживать полуостров, и власть там захватили большевики. Так что в начале 1918-го Киев из соображений безопасности принял решение попробовать присоединить Крым к УНР.

Украинский историк из Крыма Андрей Иванец

[отмечает](#), что за два тех революционных года власть Украины прошла целый путь — «от неопределенности относительно статуса Крыма до сотрудничества с крымско-татарским национальным движением», но в итоге пришла «к стремлению включить Крымский полуостров в состав украинского государства». При этом руководство УНР заявляло о необходимости обеспечить крымчанам «специальные культурные права» в УНР и «склонялось к предоставлению Крыму автономии».

И вот в апреле 1918-го армия УНР осуществила «крымскую операцию», захватив Черноморский флот, изгнав красные войска с полуострова и взяв его под свой контроль. Но успех быстро обернулся поражением: свои планы на Крым были также у Германии, которая ввела в Украину оккупационные войска по буквально только что подписанному Брестскому миру. В результате Черноморский флот пробыл под контролем УНР около суток, после чего по требованию немцев украинские войска были вынуждены оставить свои позиции. А затем в Крыму создали прогерманское краевое правительство генерала Матвея Сулькевича, который видел в этих землях независимое государство, временно находящееся под немецкой оккупацией.

Но надежд на присоединение Крыма к УНР украинские власти не оставляли. И в августе 1918-го дело дошло до того, что Киев устроил экономическую блокаду полуострову, бросив таким образом прямой вызов своей союзнице Германии. Чтобы решить конфликт, осенью

стороны начали [переговоры](#), но им не суждено было завершиться: вскоре Германия потерпела поражение в Первой мировой, а красные вернулись и в Крым, и в Украину.

Итак, большевики все же победили — и в 1921-м создали на территории полуострова Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. Затем наступила Вторая мировая, в годы которой Крым оккупировали нацисты и нанесли по этнокультурному разнообразию полуострова сокрушительный удар: из 70 тысяч крымских евреев **жертвами Холокоста стали 40 тысяч**. В то же время Германия, привлекая на свою сторону мусульманские народы СССР, стремилась сотрудничать с крымскими татарами. Часть из них, особенно недовольная сталинскими репрессиями и преследованиями религии в СССР, поддержала нацистов.

Из этих людей нацисты сформировали несколько коллаборационистских подразделений: по [оценкам](#) современного украинского историка Сергея Громенко, их суммарная численность составляла порядка 3,5 тысячи человек, но советские власти говорили о 20 тысячах. В то же время от 20 до 50 тысяч татар (по разным источникам) воевали с нацистами в рядах советской армии. Среди них были бойцы, награжденные званием Героя Советского Союза, например летчик-ас Амет-хан Султан.

Вскоре после освобождения Крыма Иосиф Сталин начал массовую депортацию крымских татар в Среднюю Азию —

на всех них была возложена коллективная ответственность за сотрудничество с немецкими войсками. Всего выселили порядка **238,5 тысячи человек**, из которых в первые же годы после депортации погибли от **27 до 46%** — от голода и тяжелых условий жизни (в 2015-м Верховная рада Украины признала депортацию крымских татар геноцидом).

Но депортации подвергались не только крымские татары, выселяли и другие местные национальные меньшинства: греков, болгар, армян. Это привело к тому, что этнический баланс Крыма начал стремительно меняться в пользу русских, которые переселялись на опустевший полуостров с других территорий РСФСР. Если до начала Великой Отечественной войны в Крыму жили 49,5% русских, 19,4% крымских татар, 13,6% украинцев и 5,8% евреев (данные всесоюзной [переписи](#) 1939 года), то к концу пятидесятых, как показала первая послевоенная перепись, русских стало уже 71,4%, украинцев — 22,2%, а остальные нации находились на грани одного процента или даже меньше.

И вот наступает 1954-й — тот самый год, когда Никита Хрущев, как сейчас принято говорить, «подарил Крым Украине». Тогда решением Президиума Верховного Совета СССР полуостров (к тому времени автономную республику на его территории ликвидировали и заменили на Крымскую область) убрали из состава РСФСР и включили в состав УССР. Формальным поводом для такого «подарка» стало 300-летие Переяславской рады — собрания представителей запорожского казачества с гетманом Богданом Хмельницким во главе, на котором в XVII веке было принято решение о военно-политическом союзе Войска Запорожского с Московским царством. Это событие в российской имперской, а позднее и в советской

исторической литературе, трактовалось как «воссоединение братских народов». Передача Крыма в состав УССР на 300-летие Переяславской рады должна была стать символом нерушимого братства русских и украинцев.

На практике же такое решение было продиктовано экономическими нуждами: даже спустя почти 10 лет после окончания Второй мировой Крым находился в упадке и присоединить его к УССР было целесообразно с экономической и инфраструктурной точек зрения. Так было просто удобнее, скажем, наладить на полуострове водоснабжение. В 1961 году для этого начали строить (и потом 10 лет строили) Северо-Крымский канал, который начал поставлять воду из Днепра на территории не только Крымской, но и Херсонской области. Это тот самый канал, который Украина перекрыла после аннексии Крыма в 2014-м, построив специальную дамбу — российские войска разрушили ее в марте 2022-го во время оккупации юга Украины.

Наконец, в 1978-м с принятием брежневской Конституции Севастополь получил особый статус города республиканского подчинения в рамках УССР. Но к этому времени крымская экономика уже ориентировалась в первую очередь на всесоюзный центр, то есть на Москву, а не на Киев. Так, оборонные предприятия, работавшие на Черноморский флот, подчинялись напрямую Министерству обороны СССР, что только подпитывало «особый» крымский статус. Санатории и гостиницы, где любила отдыхать советская элита, тоже принадлежали общесоюзным структурам. И Крым быстро стал любимым местом для выхода на пенсию советских силовиков.

В январе 1991-го в Крыму прошел референдум о восстановлении Крымской автономной республики — решение поддержали 93% жителей при явке 80%. Вот на таком «особом» положении полуостров и подошел к распаду СССР, который, конечно, не мог пройти для него безболезненно. На референдуме в декабре 1991-го за независимость Украины высказались 54% крымчан — это был самый низкий показатель среди всех регионов страны.

Как Россия и Украина делили Крым?

Политический детектив с полуостровом в главной роли

Украинский историк Георгий Касьянов в книге «Украина 1991–2007: очерки новейшей истории» [пишет](#), что после распада СССР ситуация вокруг статуса Крыма могла бы стать «сюжетом для политического детектива». На этой земле переплелись интересы столь многих людей, что и не сосчитать. Бывших партийных функционеров и криминала. Авантюристов и агентов спецслужб. Военного и военно-промышленного лобби (причем с обеих сторон). Крымских татар, требовавших восстановления исторической справедливости, и местного населения, которое тоже считало себя обманутым. Новой центральной власти в Киеве и местных чиновников.

Статус Крыма — одновременно вполне определенный и как бы не совсем — вновь и вновь становился поводом для громких политических заявлений и запутанных политических игр. В России даже либеральные политики вроде мэра Санкт-Петербурга [Анатолия Собчака](#) и московского градоначальника [Гавриила Попова](#) не были готовы признать полуостров частью Украины. В ход шли антикоммунистические аргументы в духе времени (хорошо знакомые и вам) — мол, Крым передали Украине коммунисты, не спросив мнения его жителей.

Оказывал давление на Киев и лидер постсоветской России Борис Ельцин. Украинский историк Сергей Плохий в книге «Врата Европы» пишет: «Он (Борис Ельцин. — Прим. Kit) велел своему пресс-секретарю заявить, что независимость Украины и других республик дает РСФСР право поставить под вопрос границы с ними. Павел Воцанов (собственно, пресс-секретарь президента в те годы. — Прим. Kit), выполняя приказ шефа, озвучил претензии на Крым и восточные области, включая Донецкую и Луганскую. Таким образом, Украину вынуждали сделать выбор: **отказ от независимости или раздел**».

Новая украинская власть не хотела терять контроль над столь важной стратегической территорией. Однако сохранять его было не так-то просто. Почти одновременно с распадом СССР на полуострове возникло сильное сепаратистское движение — Республиканская партия Крыма во главе с адвокатом Юрием Мешковым и депутатом Верховной рады Сергеем Цековым (он [не был сторонником](#) выхода Украины из СССР и стал одним из трех депутатов украинского парламента, которые голосовали против Декларации о суверенитете страны).

Крымских сепаратистов поддерживали определенные круги в России — например, националистическая оппозиция и некоторые высокопоставленные военные. Кроме того, поддержку сепаратистам оказывала часть местного криминального бизнеса, заинтересованного в российских рынках. И со временем идеологические противоречия на полуострове только усиливались.

Украинский историк Георгий Касьянов так [описывает](#) эту ситуацию: «Крым представлял собою своеобразный „коммунистический заповедник“. Здесь были очень сильны позиции коммунистической номенклатуры, которой не нужно было, в отличие от номенклатуры центра, перекрашиваться в желто-голубые тона. Напротив, для нее очень удобно было играть на страхах местного русского и русскоязычного населения (составлявшего на начало девяностых 67%) перед фантомом насильственной „украинизации“ и эксплуатировать тему „крымского патриотизма“ и исторических связей с Россией, особенно близкой осевшим здесь пенсионерам, которые составляли около 30% населения».

Напряженности добавляла начавшаяся еще в перестройку репатриация крымских татар. В 1989-м Верховный совет СССР их полностью реабилитировал и разрешил им вернуться в Крым, а в 1990 году было решено выделить крымским татарам бесплатные земельные участки под строительство домов.

Возвращаясь в Крым, потомки депортированных встречали тех, кто много лет назад вселялся в покинутые татарами дома, — и встречи эти были, мягко говоря, не очень теплыми. «Почти 200 тысяч новых граждан Украины, вернувшихся на свою историческую родину, пребывали в положении изгоев, встречая на каждом шагу враждебное или настороженное отношение местного населения, саботаж и взяточничество местной власти, обязанной заниматься проблемами репатриантов, и враждебную позицию высшей исполнительной власти полуострова по отношению к представительным органам крымских татар — меджлису и курултаю», — [пишет](#) историк Касьянов. Со временем крымские татары стали важным проукраинским элементом на политической карте полуострова. Они консолидированно голосовали за украинских национал-демократов, в том числе «Нашу Украину» и Виктора Ющенко в нулевые.

Но вернемся в девяностые. Усилившиеся на полуострове сепаратистские настроения привели к тому, что в конце февраля 1992-го Верховный Совет Крыма провозгласил создание Республики Крым — де-факто самостоятельного государства со своей конституцией и президентом. Им стал лидер сепаратистов Юрий Мешков, который пригласил российского экономиста Евгения Сабурова на пост главы правительства. Оба видели Крым частью рублевой зоны и хотели ввести для его жителей **двойное российско-украинское гражданство**.

Но Киеву все это, конечно, очень не понравилось — и Рада признала решения Верховного Совета Крыма неконституционными. Противостояние завершилось в пользу Украины: крымская номенклатура предпочла

договориться с киевскими элитами о статусе автономной республики в составе страны, а Юрия Мешкова выдворили в Россию. После аннексии 2014-го он, кстати, пытался вернуться в политику и избраться в Крыму депутатом, но поддержки не получил и выборы проиграл. А спустя пять лет [скончался](#) после инсульта в одной из подмосковных больниц.

Отдельным сложным вопросом российско-украинских отношений стал раздел Черноморского флота и его базы в Севастополе. Еще в 1992-м Украина согласилась отдать России ту часть флота, которая связана с ядерным оружием, но претендовала при этом на другую половину кораблей. Делили флот долго и тяжело: Москва сопротивлялась и использовала против Киева энергетический шантаж. Так, в 1993 году Россия потребовала от Украины немедленно погасить долг за энергоносители, а в случае, если отдать деньгами невозможно, компенсировать черноморскими кораблями. Накануне этого поставки газа в Украину были сокращены на 24%, и звучали угрозы остановить их полностью.

Переговоры тянулись целых пять лет с разной степенью успеха, и в 1997-м сторонам наконец удалось заключить договор. По нему Украина все-таки получила часть кораблей, а Россия — разрешение базировать флот в Севастополе на правах аренды за 97 миллионов долларов в год (эти деньги Кремль засчитывал в погашение долгов Украины за энергоносители).

Разрешению конфликта вокруг Крыма тогда поспособствовала в том числе позиция российского руководства, которое не пошло на обострение конфликта с Украиной. Американский политолог Пол Д'Аньери в своей

книге «Ukraine and Russia: From Civilized Divorce to Uncivil War» пишет: «Сдержанность России в данном случае продемонстрировала, что, несмотря на свои претензии на полуостров, она не стала использовать все имеющиеся в ее распоряжении рычаги для поддержки крымского сепаратизма, хотя среди его сторонников были **многие представители российской элиты**».

Одной из причин подобной сдержанности исследователь называет вот что: после распада СССР в Украине осталась часть советского ядерного арсенала, и в те годы как раз шел процесс его передачи Москве — она боялась, что Киев может затормозить процесс. А другой британский политолог (но украинского происхождения) Тарас Кузьо в работе «Ukrainian Security Policy» даже отмечает, что «Россия могла воспринимать нахождение Крыма в составе Украины как более надежный рычаг давления на ее политику, чем если бы полуостров оказался вне ее границ».

Как бы то ни было, страны тогда смогли прийти к компромиссу, но тема Крыма из повестки, конечно, никуда не ушла. В России ее продолжали поднимать снова и снова в рамках идеологии реваншизма. Например, активным лоббистом российского присутствия на полуострове был мэр Москвы Юрий Лужков.

В 2003-м Россия еще раз подтвердила украинскую принадлежность Крыма, когда [признала](#) границы между УССР и РСФСР образца 1991-го актуальными. Однако в конце года отношения между странами снова обострились. Тогда Кремль начал строить дамбу в сторону Крыма — от Таманского полуострова через остров Тузла в Керченском проливе. Украина

восприняла это как посягательство на ее территорию, причем соседи оказались буквально в шаге от вооруженного конфликта. Недавно Леонид Кучма, тогдашний президент Украины, признал, что пограничники и военные получили от него приказ открывать огонь в том случае, если россияне пересекут границы Украины на Тузле (сейчас через этот остров проходит Крымский мост).

Еще больше ситуация обострилась спустя год, когда после «оранжевой революции» 2004 года на выборах президента Украины победил «прозападник» Виктор Ющенко. Крым же стал территорией поддержки ключевой пророссийской политической силы в Украине — Партии регионов. Ее возглавлял Виктор Янукович, и она также была очень популярна в Донецкой области (сам Янукович до этого работал председателем Донецкой областной администрации).

В 2006 году на выборах в крымский парламент победил блок «За Януковича», объединивший представителей Партии регионов и пророссийских радикалов из «Русского блока». «За Януковича» получил 44 мандата из 100 и вместе с другими пророссийскими партиями, а также коммунистами полностью контролировал Верховный совет Крыма.

Еще больше ситуация обострилась спустя год, когда после «оранжевой революции» 2004 года на выборах президента Украины победил «прозападник» Виктор Ющенко. Крым же стал территорией поддержки ключевой пророссийской политической силы в Украине — Партии регионов.

Ее возглавлял Виктор Янукович, и она также была очень популярна в Донецкой области (сам Янукович до этого работал председателем Донецкой областной администрации).

В 2006 году на выборах в крымский парламент победил блок «За Януковича», объединивший представителей Партии регионов и пророссийских радикалов из «Русского блока». «За Януковича» получил 44 мандата из 100 и вместе с другими пророссийскими партиями, а также коммунистами полностью контролировал Верховный совет Крыма.

Но настоящего триумфа Партия регионов достигла в 2010 году, когда Виктор Янукович стал президентом Украины. С одной стороны, пророссийский лидер на время притушил противоречия между Москвой и Киевом (например, Верховная рада ратифицировала так называемые Харьковские соглашения, продлившие пребывание Черноморского флота России в Севастополе). С другой — победа Януковича на президентских выборах придала новый импульс сепаратистским настроениям в Крыму. Казалось бы, пророссийский президент должен был устроить полуостров, но представители крымских элит были недовольны экспансией «донецких»: в разные годы правительство Крыма возглавлял бывший мэр Макеевки и вице-губернатор Донецкой области Василий Джарты, а также милицейский генерал из Донецкой области Анатолий Могилев. При этом люди Виктора Януковича активно [занимались](#) «отжимом» бизнеса у крымчан.

Так в Крыму и возникло новое сепаратистское движение «Русское единство», среди лидеров которого оказались будущие вожди «крымской весны» 2014-го: нынешний глава

Крыма **Сергей Аксенов**, теперешний сенатор от Крыма в Совете Федерации **Сергей Цеков** и **Андрей Козенко**, занимавший пост депутата Госдумы от полуострова с 2016 по 2021 год.

Правда, тогда на выборах в крымский парламент «Русское единство» получило всего 4% голосов, что соответствовало трем депутатским местам. Но на этот раз Москва не упустила шанс поддержать крымских сепаратистов, и российские политики, а также пропагандисты с политтехнологами зачастили в Крым — демонстрируя таким образом, что вектор политики Кремля изменился.

Как Россия забрала Крым?

Аннексия и ее последствия

События на [Майдане](#) 2014 года послужили спусковым крючком для захватнических намерений Кремля. Опираясь на военные базы Черноморского флота и местных сепаратистов, Владимир Путин провел быструю спецоперацию по захвату полуострова — и открыл тем самым ящик Пандоры. Все последующие события — война в Донбассе, полномасштабное вторжение российской армии в Украину в феврале 2022-го и аннексия новых украинских земель — стали продолжением крымского прецедента. Похоже, именно тогда российские власти окончательно переступили психологический рубеж

в отношении агрессии против Украины. И кстати, ядерным оружием Путин открыто стал угрожать именно после крымской операции.

Кремль старательно пытался прикрыть аннексию псевдореферендумом, который состоялся 16 марта 2014 года, — на нем 97% крымчан якобы проголосовали за вхождение в состав России. На деле же голосование лишь закрепляло уже свершившийся факт [оккупации](#). А весь процесс при этом контролировал российский интервенционистский корпус — так называемые «вежливые люди» (термин [ввел](#) пророссийский блогер из Севастополя Борис Рожин) и местные вооруженные формирования «крымской самообороны», в создании которых активно [участвовали](#) российские офицеры ФСБ и ГРУ. В Крыму, например, действовал офицер Игорь Стрелков-Гиркин — впоследствии активный участник войны в Донбассе.

«Референдум» прошел непрозрачно: роль «международных наблюдателей» сыграли российские прокремлевские общественники и представители европейских маргинальных партий, годами спонсировавшихся из Кремля. Специалист по ультраправым движениям Европы Антон Шеховцов даже придумал особый термин для этой политтехнологии — «политически предвзятое наблюдение за выборами». Единственной парламентской партией ЕС, принявшей

участие в легитимации такого «наблюдения», стала ультраправая венгерская «Йоббик».

С официальным визитом в Крыму побывали и российские правозащитники — Евгений Бобров, Светлана Ганнушкина и Ольга Цейтлина. В своем докладе по итогам поездки они сделали такой вывод: жители Крыма голосовали не столько за присоединение к России, сколько за прекращение «коррупционного беспредела и воровского засилья донецких ставленников», о которых рассказывается в предыдущей главе.

Кроме того, подчеркивали правозащитники, данные, озвученные в качестве итогов «референдума», имеют мало общего с реальностью. В действительности же явка, по их оценкам, составила от 30 до 50% вместо заявленных 83,1%. А процент голосов за присоединение к России — от 50 до 60%, а не заявленные 96,7%. Примечательно, что эти данные вполне коррелируют с соцопросом, который Киевский международный институт социологии провел прямо накануне аннексии, в период с 8 по 18 февраля. Тогда украинские социологи оценили долю сторонников идеи «присоединить Украину к России» **в 41% от всего населения полуострова**. Это был самый высокий в Украине результат, для сравнения: в Донецкой области таких насчитали 33%, а в Луганской и Одесской — по 24%.

Аннексия Крыма сопровождалась активной работой российской пропаганды — с экранов федеральных каналов и со страниц изданий, управляемых Кремлем, постоянно рассказывалось, что Крым был для Украины «пасынком» и только с приходом России весь потенциал полуострова может быть [раскрыт](#). Однако аннексия не решила ни одной из крымских проблем — скорее, придала им новый

импульс. Полуостров до сих пор сотрясают коррупционные скандалы, а обещанные инвестиции в инфраструктуру обогащают в основном представителей правящей элиты.

Наглядный пример: до 2014-го в Крыму было зарегистрировано 15,5 тысячи предприятий малого и среднего бизнеса, а также 116 тысяч индивидуальных предпринимателей. К июлю 2018-го осталось лишь 1,3 тысячи предприятий малого и среднего бизнеса, а индивидуальных предпринимателей — 55 тысяч. Доля крымчан, занятых в малом бизнесе, сократилась с 35 до 19,5%. Зато число надзорных ведомств увеличилось, что способствует разрастанию коррупции и негативно отражается на бизнес-климате.

Но в первую очередь бизнес-климат страдает, конечно, от западных санкций, которые стали еще одним последствием присоединения полуострова к России. Ограничения поставили крест на иностранных инвестициях в крымскую экономику и полноценном развитии туристического сектора. Кроме того, из-за санкционных рисков открывать свои представительства на оккупированном полуострове отказываются и многие российские компании, поэтому правительство вынуждено заманивать их льготами. А две трети своего бюджета Крым получает в виде федеральных дотаций.

Что теперь будет с Крымом?

Цена возвращения может быть слишком высока

И спустя восемь лет после аннексии Крыма Киев не смирился с потерей полуострова и не оставляет надежд вернуть его.

Так, в 2021-м, незадолго до полномасштабного вторжения российских войск в Украину, по инициативе президента Владимира Зеленского в Киеве прошел первый международный форум [«Крымская платформа»](#) — своего рода саммит по деокупации полуострова. Через год, уже в разгар полномасштабной войны, саммит состоялся в онлайн-формате, и в нем приняли участие представители большинства западных стран. А в марте 2021-го Зеленский утвердил государственную стратегию по деокупации и реинтеграции Крыма.

Изначально украинские власти выступали за разрешение крымского вопроса мирным, дипломатическим путем — понимая всю сложность ситуации, сложившейся с аннексией полуострова. Но в условиях разрастающейся российской агрессии, а теперь и на фоне успешного контрнаступления украинской армии позиция Киева изменилась. Украинские военные все чаще рассуждают о необходимости вернуть полуостров силовым путём.

Так, о возможности отвоевать Крым в мае 2022-го заявил глава украинской разведки Кирилл Буданов. А 23 августа 2022-го, в День национального флага Украины, сам Зеленский пообещал, что вскоре сине-желтое знамя (вместе с крымско-татарским) будет развеиваться «в Ялте, в Керчи, в Джанкое, Симферополе, на Ай-Петри».

И по факту отвоевывать Крым силой Киев уже начал. Российские военные базы на полуострове вовсю подвергаются ударам с материка, хотя зачастую в Кремле и не признают этого. Кульминацией процесса к настоящему моменту можно считать взрыв на Керченском мосту 9 октября. Этот мост, соединивший полуостров с Россией в 2018 году, Украина называет «незаконным сооружением», видя в нем символ оккупации. Официально Киев не взял на себя ответственность за эту акцию (хотя представители офиса Зеленского и делали намеки на свою причастность к взрыву). Но Владимиру Путину официальные признания и не нужны — он уже назвал инцидент делом рук украинских спецслужб, а также ударом по «критической инфраструктуре».

Вернут ли украинцы Крым военным путем? Раньше такой сценарий едва ли казался реалистичным, и это признавал в том числе сам президент Зеленский. Но последние успехи украинской армии заставляют западных военных экспертов по-новому оценивать ситуацию. Так, бывший командующий американской армией в Европе генерал Бен Ходжес в конце сентября предположил, что ВСУ могут зайти в Крым уже к середине 2023 года.

По мнению украинского эксперта по безопасности Владимира Горбулина, аннексия Крыма произошла «не столько вследствие преобладающей вооруженной мощи РФ, сколько из-за тогдашней военной слабости Украины». Но теперь слабой ее уже не назовешь: страна получает от Запада беспрецедентную военную помощь и владеет очень замотивированной армией.

Однако здесь мы сталкиваемся с ключевой дилеммой. Цена военной операции по возвращению полуострова для Украины может быть слишком высокой — ведь в этом случае война неизбежно затягивается, а вместе с ней растет количество жертв и масштаб разрушений. Но главное, с учетом неоднократных угроз Владимира Путина применить ядерное оружие растут риски для всего мира. Однако замораживание конфликта в его нынешней конфигурации ничем не лучше, потому что приведет к новой войне в будущем и не избавит мир от российской агрессии, предупреждают в офисе Зеленского.

Поэтому вопрос принадлежности Крыма сегодня выглядит нерешаемым. Владимир Путин неоднократно давал понять, что безопасность и незыблемость Крыма в составе России — одна из «красных линий» российской политики. Массированные удары российских ракет по украинским городам в ответ на атаку Крымского моста только подтверждают этот тезис — президент России воспринимает оккупацию Крыма как некую фундаментальную «скрепу» своего правления, без которой рухнет вся система его власти. «Путин сам загнал себя в ловушку, называя Крым „красной линией“, — и в случае дальнейших атак на полуостров у него не останется другого

выбора, кроме как в ответ пойти на эскалацию», — отмечает французская газета Le Monde.

Украинская сторона вопрос принадлежности Крыма тоже больше не обсуждает. Дело в том, что президент Зеленский в своей политике очень опирается на поддержку общественного мнения. А украинское общество в этом вопросе выступает единогласно — по свежим опросам, 87% украинцев считают территориальные уступки России невозможными. И, что важно, участники опроса выбирают ответ с учетом «угрозы затягивания войны и утраты независимости Украины».

Причем таковы настроения по всей Украине (даже на юго-востоке страны доля таких респондентов — 83–85%). И в Киеве это хорошо понимают, потому Зеленский уже вряд ли откажется от планов вернуть Крым во что бы то ни стало.

. ><{{{._____)

Рассчитывать на мирное разрешение «крымского узла» при Владимире Путине, похоже, невозможно — и в том числе поэтому Владимир Зеленский недавно [заявил](#), что какие-либо переговоры о мире Украина будет вести только только с новым президентом России. Выходит, только поражение и демонтаж путинского режима могут гарантировать долгосрочное и справедливое решение крымского вопроса.

На протяжении многих веков Крым был ареной столкновений между великими державами, а поколения жителей полуострова были заложниками большой политики и жертвами войн. Разорвать этот порочный круг можно

только путем коренного переустройства постсоветского пространства, но в первую очередь — отказа России от идей реваншизма и империалистической политики. Сегодня это выглядит утопией, но это, пожалуй, единственный способ обеспечить мир.

Константин Скоркин

Редакторы: Лиза Антонова и Анна Чесова

#03 ЧЕМУ УЧИТЬ ДЕТЕЙ В МИРЕ, КОТОРЫЙ СЛОМАЛСЯ? ПИСЬМО О ТОМ, ЧТО НЕ РАССКАЖУТ В ШКОЛЕ

Здравствуйте, меня зовут Лена Аверьянова. Я главный редактор сразу двух проектов о современном родителстве — «Нет, это нормально» и Chips Journal.

Моя дочь Амелия ходит в так называемую альтернативную школу. Наряду с академическими знаниями (как писать, читать и считать) дети в ней получают и такие, которые академическими не назовешь. Например, там целенаправленно учат лучше понимать свои и чужие эмоции, экологично — то есть бережно и с уважением — общаться, перенимать опыт других людей.

«Обычные» российские школы всему этому либо не уделяют внимания вообще, либо уделяют постольку-поскольку. Так что родителям остается развивать «гибкие навыки» своих детей собственными силами. Эта задача никогда не была простой, а теперь и подавно. Что должен знать и уметь человек в мире, который стал настолько сложным? В своем письме я расскажу об основных «гибких навыках» и знаниях, которые вашему ребенку точно

пригодятся — и о которых, скорее всего, в школе ему не расскажут.

В 2013 году компания Google провела [исследование](#), чтобы выяснить, какие команды специалистов внутри нее самые успешные. Выяснилось, что лучше всего работают те команды, в которых есть сотрудники с развитыми [soft skills](#). Особенно важными оказались умения быть хорошим наставником, общаться и слушать, принимать другие точки зрения, сочувствовать и поддерживать коллег, а также критически мыслить и решать проблемы.

После этого компания даже изменила стратегию найма. В Google стали активнее звать на работу гуманитариев, художников и обладателей степени MBA (master of business administration, или магистр бизнес-управления), к которым основатели корпорации Сергей Брин и Ларри Пейдж всегда относились немного пренебрежительно.

Или вот другое исследование — его еще в начале 1990-х провели специалисты из Университета Дьюка в США. Они запустили программу [Fast Track](#) для почти 900 первоклассников, которых родители и учителя считали склонными к агрессии, определяя их поведение как «проблемное». В течение 10 лет эти дети помимо обычных школьных уроков посещали занятия, на которых изучали свои эмоции и тренировали социальные навыки.

Уже к третьему классу дети в среднем стали вести себя лучше, а их уровень агрессии снизился. Специалисты [пришли](#) к выводу: все благодаря навыкам социального

интеллекта, над которыми дети активно работали. То есть чем больше внимания мы, взрослые, уделяем эмоциональной сфере ребенка, чем активнее учим его взаимодействовать с другими, работать в команде, разрешать конфликты, сочувствовать другим, анализировать информацию и критически мыслить, тем выше вероятность того, что он вырастет вовсе не «неженкой» или «нюней», а человеком, способным опираться на здравый смысл.

Исследования в области развития эмоционального интеллекта и других «гибких навыков» ведутся давно. Однако системным развитием soft skills в России все еще мало кто занимается. Это по-прежнему задача родителей, но после начала войны многие из них чувствуют растерянность, апатию и злость. Они спрашивают себя: как вообще можно позволить своему ребенку быть ранимым, тонко чувствовать и задавать сложные вопросы в мире, где так высок уровень агрессии и насилия, где жить так тяжело и опасно?

Вопрос философский, и психолог Вера Якупова, которая основала психотерапевтический онлайн-сервис Good Point, рекомендует современным родителям перенаправить все эти эмоции на защиту ценностей, которые им важны.

«Скажите себе: я не позволю обесценить мою работу, мои методы воспитания и то, что я делаю». А что именно делать и чему учить ребенка за рамками школьной программы, расскажет этот скрипт.

Скрипт — это инструкция для определения личной тактики. Мы берем конкретную ситуацию, изучаем источники,

говорим с экспертами — и составляем список возможных действий, а каждое действие разбиваем на простые шаги.

Метод: в основу этого скрипта лег большой опыт автора в области теории и практики воспитания, а также ее разговоры с несколькими экспертами — все они перечислены в материале. Текст состоит из двух больших глав. Первая посвящена самопознанию ребенка и рассказывает о том, как помочь ему разобраться с эмоциями и изучить собственное тело.

Во второй главе собраны навыки, которые пригодятся в учебе и общении с окружающими. Всего в этом материале вы найдете семь навыков и короткие инструкции к ним. Но каждый — большой и сложный, а одним письмом невозможно охватить все. Так что этот скрипт помогает сориентироваться и определить круг действий, но для более глубокого изучения темы вам понадобятся дополнительные материалы — экспертные инструкции, книги, подкасты и фильмы. Ссылки на некоторые из них мы приводим.

Как помочь ребенку изучить себя и свое тело

Половое воспитание (его еще называют секспросвет)

О чем речь: Под секспросветом часто имеют в виду разговоры о сексе — и это неверно. В английском языке слово sex означает как, собственно, сам секс, так и пол. Однако в русском языке у слова «секс» значение лишь одно, поэтому термин sex education у многих ассоциируется с самим этим процессом. Якобы секспросвет — это когда рассказывают, как заниматься сексом.

Не поддавайтесь этому заблуждению. Половое воспитание (а именно так на русский язык корректно переводится термин sex education) объединяет очень много тем и вопросов. Это и гигиена, и безопасность, и здоровье, и навыки коммуникации, и много чего еще.

Зачем все это нужно: Начнем с того, что программы полового воспитания [повышают](#) возраст сексуального дебюта — то есть, говоря простыми словами, предохраняют от очень раннего начала половой жизни, а не наоборот, как иногда думают. Кроме того, секспросвет снижает количество сексуальных контактов между подростками, мотивирует использовать презервативы и почти в половину сокращает количество нежелательных беременностей (а они при определенном сочетании факторов [даже могут становиться](#) причиной суицидального поведения).

Однако это не все. Половое воспитание [защищает](#) детей от посягательств на их половую неприкосновенность: чем больше ребенок знает о своем теле, о том, как корректно называются его половые органы и как применять [«правило](#)

[трусиков»,](#) тем ниже вероятность того, что он пострадает от сексуализированного насилия. К слову, большинство родителей все это понимают. По разным данным, за половое воспитание детей выступают от [69](#) до почти [75%](#) россиян.

Как этому научить?

→ **Начинайте как можно раньше.** Психолог Лидия Пархитько в своей книге [«Как говорить с детьми о сексе»](#) рекомендует начинать половое воспитание чуть ли не с младенчества. Конечно, речь не идет о том, чтобы прочитать младенцу лекцию о том, откуда берутся дети. Но уже в первые годы жизни стоит поговорить с ребенком о теле и его границах, а также об органах и чувствах, с помощью которых он познает мир. «Прежде чем мы заговорим про секс, важно понять, кто мы, как устроена наша эмоциональная жизнь, что такое тело», — объясняет она. В свою очередь секс-педагог Крис Покрытан [подтверждает](#), что «дети рано открывают для себя телесное удовольствие и понимают, что им приятно, а что нет». То есть разговор о теле в раннем возрасте точно не будет преждевременным.

→ **Называйте вещи своими именами.** Пенис — это пенис (а не «петушок»), а вульва — это вульва (а не «вареник»). Часто родителям комфортнее использовать «детские» эвфемизмы, и, конечно, очень важно, чтобы во время этих разговоров вам было комфортно. И все же чем быстрее [вы сами](#) преодолеете стеснение, а также снимете внутреннее табу с вполне обычных, в общем-то, [слов](#) вроде «мошонка» или «вагина», тем более доверительными и непринужденными будут ваши с ребенком беседы.

→ **Не секретничайте.** Эксперты по секспросвету подчеркивают, что не стоит создавать вокруг секспросвета ореол секретности. Мол, тело — это что-то такое, о чем говорят тайком. **Напротив**, пусть малыш **знает**, что никаких секретов со взрослыми у него быть не должно: а если кто-то просит его сохранить какой-то факт в тайне, это сигнал того, что коммуникация, скорее всего, небезопасна.

→ **Не забывайте о принципе согласия.** Любые разговоры с ребенком должны быть добровольны, в том числе разговоры на тему секспросвета. Поэтому не превращайте ваши беседы в обязательку — приглашайте к диалогу. Это, кстати, отличный способ объяснить, что такое **принцип согласия**, а потом подкрепить объяснение практикой. Например, **разрешите** ребенку не целовать и не обнимать родственников, если он этого не хочет. А также сами спрашивайте разрешение на объятия и другие тактильные взаимодействия с ним.

Конечно, когда ребенок совсем маленький, практиковаться в принципе согласия может быть сложно. Но можно: например, некоторые эксперты рекомендуют словами предупреждать младенца о **смене подгузника**, спрашивать разрешение на те или иные манипуляции с его телом. Да, ответить нам столь маленький человек не сможет. Но, общаясь таким образом, мы активно демонстрируем ребенку заботу о его личных границах. Бережное обращение с телом ребенка облегчит переход к уже более обстоятельному разговору о принципе согласия в будущем, сделает его не нравоучением,

а естественным продолжением ваших отношений.

→ **Прогрессируйте вместе.** Ребенок растет, поэтому разговоры на тему полового воспитания должны меняться, усложняться и прогрессировать. Постепенно вы будете рассказывать все больше: о гигиене, любви и сексе, контрацепции, репродуктивном здоровье и [правилах безопасности](#). Какой здесь темп выбрать, а также когда и как усложнять — решать только вам, но несколько рекомендаций вы найдете в книгах, видео и подкастах, ссылки на которые есть в самом конце блока.

→ **Не избегайте «сложных» тем.** Для многих родителей все половое воспитание — одна большая сложная тема (и это нормально). Но есть темы, на которые говорить совсем тяжело. Например — порно. В России средний возраст, в котором человек впервые смотрит порно, — [девять лет](#). И если ваш ребенок на пороге пубертата, порно он, скорее всего, уже видел, причем не раз. Некоторые родители могут даже «застукать» за просмотром сына или дочь. Ни в коем случае не ругайтесь, если так произошло, лучше спокойно поговорите, советует секс-педагог Крис Покрытан. «Нужно поговорить о том, что он (ребенок. — Прим. Kit) видел, и четко донести до него информацию о том, что происходившее на экране не имеет практически никакого отношения к реальной жизни. Важный момент, который не следует упускать, [заключается в том, что порно] — это история про искаженное восприятие, неестественные позы и движения, абсолютную объективацию женской телесности», — говорит он.

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать (вместе с ребенком): [вот](#) три списка хороших книг — [об интимной безопасности](#), [взрослении](#) и [теле](#).

Что послушать (вам): эпизод [«Как уберечь ребенка от сексуализированного насилия»](#) подкаста «Без шапки».

Что посмотреть (вам): выпуск [«Как говорить с детьми о сексе»](#) шоу «Больше всех надо».

Гендерные изменения

О чем речь: Эта тема — часть секспросвета, и все же мы вынесли ее отдельно, потому что она очень важная. Если половое воспитание стоит начинать с первых лет жизни, то конкретно о гендере и гендерных изменениях можно говорить с ребенком уже в более сознательном возрасте. Конечно, его тело меняется постоянно — оно растет и развивается. Но активнее всего это происходит в подростковый период под влиянием половых гормонов. Физиологические изменения могут озадачивать, тревожить, даже пугать, причем довольно сильно.

Зачем все это нужно: Чтобы ребенок не считал то, что с ним происходит, табуированной темой. А еще чтобы мальчики и девочки понимали, как устроены их тела, и не стеснялись этого.

Нынешние дети имеют все шансы вырасти намного более свободными и открытыми, чем представители предыдущих поколений. Можно возразить, что поколение современных родителей уже достаточно свободно, но это не так.

Например, [тема менструации](#) все еще остается ужасно табуированной. По результатам [опроса](#), проведенного «Левада-центром»* в 2020-м, сразу 75% россиян не одобряют открытое обсуждение месячных.

Это приводит к тому, что подростки становятся очень уязвимы. Так, лишь шесть из 10 девушек в возрасте от 14 до 18 лет чувствуют себя комфортно, покупая средства женской гигиены. Но дело не только в комфорте. Исследование, проведенное в Африке, [показало](#), что недостаточная или даже искаженная информация о менструации, а также стыд, связанный с ней, создает угрозу дискриминации и повышает риски пострадать от гендерного насилия.

Как этому научить?

→ **Говорите обо всех изменениях заранее.** О поллюциях или тех же месячных стоит рассказать еще до того, как ребенок с ними столкнется. Это поможет избежать испуга и стыда: скажем, несколько читательниц *Chips Journal* [признавались](#) что ужасно испугались, когда в подростковом возрасте обнаружили у себя сильное кровотечение. Они тогда всерьез решили, что умирают. Стресса можно было избежать, если бы родители заранее подготовили их к тому, что вот-вот должно случиться.

→ **Рассказывайте мальчикам о девочках — и наоборот.** В идеале девочки и мальчики должны знать об анатомии друг друга столько же, сколько о своей собственной. Например, понимая, как устроен менструальный цикл девушек, юноши лучше [представляют](#) механизм работы репродуктивной системы, начинают интересоваться

контрацепцией и проявлять эмпатию к женщинам вообще. При этом важно подавать информацию таким образом, чтобы дети понимали: ни один из физиологических процессов не стыдный, а принадлежность к тому или иному полу не определяет качеств человека.

→ **Объясните ребенку, что все люди разные (а стереотипы — зло).** У мужчин и женщин разная физиология, и с этим связано огромное количество стереотипов, многие из которых выходят далеко за физиологические рамки. Конечно, полностью оградить ребенка от этих стереотипов невозможно.

Их воспроизводят все вокруг, в том числе воспитатели в детских садах и учителя в школах — повторяя избитые фразы о том, что «девочкам плохо даются точные науки», а «у мальчиков лучше получается играть в футбол». Старайтесь уравновешивать эти высказывания собственными — рассказывая ребенку, что не пол определяет склонность к наукам или футболу. Пока ребенок маленький и быстро учится, важно дать ему понять, что гендерные роли и стереотипы искусственны. Для этого стоит почаще показывать, что все люди разные и их роли (социальные, профессиональные, какие угодно) распределяются тоже по-разному.

Настя Красильникова, журналистка, создательница телеграм-канала о правах женщин «Дочь разбойника»:

«Круто, когда ребенок видит разных людей: с разными особенностями, разной внешностью, занимающихся разными делами. Это можно увидеть не только в реальной жизни, но и в мультяшках, книгах и фильмах. Но очень часто ребенок сталкивается со стереотипами

уже на этапе, когда идет в детский сад. Там ему объясняют, что мальчики не носят розовое, а девочки должны быть в платьицах и с длинными волосами. И тут тоже важно показывать разные примеры. Однажды дочь моей подруги — у девочки короткая стрижка — услышала от своей учительницы, что, мол, у красивых девочек должны быть длинные волосы. Девочка расстроилась. Тогда моя подруга напомнила дочери о моей прическе (а мои волосы тоже короткие) и спросила, считает ли она меня красивой. Девочка ответила, что да, — проблема была решена».

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать:

Ребенку: «Как взрослеют мальчики», Фил Уилкинсон; «Как взрослеют девочки», Анита Найк; «Только для мальчиков!» и «Только для девочек!», Эллен Стекен Даль и Нина Брокманн; «Месячные: твое личное приключение!», Элиз Тьебо.

Вам: телеграм-канал психолога Никиты Карпова [«Чертовы подростки»](#).

Что послушать:

Ребенку: [эпизод](#) «Что бы девочки ни делали, к ним будут претензии» подкаста [«Мел. Teens»](#).

Вам: [эпизод](#) «Помогите, мой ребенок задает неприличные вопросы!» подкаста «Родили и не поняли».

Эмоциональный интеллект

О чем речь: Выражение «эмоциональный интеллект» сейчас можно встретить буквально везде — от книг по психологии до социальных сетей. Поэтому, вероятно, вы знаете, о чем речь. Эмоциональный интеллект — это способность распознавать и понимать чувства, свои и другого человека. Но не только понимать. Человек с развитым эмоциональным интеллектом умеет контролировать свои эмоции и управлять ими, а также использовать их для решения задач и достижения результатов.

Зачем все это нужно: Умение [распознавать чувства](#) — как свои, так и чужие — помогает выстраивать доверительные связи, правильно вести себя в конфликтах, не допускать прямой агрессии. А еще справляться со стрессом и не подавлять сложные эмоции.

Дети с развитым эмоциональным интеллектом умеют ставить перед собой цели, управлять своей мотивацией, [принимать](#) ответственные решения, заботиться о других, понимать свои потребности и критически мыслить. В будущем такие дети, если [верить исследованиям](#), успешны в профессии, лучше обеспечены финансово, легче адаптируются в обществе и больше удовлетворены своей жизнью.

Как этому научить?

→ **Называйте эмоции.** Многие современные взрослые учатся распознавать собственные эмоции вместе с психотерапевтами. У вас есть шанс научить этому

ребенка куда раньше, чем его настигнет кризис среднего возраста. Говорите о чувствах с раннего детства, помогайте ребенку называть и проживать их. Чувства можно рисовать и описывать, используя такие характеристики, как цвет, форма и размер. Спросите у малыша, где именно он ощущает, скажем, ярость, какого она цвета и формы, как ее выгнать. И можно ли попробовать «приручить» ярость, если организовать себе в этом состоянии какое-то интересное или умиротворяющее занятие.

→ **Покажите, как все устроено.** Продемонстрировать, как работают эмоции, несложно. Достаточно провести [простейший опыт](#) — понадобятся всего лишь уксус, сода, краситель, пластилин и баночка с узким горлышком. Объясните ребенку, что эмоции подобны химической реакции, показанной на видео. В самом начале их может быть очень много, они бурлят и вырываются наружу, но постепенно утихают и перестают быть столь яркими и пугающими. Ребенок увидит, что даже у очень сильных эмоций есть свой жизненный цикл. А появляются они нередко тогда, когда соединяется несколько компонентов: событие, наше ожидание от него и реальность.

→ **Избегайте стереотипов.** Человек эволюционировал, и его эмоциональный интеллект эволюционировал вместе с ним. Однако некоторые атавизмы тем не менее по-прежнему с нами. Например, те же гендерные стереотипы, о которых мы говорили выше: «мальчики не плачут», «девочки очень чувствительны». Но эмоции не имеют половой принадлежности: все они доступны как мальчикам, так и девочкам. Еще в 2019 году блогер Кейтлин Фладагер [написала](#): «Если бы плачущих мальчиков утешали, а не позорили, вокруг нас не было бы так много мужчин,

не способных проявить эмоции» (и этот пост до сих пор собирает комментарии от родителей со всего мира). Гендерные стереотипы в отношении детских эмоций действительно очень вредны. Например, установка «мальчики не плачут» в долгосрочной перспективе может приводить к вспышкам агрессии и актам насилия. [Исследование](#), проведенное в Техасе в начале 2000-х, показало: мужчины-агрессоры подавляют эмоции и игнорируют психологические проблемы, пытаются отвлечься от них, а не разобраться с ними.

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать:

Вам: «Эмоциональный интеллект ребенка и здравый смысл его родителей», Елена Сергиенко, Татьяна Киселева и Елена Хлевная; «Эмоциональный интеллект ребенка. Практическое руководство для родителей», Джон Готтман и Джоан Деклер.

Вместе с ребенком: «Моя книжка злится», Седрик Рамадье; «Это мое дерево», Оливье Таллек; «Мои чувства», Либби Вальден; «Азбука эмоций», Наталия Кедрова; «Работа над ошибками, или Давайте ошибаться правильно», Маша Рупасова; «Просто о важном. Учимся понимать себя и других», Наталья Ремиш.

Что послушать (вам): [эпизод](#) «Не злись, будь хорошей девочкой» подкаста «Никакого правильно».

Что посмотреть (вам или вместе с ребенком, если он старше 16): фильм «Невидимый мир».

Как научить ребенка общаться и понимать мир

Критическое мышление

О чем речь: Это навык, который позволяет смотреть на мир и события в нем под разными углами, интерпретировать услышанное или увиденное с опорой на факты и делать обоснованные выводы. Эксперты фонда [«Шалаш»](#) дают еще более лаконичное [определение](#): «Критическое мышление — это возможность видеть разные варианты действий в одинаковых ситуациях».

Для чего все это нужно: Чтобы формировать осознанные суждения и принимать взвешенные решения. Ребенку с развитым критическим мышлением будет намного проще учиться — как и жить вообще. Он поймет, что во многих ситуациях может быть больше одного варианта действий, начнет искать доказательства своей точки зрения (заодно проверяя ее на прочность), научится задавать правильные вопросы и обращать внимание на факты.

Вообще, именно критическое мышление помогает ребенку отличать факты от мнений — согласитесь, навык в наше время более чем полезный. К тому же хорошо развитое критическое мышление [делает](#) секспросвет, о котором мы говорили выше, более эффективным, потому что снимает с детей чувство ложного стыда. А еще критическое

мышление помогает переосмыслить ложную формулу «взрослый всегда прав» и получить [агентность](#) (то есть, если совсем просто, осознать свою важность).

Как этому научить?

→ **Тренируйте ребенка отличать мнение от факта.** Для этого в фонде «Шалаш» [предлагают](#) простое упражнение. Спросите у ребенка, какая сегодня погода. Если он ответит, например, «тепло» или «холодно», объясните ему, что это — не констатация факта, а интерпретация той информации, которую ребенок получил, посмотрев в окно или изучив прогноз погоды в интернете. Констатацией факта будут данные о погоде: температуре, влажности, уровне УФ-излучения. Сопоставив все эти сведения, ребенок сможет принять решение о том, как ему одеться перед выходом на улицу.

→ **Обсуждайте с ребенком книги, которые он читает.** Не все дети активно читают — как и не всем детям активно читают. И все же если в вашем доме литературу любят, говорите с ребенком о ней. Интересуйтесь, что он думает о той или иной книге. Только избегайте «закрытых» вопросов, которые предполагают короткий ответ («Тебе понравилась эта история?»). Спрашивайте так, чтобы получился обстоятельный разговор — например, почему тот или иной герой поступил именно так? И как на его месте поступил бы каждый из вас? Так вы сможете вместе порассуждать вслух — для развития критического мышления это очень полезно.

→ **Не ругайте за ошибки.** Потому что ошибаться — это важный опыт. Он учит спокойно анализировать

«неправильные» ответы, поступки и выводы, исправляться и не допускать их в будущем. Это куда более конструктивный взгляд на мир, чем позиция «ошибки — это ужасно и очень страшно, если кто-то ошибся, это фатально». Так что давайте ребенку «примерять» на себя разные суждения и идеи, находить (или не находить) между ними связи, выстраивать логические цепочки — пусть и не всегда стройные. Соединяя в логическую цепочку несколько фактов, которые на первый взгляд не очень-то связаны, ребенок получит возможность увидеть ту или иную тему или проблему как комплексную. А вы всегда сможете его скорректировать, но только делайте это бережно.

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать:

Ребенку: «Детектив Таша Тунцова», Поль Мартен; «Джельсомино в Стране лжецов», Джанни Родари.

Вам: «Как развить критическое мышление у ребенка», [инструкция](#) от фонда «Шалаш»; «Критическое мышление. Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение», Том Чатфилд; «Думай медленно... Решай быстро», Даниэль Канеман; «Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды», Дэниел Левитин.

Что послушать (вместе с ребенком): подкаст [«КритМышь»](#) и подкаст [«Новости-26»](#).

Ненасильственное общение

О чем речь: Научную концепцию «ненасильственного общения» (ННО) [сформулировал](#) в 1960-х годах американский психолог и педагог Маршалл Розенберг. Это такая коммуникация, участники которой не обвиняют друг друга, стараются не использовать оценочных суждений и сравнений, чтобы продемонстрировать свое — нередко ложное — превосходство.

Подход ННО активно используется в школах Израиля (и даже закреплён там на законодательном уровне). Но научиться ненасильственной коммуникации в более широком понимании, а также научить этому ребенка может любой человек в любой точке земного шара.

Зачем это нужно: Потому что даже вербальное насилие — это все равно насилие. И оно мешает построить отношения, основанные на любви, доверии и принятии.

В предыдущих главах мы много советовали разговаривать с ребенком — иногда это очень непростые разговоры. Чтобы они были эффективны, не проходили для галочки и впустую, ребенок должен вам доверять. Кроме того, в этом случае со своими проблемами, затруднениями и сложностями он будет приходить в первую очередь к вам — как, впрочем, и со своими успехами, победами и триумфами. В общем, ненасильственное общение напрямую связано не только с любовью и уважением, но еще и с безопасностью.

Как этому научить?

→ **Не подавайте плохой пример.** Если вы сами используете элементы насильственного общения, постарайтесь исключить их. Для этого придется

проанализировать свою речь и слова, которые вы произносите в самых разных ситуациях — особенно в конфликтных. Пример плохой фразы: «Ты просто какое-то наказание, а не ребенок! Иди в свою комнату и подумай о своем поведении! А как подумаешь, приходи просить прощения!» И вот как можно то же самое сказать иначе: «Я сейчас очень злюсь, поэтому мне трудно подобрать слова, чтобы мы с тобой могли спокойно поговорить. Дай мне, пожалуйста, пару минут — когда я переведу дух, мы сможем обсудить твой поступок и обязательно найдем решение».

Смысл на самом деле не изменился (и там и там говорящий злится, причем не скрывает этого). Но во втором случае родитель говорит только о том, что чувствует сам, не использует в адрес ребенка резких слов и не переносит на него ответственность за свои чувства. Почему это правильно? Ребенку важно, чтобы рядом с ним был надежный взрослый, показывающий пример, как можно общаться и слышать друг друга, даже если атмосфера накалена. Кроме того, такая коммуникация учит тому, что ответственность за свои реакции и эмоции несем мы сами, а не кто-то другой — как бы этот другой себя ни вел.

→ **Не учите насилию.** Например, не рассказывайте, что нужно обязательно «давать сдачи». Этот совет наверняка покажется спорным многим родителям, которые росли на ровно противоположном постулате. Он заключается вот в чем: иногда, чтобы постоять за себя, нужно как следует дать сдачи — и тогда обидчик больше не полезет. Но дать сдачи — это [насильственная практика](#), [подчеркивают](#) в фонде «Шалаш». Она не помогает в конфликтах, напротив — усугубляет их, а еще вредит самому ребенку.

Понимая это, многие родители говорят детям, что дать сдачи можно только в крайнем случае, когда обидчик совсем не понимает слов. «Но в стрессовой ситуации ребенку тяжело оценить обстановку и решить, достаточно ли она опасна, чтобы дать сдачи, или можно решить конфликт мирно», — объясняют в фонде.

Беглый анализ поисковых запросов в интернете показывает, что в среднем родители 400 раз в месяц ищут информацию о том, как научить ребенка давать сдачи. В то время как задаются вопросом о том, а точно ли надо это уметь, — меньше десяти. Давание сдачи как коммуникационная и поведенческая стратегия в детском коллективе поддерживается и родителями, и педагогами. Но уверенность взрослых в том, что «некоторые дети понимают только язык силы», приводит к тому, что решение конфликтов с помощью кулаков все еще в порядке нормы. Таким образом в обществе сохраняется высокий уровень толерантности к насилию.

→ **Объясните, что конфликты — это нормально.**

И конечно, абсолютно неизбежно. Все мы разные, а наши интересы и желания часто противоположны. Порой, чтобы прийти к взвешенному компромиссу, конфликт просто необходим. А стремление к ненасильственному общению не предполагает, что конфликтов нужно избегать любой ценой. Совсем избежать все равно не выйдет, так что лучше научиться грамотно вести себя в них. Расскажите ребенку об этом и подчеркните, что в любой ссоре важно

сохранять настрой на диалог со второй стороной. Необходимо уметь слышать доводы собеседника, принимать и уважать их. Показывать все это лучше на своем примере. Дети, которые видят, как ссорятся, а затем мирятся взрослые, [учатся понимать](#), что здоровый конфликт не приводит к разрушению отношений, а потому не стоит его бояться.

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать:

Вам: «Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили», Адель Фабер и Элейн Мазлиш.

Ребенку: «Коммуникация. Найди общий язык с кем угодно», Виктория Шиманская.

Что послушать (вам): подкаст [«Любить нельзя воспитывать»](#), эпизод [«„Это круто — когда ребенок тебя не боится“. Почему мы не наказываем детей?»](#) подкаста «Ты же мать».

Защита личных границ

О чем речь: Под защитой личных границ мы будем понимать умение отстаивать свои интересы, в том числе во время конфликтов — острых и скрытых. Причем делать это нужно экологично (то есть с уважением к собеседнику) и без насилия. То есть в идеале ребенок должен как владеть навыками ненасильственного общения, так и уметь

правильно среагировать в том случае, когда объектом насилия — и вербального, и нет — становится он сам.

Зачем все это нужно: Во взрослой жизни мы сталкиваемся с необходимостью отстаивать себя и свои интересы по несколько раз на дню. Дети тоже. Им это пригодится в семье и в кругу друзей; во дворе, в детском саду и в школе — в огромном количестве ситуаций. Защита личных границ — важнейший социальный навык.

Как этому научить?

→ **Поговорите с ребенком о том, что ему не нравится.** Чтобы уметь отстаивать свои интересы, нужно понимать, в чем они заключаются. Ребенку бывает непросто осознать, что он чувствует в той или иной ситуации, когда его предпочтения и «красные флаги» не до конца им отражены. Помогите сделать это: например, спросите ребенка, что ему категорически не нравится в общении с друзьями и сверстниками? Понимает ли он, в чем разница между активной и пассивной агрессией? Что он готов прощать окружающим, а что нет? Проговорив все это, он почувствует собственные границы, обозначит их в первую очередь для самого себя.

→ **Перечислите полезные слова и фразы.** [Вот они:](#) «Мне неприятно, не делай так больше»; «Мне не нравится, когда со мной так поступают»; «Я так не хочу». Ребенку полезно будет узнать, что, когда чье-то отношение или поступок задевает, обижает или смущает, молчать не нужно — стоит говорить о своих чувствах, и очень часто это действительно решает проблему.

→ **Расскажите, что в критической ситуации нужно уходить и искать помощи.** Обязательно донесите до ребенка, что прекратить отношения с человеком, который обижает, — естественно. Когда никакие слова не помогают, из общения нужно просто выходить: переставать дружить или даже в принципе взаимодействовать. Иногда не помогает и это, а обидчик гнет свою линию, несмотря ни на что. Тогда помощь взрослых необходима. И нет, это не ябедничество.

→ **Поговорите о принципах безопасного общения с незнакомцами.** Важно также рассказать ребенку о принципах безопасного общения с незнакомыми взрослыми. Но не запугивая его и не давая распоряжений вроде «Нельзя говорить ни с кем вообще». Умение разговаривать с незнакомыми людьми все-таки необходимо — например, когда что-то случилось (ребенок потерялся или попал в беду). Главное — соблюдать правила безопасности. О них рассказывает Ольга Бочкова — она основала проект [Академия безопасности Ольги Бочковой](#). Вот эти правила. Разговаривать с незнакомым человеком можно, пока он не нарушает личные границы и не пробует вступить в физический контакт. Если незнакомый пытается прикоснуться, зовет куда-то или о чем-то просит, нужно применить схему «нет, спасибо — увеличить дистанцию (шаг назад или в сторону) — уйти или убежать». А если незнакомец преследует, необходимо звать на помощь как можно громче.

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать (вам): инструкция [«Что делать, чтобы уберечь своих детей: 40 важнейших правил безопасности»](#); книга «Личные границы. Как их устанавливать и отстаивать», Дженни Миллер.

Во что поиграть (вместе с ребенком): обучающая игра [«Карточки безопасности для детей»](#).

Толерантность

О чем речь: Распространено мнение, что толерантность — это «терпимое отношение», причем исключительно к представителям ЛГБТК+. В консервативных сообществах такая позиция воспринимается как что-то негативное — наверняка вы не раз слышали слово «толерастия». На самом деле толерантность предполагает не терпимость, а принятие (первая требует усилия, а второе существует естественно и безо всяких усилий). И речь не только о людях с гендерной и сексуальной идентичностью, которая отличается от вашей.

«Толерантность — это навык человека принимать, что люди вокруг него могут быть абсолютно разными, — [объясняет](#) детский клинический психолог Мария Голяева, которая работает в благотворительном фонде [„Дети-бабочки“](#). — У них может быть отличная от вашей религия, они могут писать левой рукой, а не правой, как вы, и они могут иметь много других отличий. Это не делает их хуже или лучше, это делает их другими. Толерантность — это способ жить в современном, разнообразном и так быстро меняющемся мире».

Зачем все это нужно: Чтобы [развить](#) эмпатию и улучшить коммуникативные навыки, а также научиться преодолевать гендерные стереотипы и ограничения. Кроме того, исследования [показывают](#), что чем более разнообразный опыт общения с людьми других культурных контекстов, национальностей, этносов и ценностей получает ребенок, тем более гибко он решает задачи и эффективно работает в команде.

Настя Красильникова, журналистка, создательница телеграм-канала о правах женщин [«Дочь разбойника»](#):

«Рассказывать ребенку о разнообразии способов любить, жить и разрушать стереотипы нужно для того, чтобы показать — сценариев и маршрутов жизни может быть очень много. Знакомство с разнообразием и его принятием служит детям хорошую службу не только потому, что оно делает их более толерантными, но и потому, что оно делает их более терпимыми к себе самим и дает им больше возможностей для разных сценариев собственной жизни. Важно, чтобы ребенок мог принять себя таким, какой он есть. И поэтому важно рассказывать ему о том, что люди бывают разными, а их ориентация, цвет кожи или какие-то особенности не делают их хуже других. И тогда, если ребенок растет с осознанием всего этого, ему легче и со своей жизнью тоже».

Как этому научить:

→ **Начните с себя.** Толерантный ребенок в не очень толерантной семье не вырастет. Поэтому понаблюдайте за собой и другими членами семьи, советует директор детского центра [«Эстер»](#) Инна Круглянская (здесь и далее приведены именно ее рекомендации). Позволяете ли вы себе неуважительные комментарии, сомнительные шутки и анекдоты на грани в адрес людей другой религии, национальности, гендерной или сексуальной идентичности? Бытовая ксенофобия настолько прочно в нас укрепились, что иногда и самые толерантные из нас не замечают, когда говорят что-то подобное. Дети все это слышат — и, конечно, перенимают. Поэтому, если мы хотим воспитать в ребенке толерантность и уважение к окружающим, стоит начать с себя.

→ **Заводите разговоры о толерантности как можно раньше.** Уже примерно с двух лет ребенок регулярно сталкивается с теми, кто совсем на него не похож. Он может увидеть «других» на улице и на детской площадке, по телевизору — в мультике или детской передаче. Лучше сразу начинать ему рассказывать, что другие — не значит плохие. И вообще, слово «другой» не имеет ни отрицательной, ни положительной коннотации. Другой — это просто другой, а все люди в принципе разные.

→ **Помогите ребенку расширить свой опыт.** Чем чаще и больше он будет видеть в книгах, передачах, мультфильмах и ютьюб-шоу разные образы и разных персонажей, тем лучше. Поэтому показывайте ребенку разное, увеличивайте его насмотренность. Когда он станет старше, можно брать его с собой в музеи, которые показывают разнообразие национальных традиций (только

нужно следить, чтобы ребенок не скучал). Путешествовать вместе с ребенком по разным странам, чтобы показывать ему культуру и достижения других народов в реальной жизни, — тоже хорошая идея. Увы, не всем это сейчас доступно, но хорошая новость в том, что в интернете достаточно полезного контента на эту тему — не только мультики и книжки, но также документальные фильмы и подкасты.

Теперь — несколько важных ссылок

Что почитать (ребенку): «Элмер», Дэвид Макки; «Мишка и Фред», Ирис Аргаман; «Как Гитлер украл розового кролика», Джудит Керр; «Принцесса Шиповничек», Джейн Йолен.

Что послушать (ребенку): детский подкаст [«Урубамба»](#) от «Арзамаса».

Что посмотреть (вместе с ребенком): вот [целый список](#) мультфильмов, которые учат толерантности.

. ><{{{._____)

Ценности гуманизма, добра, справедливости и доверия могут сейчас казаться немного бессмысленными — ведь мы видим, как легко насилие врывается в нашу жизнь и все разрушает. Поэтому все эти месяцы многие пребывают в ступоре, им хочется опустить руки.

С другой стороны, и в мирное время нам и нашим детям не была обещана беззаботная жизнь. Мы растим детей

и выпускаем их в мир с надеждой на лучшее, но без гарантий, что все обязательно будет хорошо.

«И как раз гуманистические ценности, эмпатия, критическое мышление, терпимость к чужому мнению — это то, что помогает даже в сложные времена, — говорит психолог Вера Якупова. — Помогает оставаться человеком, сохранять себя, переживать самые тяжелые моменты. Так что формирование всех этих ценностей у детей имеет огромное значение. Именно они станут тем плотом, на котором дети смогут выплыть из темной воды».

Лена Аверьянова

Редакторы: Анна Чесова и Саша Салахова

#04 ПОЧЕМУ ТАК ТРУДНО ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ БЕДНЫМ? ПИСЬМО О РОССИЙСКОЙ НИЩЕТЕ

Здравствуйтесь, это Маргарита Лютова. О российской экономике я пишу больше десяти лет, а в последнее время делаю это, наблюдая, как война разрушает ее. Впрочем, парадоксальным образом именно удручающее экономическое положение страны служит топливом для пожара войны: сейчас много говорят о том, что одним из способов вырваться из нищеты для молодых людей стала служба по контракту.

Как же так вышло, что в такой богатой стране бедность толкает людей на то, чтобы идти воевать? Да и много ли бедных в России в принципе — в конце концов официальная статистика не дает поводов тревожиться? Мое письмо — о российской бедности. О том, действительно ли россияне так уж бедны (увы, беднее, чем вы думаете). А еще о том, что бедность делает с людьми — меняя их жизненные установки, отношение к самим себе и даже когнитивные способности.

Свежую статистику о бедных Росстат [опубликовал](#) буквально на днях, в начале сентября. По данным на конец июня (они всегда публикуются с задержкой в два с лишним месяца), бедными в России считаются 18,9 миллиона человек, или 13% населения страны.

Что значит «бедные»? По мнению Росстата, это люди, которые имеют месячный доход ниже официальной границы бедности. Сейчас она составляет 13 365 рублей на человека для населения в целом, 14 478 рублей — для трудоспособных людей, 11 028 рублей — для пенсионеров и 13 142 рубля — для детей. Показатель границы бедности используется в России относительно недавно, с 2021 года. Раньше статистика велась исходя из величины прожиточного минимума, но что это такое и почему одно заменили на другое, мы расскажем ниже.

При этом война, беспрецедентные санкции, сокращение ВВП и падение доходов россиян как будто вообще никак не повлияли на эту статистику. Так, по итогам первых шести месяцев предыдущего года, «мирного» 2021-го, Росстат публиковал практически аналогичные данные — 19,1 миллиона бедных, или 13,2% россиян.

Выглядит как настоящее чудо, но никаких чудес здесь на самом деле нет. Все дело в особенностях национальной статистики, и чтобы рассказать о них, придется перенестись на 30 лет назад.

Как в России считают бедных — и почему методы подсчета не менялись три десятилетия

В 1992 году, когда Советский Союз только-только распался, а новая Россия только-только появилась, в стране начались экономические реформы, вошедшие в историю под названием «шоковая терапия». Их главной целью был переход от командной экономики к рыночной.

Пожалуй, самая знаменитая мера «шоковой терапии» — либерализация цен. Во времена СССР государство регулировало их, но в 1992-м власти, что называется, цены «отпустили», позволив свободному рынку разобраться с ними самостоятельно. В результате все подорожало так резко и так сильно, что миллионам россиян в одночасье перестало хватать на еду.

Помочь всем нуждающимся чиновники не могли — на это не хватило бы денег в государственном бюджете. Так правительство оказалось перед еще одним вызовом: очертить круг тех, кто оказался в самом бедственном положении, и поддержать их социальными выплатами. В марте 1992-го президент Борис Ельцин подписал [указ](#) «О системе минимальных потребительских бюджетов населения», который и должен был решить эту задачу,

вспоминает в разговоре с Kit экономист Евгений Гонтмахер — в те годы он работал в министерстве труда и принимал участие в разработке указа.

Этот документ ввел понятие **«прожиточного минимума»** — в скобках его еще называли физиологическим, рассказывает Гонтмахер. Чтобы рассчитать показатель, чиновники новой России обратились за помощью в НИИ питания Академии медицинских наук. Те определили, какое количество белков, жиров и углеводов требуется для поддержания жизнедеятельности человека, и на основе этого была составлена корзина продуктов и базовых товаров (например, средств гигиены) для среднего россиянина. Прожиточный минимум — это сумма, которая нужна, чтобы оплатить корзину целиком.

Власти взяли прожиточный минимум и на его основе прикинули количество бедных россиян по итогам 1992-го — [получилось](#) 49,3%. Проще говоря, на грани физиологического выживания в тот год оказался **каждый второй человек в стране**. Подписанный Ельциным указ предполагал, что государство будет использовать прожиточный минимум только «на период преодоления кризисного состояния экономики». Планировалось так: когда трудные времена закончатся, страна начнет считать бедных и нуждающихся уже по более высокой планке — на основе минимального потребительского бюджета, который удовлетворяет не только основные материальные, но и «духовные» потребности. Этот показатель был в полтора-два раза выше физиологического минимума, говорит Гонтмахер.

Однако шли годы, а прожиточный минимум никуда не девался. Спустя шесть лет, к 1998-му, число бедных, рассчитанное по нему, снизилось до 34,3%, а после дефолта и скачка инфляции вновь выросло до сорока с лишним процентов. Примерно на этом уровне он находился и в 2000 году, когда страну возглавил Владимир Путин.

«Шоковая терапия» и дефолт были уже далеко позади, а доходы бюджета начали расти благодаря дорожающей нефти. Именно поэтому число бедных в России начало снижаться — то, что нередко называют достижением Путина как президента, стало результатом устаревшего метода подсчета, помноженного на ряд объективных факторов. Скажем, в 2003-м за чертой бедности было меньше 30% населения, в 2006-м — чуть больше 20%.

В нулевые — спустя почти 15 лет после подписания указа «О системе минимальных потребительских бюджетов населения» — наконец впервые встал [вопрос](#) об отказе от прожиточного минимума, вспоминает экономист Гонтмахер. Но эта идея не встретила поддержки во властных кругах: с переходом на минимальный потребительский бюджет официальное число бедных в стране выросло бы **почти так же резко, как цены в 1992-м**. Поэтому идеологию физиологического минимума сохраняли все последующие годы, хотя само слово «физиологический» вымарали из официальных документов еще в начале девяностых, чтобы лишний раз «не раздражать людей», утверждает Гонтмахер. Разумеется, размер прожиточного минимума регулярно индексировали, а состав товаров в корзине (изучить его можно, например, [здесь](#)) менялся по мере того, как

менялись потребительские привычки россиян. Но сам принцип расчета оставался прежним.

И вот наконец случилось что-то вроде революции. В конце 2020-го правительство [предложило](#) новый способ определять, где проходит черта бедности, — через фактический уровень дохода в стране. Более того, власти решили использовать не средний доход, а медианный. Он более точный, и увидеть это можно на таком простом примере. Представьте себе компанию, в которой работают десять сотрудников. Девять из них получают по 10 тысяч рублей, а десятый, директор, — 100 тысяч. Средняя зарплата в такой компании составит 19 тысяч — почти вдвое выше, чем получает 90% работников. Зато медианная будет 10 тысяч рублей — максимально близко к правде.

В Европе используют тот же показатель: там бедными считаются люди, которые имеют доход ниже 60% от медианного по стране. В России установили более низкий коэффициент, и на первый взгляд какой-то уж слишком странный — 44,2%. Конечно, его выбрали неслучайно. Если исходя из него по-новому определить сумму, ниже которой начинается бедность, она останется почти такой же, как была. Так, прожиточный минимум на 2022 год, рассчитанный как 44,2% от медианного дохода, должен был составить 11 950 рублей — это всего на 300 рублей больше, чем по старой методике. Никакой революции, сплошная стабильность.

Однако вмешался Владимир Путин — и в ноябре 2021-го [распорядился](#) повысить прожиточный минимум на тысячу рублей. Вписать это распоряжение в новый метод расчета было сложно, но можно: например, если повысить коэффициент. Но правительство пошло другим путем и под конец 2021-го ввело новый термин — **граница бедности**. Это величина прожиточного минимума по состоянию на конец 2020 года, проиндексированная на размер инфляции за конкретный отчетный период. Именно по этой методике и считались свежие данные Росстата, с которых начался этот текст.

Если вы сейчас мало что поняли, вы не одиноки. Смена методики только все запутала, признает экономист Гонтмахер. Бедных в России считают уже не по минимальной потребительской корзине, которая менялась и эволюционировала, но еще не по европейскому образцу. Получается ни то ни се, и судить о реальном положении дел по этим данным так же затруднительно, как и раньше, резюмирует он.

Как в России обстоят дела с бедностью на самом деле — и есть ли вообще способы это понять

Способы есть, их несколько, все они неточные — но возможность представить общую картину тем не менее дают. Приготовьтесь, будет много цифр.

Начнем с того, что последние как минимум десять лет в России [наблюдается](#) экономический застой. Средние темпы роста ВВП в 2009–2019 годах составили около 1%, что **в полтора раза ниже, чем во время застоя советского**. Это не какие-то абстрактные цифры: от того, как растет экономика страны, напрямую зависит благополучие людей, которые в ней живут. Когда роста ВВП почти нет (а именно это на практике и означает 1%), нет значимого роста зарплат и социальных выплат, нет новых рабочих мест и новых возможностей. Все это приводит к тому, что люди, оказавшиеся в тяжелом материальном положении, не могут из него выбраться.

Посмотрев на эти десять лет внимательнее, можно увидеть, что даже по официальным данным, рассчитанным по устаревшей методике, прогресса в борьбе с бедностью попросту нет: к началу 2022-го доля бедных в стране оказалась такой же, [какой была в 2013-м](#). Очевидно, власти это и сами прекрасно понимают, поэтому в 2018 году, заступив на очередной президентский срок, Владимир Путин первым же [указом](#) после инаугурации распорядился снизить уровень бедности к 2024 году вдвое, до 6%. Но потом Кремль [перенес](#) дедлайн на шесть лет вперед — видимо, осознав, насколько изначальные сроки нереалистичны.

Едем дальше. Тот же Росстат регулярно публикует [статистику](#) о распределении населения по доходным группам. Согласно ей, в 2021 году доходы 11% россиян были ниже 12 тысяч рублей, еще у 13,5% они составляли

от 12 до 18 тысяч рублей, а у 13,3% — от 18 до 24 тысяч. Это в среднем по стране, но и статистика по конкретным территориям тоже доступна. Например, в Бурятии — одном из российских регионов с наибольшим числом погибших в Украине военных — на доходы ниже 12 тысяч рублей в месяц живут почти 20% жителей и **лишь 3% ежемесячно располагают 72 тысячами и выше**. Бурятия входит в десятку беднейших российских территорий, а возглавляет этот антирейтинг Ингушетия, где за чертой бедности живут 29,8% населения.

Наконец, еще один показатель — ситуация с жильем. С ним у россиян все еще хуже, чем с деньгами. Насколько все плохо, в 2019-м проанализировали и [описали](#) исследователи Института социально-экономических проблем народонаселения при Социологическом институте РАН. По данным этого исследования, «не отвечает минимальным требованиям самого низкого стандарта» жилье более трети населения России. Это значит, что на одного члена семьи приходится меньше шести квадратных метров площади (ровно такой норматив используют, когда предоставляют места в общежитиях), в доме при этом нет одного или сразу нескольких базовых удобств: электричества, отопления, водопровода, канализации.

Квартиры или дома еще 27% россиян примерно того же уровня комфорта, но чуть более просторные — на одного члена семьи там приходится до 16 квадратных метров.

А у четверти россиян жилищные условия «ниже среднего» — это когда от 16 до 23 квадратных метров на человека, есть базовые удобства и кухонная плита.

Итого больше 85% россиян живут или в ужасных, или в плохих, или просто в неважных условиях. При этом шанс хоть как-то поправить ситуацию выпадает немногим. По оценкам авторов исследования, лишь четверть тех, чьи жилищные условия не достигли даже среднего уровня, могут позволить себе переезд или хотя бы ремонт — на собственные деньги или в кредит, неважно. Так что почти 65% россиян заперты в тесных некомфортных квартирах или домах, которые не соответствуют даже весьма скромному стандарту качества жизни.

Почему бы бедным просто взять и не перестать быть бедными — и при чем здесь липкий пол

В то же время Россия — страна с высокой социальной мобильностью. Этим термином обозначают процесс перехода людей из одной материальной категории в другую. Причем не обязательно из бедных в обеспеченные, наоборот — тоже. Чем чаще граждане выходят за границы своего класса, тем выше в обществе социальная мобильность.

Сама по себе высокая социальная мобильность, как правило, характерна для [переходных экономик](#). А конкретно в России она свидетельствует о нестабильном положении значительной части населения, [уверены](#) социологи Светлана Мареева и Екатерина Слободенюк из Центра стратификационных исследований Института социальной политики ВШЭ. В своем исследовании они приводят такой пример: в 2014–2017 годы почти половина россиян успели переместиться или в более высокую по доходам категорию, или в более низкую. Но россияне с наиболее низкими доходами перемещались хуже всего. То есть люди, живущие в глубокой бедности, довольно редко могут это преодолеть. И даже попасть в соседнюю категорию — людей, балансирующих на грани бедности, — им нелегко.

Такую ситуацию социологи называют «липким полом». Люди как будто «прилипли» к своему плохому материальному положению, не могут оторваться от него. Мешают им в этом различные факторы, которые называют аскриптивными неравенствами, — они буквально «предписаны» человеку с рождения. По [оценкам](#) экономистов Европейского банка реконструкции и развития, неравенство возможностей в России определяют три главных фактора: уровень образования родителей, пол и место рождения (город или сельская местность). Если вы родились женщиной в деревне, а у ваших мамы и папы нет высшего образования, ваши шансы на успех в жизни довольно низкие. А если вы мужчина из семьи зажиточных образованных горожан — наоборот.

Еще одна особенность российского «липкого пола» — риск встать на него автоматически повышается с рождением ребенка. Ведь когда это происходит, размер прожиточного минимума на семью увеличивается (показатель прирастает еще одной минимальной потребительской корзиной — детской), при этом суммарный доход семьи в лучшем случае остается прежним, а в худшем даже падает: как правило, женщина уходит в отпуск по уходу за ребенком или работает на неполную ставку. Это и приводит к тому, что, по [данным Росстата](#) за 2020 год (более свежие еще не публиковались), **за чертой бедности в России живет каждый пятый ребенок**. И согласно статистике, именно семьи с детьми — самая многочисленная группа бедных.

То есть «работающие бедные» — не обязательно те, кто получает зарплату на уровне МРОТ или ниже. Основным фактор бедности трудоустроенных людей — наличие иждивенцев: детей, пожилых родственников и неработающих партнеров, — [объясняет](#) Анна Лукьянова из Центра трудовых исследований ВШЭ. Этот же фактор — основная причина бедности российских пенсионеров, продолжает мысль экономист Евгений Гонтмахер. Вообще, в формальную статистику бедности пенсионеры в России почти не попадают, ведь пенсия по закону не может быть ниже прожиточного минимума. Но в реальности она нередко оказывается чуть ли не основным источником дохода всей семьи: на эти деньги пожилой человек может содержать и своих неработающих детей, и даже их детей. И это еще одно доказательство того, что официальная статистика бедности в стране нерепрезентативна.

Как государство помогает людям справиться с нищетой — и надолго ли этой помощи хватит

Россиянам с крайне низкими доходами государство помогает через социальные выплаты. И поскольку семьи с детьми — одна из наиболее многочисленных групп малоимущих, самая значительная категория социальных пособий в стране — те, которые ориентированы на детей. Это пособие по беременности и родам, разовая выплата при рождении, а также пособия по уходу за ребенком, для многодетных и малоимущих семей с детьми.

Кроме того, иногда российским семьям перепадает что-нибудь еще. Так было, например, в 2020 году, когда летом на каждого ребенка до 16 лет власти [выделили](#) по 10 тысяч рублей, а к Новому году — [еще](#) по 5 тысяч рублей на детей до восьми лет. Эти деньги, кстати, очень повлияли на статистику, отмечает экономист Гонтмахер. Первый пандемийный год был по-настоящему тяжелым, но благодаря выплатам

уровень бедности в стране даже немного сократился: до 12,1% с 12,3 годом ранее.

Текущий экономический кризис в статистике бедности мы тоже не увидим, уверена профессор географического факультета МГУ, регионалист Наталья Зубаревич.

Владимир Путин уже распорядился [поднять](#) средний размер пенсии, а еще МРОТ и прожиточный минимум; кроме того, с 1 апреля в стране [появилась](#) ежемесячная выплата на детей от 8 до 17 лет семьям с низким уровнем достатка. Всего этого хватит, чтобы сдерживать официальные показатели бедности, поэтому «сакральные 12% сохранятся», предсказывает она.

Государство сейчас максимально сконцентрировалось на людях с доходами ниже прожиточного минимума и около него, продолжает профессор, а все остальные «будут крутиться сами». Причем до конца года на такую социальную политику денег в бюджете точно хватит, говорит Зубаревич, которая годами отслеживает бюджетные данные и анализирует их. «Мы должны понимать, что в нашей стране больше четверти населения или просто бедны, или очень близко к крайне скромной границе бедности. **И в этой бедной стране люди привыкли выживать.** Им плевать на то, какую долю бедного населения назовет родное государство. Я слишком хорошо понимаю страну, в которой я живу: люди будут довольны любой подачке», — резюмирует она.

Однако сейчас можно задать слишком много вопросов, начинающихся с «как долго», продолжает Евгений Гонтмахер. Например, как долго у страны будет хватать денег на войну при общем экономическом спаде? Ведь

социальные расходы — это «велосипед, в котором нужно постоянно крутить педали», говорит экономист, и в текущих условиях, похоже, у нынешней политики сдерживания бедности нет никаких долгосрочных макроэкономических перспектив. «Без быстро развивающейся экономики никакие социальные вопросы не решаемы», — подытоживает он.

Что с нами делает бедность — и почему ей удастся влиять даже на наши КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ

Есть такое понятие — «ловушка бедности». Когда у вас мало денег, вам не на что оплатить курсы повышения квалификации себе и хорошее образование детям, качественная техника вроде компьютера и рабочие программы вам тоже недоступны — ну и так далее. Без этих «инвестиций в себя» вы не можете ни увеличить свой доход, ни обеспечить достойное будущее ребенка. Так и получается, что **вы бедный, потому что бедный**. Замкнутый круг.

Итальянская экономистка Элиана Ла Феррара давно изучает бедность и в своих работах [описывает](#) еще одну похожую ловушку, связанную с ней, — ловушку устремлений. Люди с низкими доходами, пишет Ла Феррара, считают многие цели априори недостижимыми. Причем даже в том случае, если их достижение не требует дополнительных трат.

Чтобы доказать это, экономистка провела эксперимент среди детей мигрантов. И выяснила, что, даже получая хорошие оценки в школе, такие дети часто выбирают непрестижные училища, выпускники которых могут претендовать только на низкоквалифицированную и, соответственно, низкооплачиваемую работу. Чтобы попробовать изменить это, к детям приставили специальных наставников — они помогали своим подопечным объективно оценить жизненные перспективы и поверить в себя. Спустя год дети мигрантов не только выбрали более престижные школы, но и продемонстрировали лучшие показатели успеваемости. Меры такого рода (консультации, просветительские программы) Феррара [называет](#) действенным способом помочь людям выбраться из нищеты.

Помощь в этом нужна, конечно, не только детям мигрантов. «[Исследования](#) показывают, что фатализм, отсутствие ощущения контроля над своей жизнью, внешний локус контроля (склонность искать причины своих неудач не в себе, а в окружающем мире. — Прим. Kit) — **прямые последствия бедности**. Люди не чувствуют никакого контроля над своей

жизнью, поэтому все, что происходит с ними, в их восприятии определено чем-то еще: удачей, неудачей, — но не ими самими. Это приводит к тому, что называют выученной беспомощностью, когда человек ничего не делает, чтобы изменить свою жизнь. Но это не его вина — мы все продукты социальной среды, в которой растем», — отмечает в разговоре с Kit психолог Ольга Полуэктова.

Кроме того, есть данные, что бедность влияет на когнитивные способности. Разным ученым удалось показать этот эффект в ходе разных экспериментов, и вот один из них — он [опубликован](#) в научном журнале Science в 2012-м. Его авторы предлагали добровольцам решить гипотетическую задачу — допустим, ваш автомобиль сломался и вам нужно его починить. Ремонт стоит столько-то, а денег — сколько у вас есть на самом деле. Участники эксперимента должны были выбрать: оплатить ремонт сразу, влезть в долги, если не хватает, или отложить ремонт вовсе. После того как респонденты отвечали, им предлагалось пройти один из стандартных тестов на интеллект. Те, для кого ремонт по условиям задачи был слишком дорогим, справлялись с тестом хуже, чем люди с более высокими доходами, — потому что потратили слишком много умственных ресурсов, пытаясь свести бюджет и принимая сложное решение.

Вообще, тому, что с нами делает бедность, посвящена целая куча научных работ, и большинство из них в той или иной степени касается детей. Например, американские психологи Бетти Харт и Тодд Рисли смогли [замерить](#), что

в семьях обеспеченных профессионалов с высшим образованием с детьми общаются чаще, чем в семьях низкоквалифицированных специалистов с меньшими доходами. А американский социолог Аннет Ларо [доказала](#), что малообеспеченные родители вынуждены слишком концентрироваться на физиологических потребностях своих детей. Такие взрослые беспокоятся, чем накормить ребенка, во что его одеть и как заработать на все это, а на мысли о досуге, образовании, внеклассных занятиях и хобби их уже не хватает.

Российскими данными это тоже подтверждается. Еще в начале нулевых социологи из Института комплексных социальных исследований РАН попросили россиян ответить, чем, на их взгляд, отличается образ жизни бедных семей. Среди опрошенных были люди разного достатка, в том числе с доходами ниже прожиточного минимума. Ответы малоимущих во многом были такими же, как у всех, за исключением нескольких принципиальных отличий. Как [указывала](#) соавтор исследования Наталья Тихонова, бедные слишком фокусировались на характере питания, тогда как разрыву в образовательных и карьерных возможностях уделяли мало внимания. «Это свидетельствует об относительно сужении их потребностей, „замыкании“ на проблемах простого выживания», — констатировала Тихонова.

Наконец, детство в условиях нужды может сказываться на продолжительности жизни. Социологи Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель доказали, что ценностные установки, которые формируются у человека в раннем возрасте, надолго определяют то, насколько бережно он потом относится к себе. Удивительно, но факт: чем менее

благополучным было ваше детство, тем выше шанс, что вы не будете заботиться о своем здоровье, заведете вредные привычки и станете автомобилистом, который уж слишком рискованно водит.

. ><{{{._____)

Есть расхожий тезис о том, что бедным людям нечего терять — и поэтому они готовы бесстрашно бороться за свои права, протестовать, митинговать, свергать режимы и побеждать диктаторов.

На самом деле это не так. Экономисты и политологи по всему миру спорят о связи между бедностью, уровнем социальной напряженности в обществе и устойчивостью политических систем. И приходят к выводу, что резкое падение доходов действительно может превратиться в мощный политический фактор, но долгое пребывание в бедности, напротив, [делает](#) людей аполитичными и отвращает их от участия в общественной жизни.

Говоря об аполитичности бедных, психолог Ольга Полуэктова вспоминает [пирамиду Маслоу](#). Как известно, в основании этой пирамиды лежат базовые физиологические потребности, в то время как духовные вроде самовыражения и познания — на самой вершине. Пока базовые потребности российского общества не будут удовлетворены, ничто другое не будет иметь для него большого значения, заключает она.

Маргарита Лютова

Редакторы: Анна Чесова и Саша Салахова

#05 ПЫТКИ СТАЛИ ЖЕСТЧЕ. ПИСЬМО О ПОЛИЦЕЙСКОМ НАСИЛИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Привет, это журналистка Рита Алехина. Больше 10 лет я пишу о полиции и тюрьмах — а еще о пытках. Моя карьера началась в 2012-м с описания случая в казанском отделе полиции «Дальний», где был изнасилован и убит 52-летний Сергей Назаров. Те события потрясли страну, а также привели к отставкам и уголовным делам. Пытки человека полицейскими выглядели тогда как вопиющий эксцесс — хотя уже давно было понятно, что с российскими правоохранительными органами что-то не так.

Теперь все, кажется, по-другому. Пытки проникают в области, где их раньше не было, становясь мерой воздействия на противников войны, — и никто не несет за это ответственности. В этом письме я исследую тему пыток в современной России. Почему полицейские пытаются? Насколько это массовое явление? И неужели государство сознательно использует пытки для наказания тех, кто выступает против войны в Украине? Ответы на все эти вопросы есть, и они страшные — но, возможно, не менее страшно, что российское общество к пыткам давно

привыкло.

Полицейские теперь и правда чаще пытаются?

Пытки в России — проблема не новая. Много лет правозащитники и медиа рассказывают, как пытаются [заклученных](#) в российских колониях или [срочников](#) в армии. И, конечно, задержанных в полиции — риск пострадать от насилия в отделении есть, пожалуй, у любого, кто туда попал.

Но до недавнего времени казалось, что у некоторых людей этот риск выше. Например, у [«террористов»](#) и [«экстремистов»](#), то есть сторонников движений, которые власти считают опасными. Однако в 2022 году произошло сразу несколько громких случаев пыток «обычных» людей, и появилось ощущение, что российские полицейские стали истязать чаще, отчаяннее — в том числе тех, кто открыто выступает против войны в Украине.

Так, 6 марта в московском [ОВД «Братеево»](#) избили нескольких девушек, задержанных на антивоенной акции, — одна из них записала происходящее на диктофон. 9 мая в Москве полицейские [задержали](#) Артемия Боброва,

который пришел на акцию «Бессмертный полк» с антивоенным плакатом. Согласно заявлению, которое он потом подал в Следственный комитет, в Тверском ОВД его избили, угрожали подбросить наркотики и поставили в [«растяжку»](#). А 26 сентября силовики ворвались домой к поэту Артему Камардину и его девушке, активистке Александре Поповой. При обыске Камардина избили и [изнасиловали](#) гантелью, а Поповой вырывали волосы, угрожали групповым изнасилованием и клеили стикеры на лицо. Еще Камардина заставили на камеру [извиниться](#) за «оскорбление военных». О других случаях пыток, произошедших с начала войны, можно прочитать [здесь](#), [здесь](#) и [здесь](#).

Принуждение человека к покаянию на камеру — относительно новое для Центральной России явление. В нынешнем виде эту практику силовики позаимствовали в Беларуси, полагают сразу несколько собеседников Kit. В 2018 году сотрудники белорусского МВД [заставили](#) подростка [извиняться](#) за пощечину статуе городского в Минске, а позже, во время массовых протестов 2020-го, извинения на камеру стали повсеместными. Впрочем, в самой России это практиковали еще до того, как взяли на вооружение в Беларуси, но только в одном регионе — Чечне. Уже много лет жителей этой республики публично заставляют [извиняться](#) за критику властей, принадлежность к ЛГБТ или пьяное вождение. С годами благодаря развитию интернета извинения на камеру в республике [стали](#) по-настоящему массовыми. И теперь о том, что кому-то пришлось [извиняться](#) — перед жителями Чечни вообще или

перед ее главой Рамзаном Кадыровым лично, — становится известно по несколько раз в неделю.

Пресс-секретарь «Команды против пыток» Наталья Курекина подтверждает: если раньше методом устрашения политически активных россиян были штрафы за участие в митингах и 15 суток ареста, то теперь силовики все чаще бьют, пытаются и заставляют извиняться на камеру. «Думаю, это своеобразный сигнал обществу. Мол, выходя на акцию, **готовьтесь к аду в отделе полиции**», — говорит она.

Особенно тревожит, продолжает Курекина, что сразу несколько громких инцидентов с пытками произошли именно в Москве. «Боюсь, что события в ОВД „Братеево“ и изнасилование Камардина включают зеленый свет регионам — которые и без того не особо скромничают в методах применения насилия к активистам», — констатирует эксперт. В «Общественном вердикте»* с ней согласны. «Известные нам случаи говорят о том, что силовики совсем перестали стесняться. Они так вели себя в отделениях по отношению к задержанным на антивоенных протестах, будто у полиции индульгенция», — рассуждает руководитель исследовательских программ организации Асмик Новикова.

Но стало ли пыток действительно больше — или по какой-то причине они теперь просто заметнее? «На мой взгляд, утверждать, что пыток стало больше, не совсем верно. Речь скорее о **постепенном расширении пределов возможного**. На митинге в 2011-м силовики могли выкрутить руку человеку или лишить его еды в изоляторе.

Сейчас уже „допустимо“ угрожать изнасилованием», — говорит аналитик «Команды», социолог Елена Юришина.

Этому расширению «пределов возможного» действительно поспособствовала война, полагает еще один социолог, Денис Волков. «Думаю, люди во власти (не все, но многие) исходят из того, что, когда идет конфликт, есть одна сторона — наша и есть другая — вражеская. А те, кто сочувствует украинцам, воспринимаются как действующие на стороне врага», — комментирует он. Введенная де-факто военная [цензура](#), запрет на антивоенные митинги и высказывания, а также признание людей и организаций «иноагентами» или «нежелательными» пачками — все это прямо маркирует несогласных как «врагов», с которыми можно поступать как угодно, продолжает Волков. По его словам, именно это формирует у силовиков ощущение, что им позволены любые действия, «а многие злоупотребления рождает именно чувство безнаказанности».

Но вообще-то это ощущение появилось у них не в 2022-м, а гораздо раньше, резюмирует юрист и координатор «Руси сидящей» Алексей Федяров. Просто сейчас «рамка допустимого» для силовиков стала широкой, как никогда.

Наказывают ли силовиков за пытки?

Как часто российские полицейские пытаются? Не знает никто.

Насилие в правоохранительных органах — как айсберг, лишь незначительная часть которого находится на поверхности. Люди, подвергшиеся насилию со стороны представителей власти, часто боятся говорить об этом (причем [небезосновательно](#)). Особенно это касается случаев сексуализированного насилия — здесь срабатывает не только страх, но и стыд. Даже если пострадавшие готовы заявить о произошедшем, государственные органы не всегда фиксируют их жалобы, не говоря уже о том, чтобы заниматься расследованием инцидентов.

Если все-таки удалось добиться огласки и официальной фиксации, то пытки со стороны правоохранителей, тюремщиков или военных следствие квалифицирует по [части 3](#) статьи Уголовного кодекса 286 «Превышение должностных полномочий»; она предусматривает до 10 лет колонии. Точнее, так было до недавнего времени: правозащитники много лет [добивались](#) криминализации конкретно пыток — и отчасти им это удалось. В 2022-м в статью 286 внесли поправки, содержащие слово «пытка»: четвертую часть (она устанавливает ответственность за применение пытки) и пятую (о пытке, которая привела к смерти). Поправки вводят наказание до 12 и до 15 лет лишения свободы соответственно — а также относят пытки к категории особо тяжких преступлений. Поскольку они действуют только с июля 2022-го, доступной статистики по их применению еще нет.

Впрочем, нет такой статистики и в рамках применения статьи «Превышение должностных полномочий». Следственный комитет, который и [занимается](#) подобными случаями, лишь однажды [рассказал](#), сколько жалоб на насилие конвертируется в уголовные дела — но только в колониях и СИЗО. Это произошло в 2019 году в ответ на запросы «Общественного вердикта»* и проекта [«Если быть точным»](#). Данные для других силовых ведомств, в том числе полиции, ведомство не раскрывало никогда.

Что ж, посмотрим на доступную статистику. С 2015 по 2018 год зарегистрировано 6,5 тысячи сообщений о преступлениях сотрудников ФСИН по [части 3](#) уголовной статьи «Превышение должностных полномочий». На их основе возбудили всего **148 уголовных дел**. То есть в течение этих четырех лет на каждые 44 официально зафиксированные жалобы в колониях и СИЗО по этой статье приходилось одно возбужденное дело.

Но многие жалобы даже не доходят до официальной регистрации следователем — или доходят, но не так, как нужно. Часто представители СК регистрируют заявления граждан не как сообщения о преступлении, а просто как обращения, объясняет Алексей Федяров. Разница огромна: сообщение о преступлении нельзя оставить без проверки, а обращение гражданина — можно, если написать, что «оснований для проведения проверки не найдено».

Правозащитники пытаются вести собственную статистику, но и она отрывочна. Их данные касаются только тех случаев, когда человек не побоялся заявить о пытках и на его сторону встали опытные юристы. Например, «Команда против пыток» фиксирует случаи реагирования СК на свои заявления о пытках в тех [11 регионах](#), в которых

работает, — правозащитники поделились с Kit данными, собранными за все 22 года существования. Согласно им, Следственный комитет отказывал в возбуждении уголовного дела по первичному заявлению о пытках **в 77% случаев**. А те 23% случаев, когда уголовное дело все-таки возбуждалось с первого раза, были, как правило, связаны со смертью задержанного. Правозащитники упорно обжалуют отказы СК, но в 51% случаев добиться возбуждения дела так и не удается, говорит пресс-секретарь «Команды против пыток» Наталья Курекина. Кроме того, не все возбужденные дела доходят до суда, а по тем, что все-таки дошли, 43% сотрудников правоохранительных органов получают условные сроки.

Представления о масштабах проблемы можно получить и из открытой судебной статистики, а также данных прокурорских проверок. Например, Kit изучил [статистику](#) судебных приговоров по части 3 уголовной статьи «Превышение должностных полномочий», вынесенных за 2021 год. По ней осудили 575 человек, из них 294 — военные (скорее всего, речь о случаях [дедовщины](#)), один из категории «следователей и прокуроров» и еще 240 отнесли к «иным сотрудникам правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры», то есть, видимо, большинство из них — оперативники. К реальному лишению свободы приговорили 121 человека — лишь **одного из пяти осужденных отправляли в колонию**. Но важно отметить, что по части 3 статьи 286 УК квалифицировали не только насилие — под нее же попадают случаи фальсификации или провокации преступлений. Скажем, именно по ней [судили](#) полицейских, подбросивших наркотики журналисту Ивану Голунову.

В свою очередь, Асмик Новикова из «Общественного вердикта»* говорит, что в год им удается довести до приговора **лишь 5–10% кейсов**. По ее словам, в начале нулевых правоохранители регулярно отделялись условными сроками. На рубеже нулевых и в начале 2010-х выросла доля приговоров с реальными (и порой внушительными) сроками, но в последние несколько лет сроки вновь сокращаются — и становятся условными.

Почему они пытаются?

В основе любого системного насилия лежит объективация, или расчеловечивание, объясняет социолог Асмик Новикова. Причем, по ее словам, такая объективация в принципе неизбежна, и не только в России. В любом государстве мира действуют структуры, сотрудники которых занимаются поддержанием порядка. Они — при наличии оснований, разумеется, — обязаны применять силу. То есть насилие — их рабочий инструмент.

Чтобы использовать этот инструмент, важно научиться не видеть за решением профессиональной задачи живого человека, продолжает Новикова. Силовиков этому специально учат: объясняя, что **человек — это мишень, служебная цель**. Здесь как у врачей, для которых пациент прежде всего организм, а не личность. Поэтому объективация — в чем-то необходимое условие функционирования армий, полиций и тюрем, резюмирует социолог. Но одновременно с этим объективация подстегивает пытки: если люди воспринимаются «как

матерчатые манекены, которых используют при следственных экспериментах или огневой подготовке», то увидеть грань между применением силы в рамках полномочий и избыточным насилием — вплоть до истязания — становится сложно.

Елена Юришина из «Команды против пыток» считает, что среди правоприменителей мало настоящих садистов и психопатов. «Неверно говорить, что любой полицейский — абсолютное зло, даже если новости нас к этому приучили. Люди, способные на пытку и делающие это ради удовольствия и самоутверждения, — скорее аномалия в общей массе правоохранителей», — говорит она.

С ней согласна адвокат «Общественного вердикта»* Ирина Бирюкова, которая много лет работает с делами о насилии в правоохранительной системе — например, защищала пострадавших от пыток [в ярославской колонии № 1](#). Она допускает, что «есть определенный процент сотрудников, которые шли в систему в том числе за тем, чтобы реализовать свои комплексы», но уверена: чаще всего пытающих формирует сама система.

«В своих допросах по [ярославскому делу](#) сотрудники колонии утверждали, что опасались: если откажутся принимать участие в таких „воспитательных“ мероприятиях (то есть пытках над заключенными. — Прим. Kit), их уволят. А они либо только устроились, либо семья, ипотека, кредиты. Еще говорили, что видели, как пытаются офицеры, — и считали, что это норма. И видели, что за избиения заключенных или задержанных ответственности не было. Наоборот, прокуратура

и следствие покрывали своих и отказывали в жалобах и в возбуждении дел», — рассказывает адвокат.

Как именно система стимулирует пытки, [исследует](#) Елена Юришина — по первому образованию она юрист и раньше [преподавала](#) в России на юрфаке, а потом продолжила образование в Манчестере и Гранаде в области социологии права. Для своей научной работы о причинах нарушений прав человека в России — и здесь не только пытки — Юришина изучает судебные дела, анализирует исследования, интервьюирует экспертов и самих правоприменителей.

Если совсем упрощать, то нарушение любого запрета — от поедания вредных сладостей ребенком до нарушения прав человека и полицейских пыток — человек совершает в одном из режимов: «нельзя», «допустимо», «можно» и «необходимо». Юришина уверена, что за последние годы российская полиция в отношении пренебрежения правами человека проделала путь от **«допустимо» до «можно»**.

«Это хорошо прослеживается по рассказам бывших сотрудников милиции 1990-х и 2000-х (тогда еще органы МВД назывались именно так. — Прим. Kit). В режиме „допустимо“ для достижения результата по службе в то время можно было иногда кого-то запереть, лишить еды. А потом все постепенно начало меняться. Важно понимать, что в конце девяностых тюремная система еще [была частью МВД](#). Тогда в отдельные милицейские структуры на местах попадали бывшие

тюремщики, которые приносили с собой соответствующую культуру. И в этот период в милиции вошли в обиход сексуализированные пытки, например угрозы изнасилования бутылкой», — рассказывает социолог, ссылаясь на опыт своих респондентов.

Алексей Федяров, который в девяностые сам работал следователем прокуратуры, а в нулевые дослужился до начальника отдела по надзору за следствием прокуратуры Чувашии, тоже подмечает влияние «блатных понятий» на стиль работы правоохранительных органов. Правда, по его словам, эти особенности пришли к правоохранителям не от коллег из колоний и тюрем, а «с улицы» — просто потому, что разрастание системы потребовало множества новых кадров и порог входа в нее стал минимальным.

«Количество людей в органах резко увеличилось. Например, в прокуратуре сейчас более 54 тысяч человек; в СССР же было 17 тысяч — на весь Союз. Брали всех подряд, и среди тех, кто пришел, — огромное количество выросших в криминальной среде, кто впитал с юности блатную манеру общения, „понятия“. Сейчас эта блатная система намертво перекочевала в систему взаимоотношений в правоохранительных органах», — считает он.

Так или иначе у того, что пытать стало «можно», есть нескольких основных предпосылок, говорит Юришина.

→ **Первая: пытки «упрощают» работу.** Оперативники и следователи, как правило, крайне загружены и зависят от палочной системы. «Чтобы не упала раскрываемость, чтобы продолжить заниматься еще пятьдесятю делами

параллельно, нужно как-то приспособливаться», — объясняет она логику процесса.

Самый простой способ расследовать дело — получить признательные показания. А самый простой способ получить признание — «запугать, сманипулировать или применить пытку», говорит Юришина. В этой ситуации пытаемый становится «инструментом получения быстрого признания». «Это обезчеловеченное существо, которое не воспринимается равным себе. С ним можно делать все что хочешь», — пересказывает она объяснения самих силовиков.

Кроме того, здесь важно понимать, как устроена работа правоохранительных органов, дополняет мысль Федяров: «Любой, кто пришел туда на работу, начинает жить в условиях постоянного колоссального стресса. Все эти справки, отчеты, проверки, постоянная необходимость о чем-то докладывать, причем неоднократно об одном и том же, видоизменяя свои доклады... Это психологически уничтожает человека». Неудивительно, что в таких условиях задержанный, который отказывается признавать вину или сообщать нужную информацию, часто воспринимается как еще один раздражитель и источник проблемы, подлежащий скорейшему устранению.

→ **Вторая: пытаться безопасно.** По большому счету ничто не стимулирует ни расследовать пытки, ни воздействовать на тех, кто их применил, говорит Юришина. «Чтобы попасть под суровую ответственность, нужно совершить прямо совсем что-то сверхъестественное. Например, довести человека до смерти, — объясняет она.

— Но в большинстве случаев, когда мы говорим о среднестатистических пытках, как бы страшно ни звучала

сама эта формулировка, эффективных инструментов наказать правоохранителя нет».

→ **Третья: пытки — часть полицейской культуры.** Эта причина вытекает из первых двух. «Если кого-то пытаются в кабинете у оперативника, это слышит весь этаж. Но никто из коллег не пытается это пресечь», — говорит Юришина. Ведь пытаются если не все, то многие, и каждый новый сотрудник, попадающий в такую систему, быстро начинает вести себя так же. «Например, ты — молодой неопытный оперативник. Коллега постарше говорит: „Сейчас я тебя научу, как работать. Мы его [задержанного] пристегнем наручниками к батарее, и он у нас как миленький заговорит“. Постепенно ты проникаешься этой культурой, начинаешь себя вести таким образом, чтобы окружающие тебя не осудили», — констатирует она.

Процесс «нормализации ненормального» небыстрый. Сначала человек может категорически не желать во всем этом участвовать, но постепенно у него отмирает ощущение неправильности происходящего. «Ты начинаешь все больше ассоциировать себя с системой. Привыкаешь к формальным показателям, палочной системе, премиям, — перечисляет Юришина ключевые доводы оперативников, которых ей удалось проинтервьюировать. — В итоге тебе просто удобно так жить. Если ты выбил признание — ты упростил себе работу, раскрыл больше дел, уложился в показатель. У тебя хорошие отношения с начальством, хорошая зарплата, перспектива карьерного роста».

При этом система устроена так, что принципиально не сдает своих, отмечает в свою очередь адвокат Ирина Бирюкова: «Все надзирающие органы между собой

взаимодействуют и прикрывают друг друга». В своей практике она чаще всего сталкивалась с делами, когда пытки применяли именно оперативные сотрудники. В полиции [оперативники](#) — люди, которые занимаются сбором информации «на земле». То, что они добывают в ходе наблюдения, прослушки, контрольных закупок и опросов, несут следователю — а он уже решает вопрос о возбуждении уголовного дела. Если следователь начнет привлекать оперативников к уголовной ответственности, его поручения просто некому будет исполнять.

Остальные части правоохранительной системы зависят друг от друга в неменьшей степени. «Прокуратура по надзору за исправительными учреждениями покрывает руководство колоний и СИЗО, потому что иначе возникнет вопрос об эффективности деятельности самой прокуратуры. Врачи, которые должны фиксировать пытки, полностью зависят от руководства исправительного учреждения. Эти цепочки разорвать очень трудно», — поясняет Бирюкова.

Поэтому «если ты применил насилие, тебя привлекут к ответственности, только если ты совсем выйдешь за рамки — и поставишь под угрозу само существование структуры, в которой работаешь», заключает юрист Алексей Федяров.

Бывают ли «оправданные» пытки?

В 2017 году правозащитники из «Общественного вердикта» * и социолог [Дмитрий Рогозин](#) решили выяснить, как россияне относятся к пыткам. Для этого они [использовали](#) метод телефонного опроса и поговорили с 786 людьми — но не совсем стандартным способом.

Вместо того, чтобы просто спрашивать респондентов об отношении к насилию, им предлагали примеры ситуаций, в которых можно поставить себя на место полицейского или тюремщика — и решить, применять насилие или нет. Все примеры были взяты из реальной правозащитной практики.

Выяснилось, что во многих случаях существенная доля респондентов (от 35% и выше) считают пытки допустимыми. Например, 63% из них решили, что можно пытать маньяка, который похитил детей и отказывается говорить, где они; 38% поддержали действия силовиков, которые пытали бандита, взявшего на себя всю вину за убийство, но отказавшегося сдавать подельников. А еще один пример описывал такую ситуацию: грабитель на улице вырвал сумку из рук пенсионера, это увидели полицейские и погнались за ним; догнав, они от злости нанесли ему несколько ударов. **С пониманием к действиям полицейских отнеслись больше половины — почти 52%.**

«Если говорить абстрактно, любой человек скажет: пытки — это плохо... А подход через дилеммы позволяет показать, что такое пытки на практике», — [объясняла](#) тогда Асмик Новикова. Теперь она напоминает: среди описанных ситуаций не было ни одной, в которой пытки были бы допустимы. Даже в случае с маньяком выяснять местонахождение похищенного ребенка при помощи пыток — это как передвигаться на телеге вместо машины, говорит Новикова: «С таким количеством цифровых следов, которые оставляет человек, нет никакой необходимости пытать. Проверьте камеры, геолокацию, сигналы телефона и найдите ребенка».

В общем, пытки — это всегда про насилие и беззаконие, а не про эффективность и профессионализм. Это понимают во многих странах, ведь проблема пыток силовиков не чисто российская. У каждого государства здесь свои особенности: скажем, в Бразилии и США полицейское насилие часто [направлено](#) против малообеспеченных граждан и небелого населения, в Израиле — против подозреваемых в [терроризме](#). Все эти факторы попытались обобщить в своем [докладе](#) правозащитники Amnesty International. Они пришли к выводу, что полицейскую жестокость делают возможными укоренившиеся в обществе **формы дискриминации** (такие как расизм, шовинизм и сексизм); **нестабильная политическая ситуация; постоянные нарушения прав человека и ощущение безнаказанности** у представителей правопорядка. А еще — **недостаточно проработанные законы**, которые бы контролировали эту сферу.

В некоторых государствах победить полицейские пытки пробуют реформами — и наиболее успешной

на постсоветском пространстве считается реформа МВД Грузии, начатая в 2004 году тогдашним президентом Михаилом Саакашвили. От службы отстранили тысячи полицейских, включая почти весь руководящий состав, а взамен обучили новых — и наняли на [более высокую зарплату](#). Отделения полиции стали строить из прозрачных материалов, чтобы продемонстрировать их открытость.

Но число сообщений о пытках в полиции все равно [оставалось](#) высоким. Власти пытались изменить ситуацию — например, организовали горячую линию для пострадавших, — но сообщения о насилии [продолжали поступать](#). Апофеозом стали [пытки в Глданской тюрьме](#) в Тбилиси, и Саакашвили даже [заявил](#), что случившееся перечеркнуло все успехи властей в сфере безопасности. И до сих пор в Грузии продолжают пытаться людей, говорится в [докладе](#) омбудсмана страны за 2020 год. Однако исследователи все еще считают эту реформу МВД более удачной, чем в других постсоветских странах. По мнению авторов [одного из таких исследований](#), успех связан в том числе с общественным запросом на реформирование — людям было не все равно.

Есть ли такой же запрос в российском обществе? Пресс-секретарь «Команды против пыток» Наталья Курекина обращает внимание: да, истязания людей с активной антивоенной позицией, — что-то новое, однако пытки сами по себе существуют в России давно. Задержанных, в том числе по [ничтожным поводам](#), уже много лет пытаются — но повод далеко не всегда политический, поэтому такие случаи неинтересны никому, кроме правозащитников. «Новые дела у нас появляются в разных регионах раз в две

недели. На них никто не обращает внимания», — сетует Курекина.

Так, в конце сентября — на фоне новостей об изнасиловании Камардина гантелью — «Команда против пыток» [рассказала](#) о деле, которым занимается. Житель Краснодарского края, 59-летний Виктор Краснобородько, был задержан по подозрению в избиении пасынка. Пенсионер рассказал, как с него «получали» явку с повинной в отделе полиции города Тихорецка: связали скотчем ноги и руки, предварительно согнув колени, продели под коленями лом и подвесили. «Меня начали бить электрошокером. Мне становилось плохо, в глазах темнело. Когда я начинал терять сознание, они меня приводили в чувство, ударяя ладонями по лицу», — приводят [его рассказ](#) о пережитом правозащитники. Новость об этом случае опубликовали всего три издания ([раз](#), [два](#), [три](#)), причем два из них — региональные.

С другими случаями пыток, которые с войной или политикой никак не связаны, примерно та же картина. Вот лишь пара подобных инцидентов. В августе волгоградские полицейские жестоко [избили](#) 14-летнего подростка, якобы приняв его за закладчика наркотиков; при задержании его придушивали, скручивали ремнем и затем босиком водили по подразделениям полиции. А в начале ноября екатеринбургские полицейские остановили автомобиль, за рулем которого был местный житель Михаил Кретов. Его за шею [привязали](#) к сиденью полицейской машины, избили ногами и отвезли в участок. О таких историях чаще всего пишут именно

местные СМИ, а федеральные медиа они интересуют далеко не всегда — как и, скажем прямо, их читателей.

Но и в активном распространении информации о пытках есть опасная ловушка, предупреждает Асмик Новикова. «Чем больше появляется информации о пытках, тем больше возникает эффект „опривычивания“ насилия», — говорит она.

Получается замкнутый круг: чем больше информации о насилии, тем больше людей реагируют на него индифферентно: «Да, это есть, но зачем вы в очередной раз нам это показываете?».

><{{{._____)

За «опривычиванием» насилия обязательно следует повышение уровня толерантности общества к нему, заключает Асмик Новикова. То есть не только полицейские привыкли к тому, что пытки — это «нормально». К этому привыкли мы сами.

Должна признаться, что испытала этот эффект на себе. Работая в РБК, я регулярно получала новостные релизы от разных правозащитных организаций, в том числе о пострадавших от пыток. На днях, открыв чат с представителем одной из таких организаций за 2018–2021 годы, я насчитала 17 своих ответов со словом «пропустим» и 15 — «не возьмем».

А число сообщений, которые я просто проигнорировала, мне установить не удалось — их было так много, что в какой-то момент я сбилась со счета.

Маргарита Алехина, при участии Дады Линделл
Редакторы: Лиза Антонова и Анна Чесова

#06 БЕЙ ПЕРВЫМ. ПИСЬМО О ПРИНЦИПАХ КРЕМЛЕВСКИХ «ПАЦАНОВ»

Привет, это Андрей Перцев — корреспондент «Медузы»*, который много лет пишет о российской политике.

К языку улиц, впитавшему «блатной» жаргон, российские политики обращаются регулярно. Например, глава МИДа Сергей Лавров, описывая переговоры с госсекретарем США Энтони Блинкеном, внезапно заговорил о «понятиях» («пацан сказал — пацан сделал»). Западная аудитория вряд ли поняла, о чем речь, зато хорошо понял «начальник» — президент России Владимир Путин как-то признавался, что в детстве был хулиганом, и сам вспоминал о правиле «бить первым», которому его научила «ленинградская улица».

Мое сегодняшнее письмо — о «пацанах» с этих улиц. О том, как формировалась их субкультура, ее основных законах. И еще о том, почему «пацаны» — ключ к пониманию нынешней войны и того, чем она в итоге может закончиться.

А начнем мы этот разговор с истории Петербурга — с той ее части, о которой не пишут в учебниках.

Петербург начала XX века [считался](#) самым криминальным городом даже не России, а всей Европы. На рынках и площадях орудовали карманники. Извозчики страдали от конокрадов, богатые купцы — от медвежатников, которые взламывали сейфы. Воры попроще обчищали квартиры «обычных» горожан.

Это была довольно разношерстная криминальная братия, но кое-что ее объединяло — профессиональные воры осознанно сторонились насилия. Ими двигал исключительно меркантильный интерес, который заключался в том, чтобы украсть что-то ценное и как можно скорее скрыться без лишнего шума.

Но также в городе орудовали группировки, которые смотрели на жизнь иначе, — **хулиганские**. Как правило, они состояли из молодежи и подростков: беспризорников, ребят с рабочих городских окраин, которым нечем было заняться. Историк Виталий Рыжов [пишет](#), что хулиганы совершали преступления стихийно, немотивированно — «из озорства или в пьяном виде». Избежать лишнего шума они не стремились, скорее наоборот.

«Профессиональные преступники считали любое физическое насилие, особенно убийство, делом низким и грязным; убийц не уважали и считали низшей кастой. В хулиганской же среде, напротив, избить или

убить человека считалось делом обычным и даже почетным, а изящные способы отъема денег не приветствовались», — объясняет Рыжов разницу между профессиональными ворами и хулиганами-«любителями».

Насилие было для хулиганов первичным. Например, они части избивали прохожих просто так, без цели ограбить. Или дрались стенка на стенку — одна рабочая слобода против другой — чтобы выяснить, кто сильнее.

Исследовательница Татьяна Щепанская [считает](#), что корни хулиганской любви к насилию стоит искать в массовых деревенских драках, которые в Российской империи были делом распространенным. Городские окраины — это нередко бывшие деревни и села, поглощенные растущим мегаполисом. Кроме того, деревенские жители, мигрировавшие в город, часто селились именно на его окраинах. Память о деревенских традициях они привозили с собой.

Традиции деревенских драк хранили, конечно, мужчины — отцы, старшие братья. Антрополог Дмитрий Громов и социолог Светлана Стивенсон в научной работе, посвященной российским молодежным группировкам, [пишут](#) о двух важных установках деревенского жителя, которые «оставались частью коллективного социального знания». Вот они: **«умей постоять за себя»** и **«главное ударить первым»**.

Усвоить их было важно — дрались в деревнях нередко, причем толпа на толпу. Иногда — без всякого повода:

стороны просто хотели узнать, какая из них сильнее. Впрочем, не всегда — причины для побоища тоже находили, пусть и чисто формальные. Скажем, молодежь одной деревни могла пойти на другую «из-за девушек». Или во имя «защиты детей», которых перед этим специально отряжали совершить какую-нибудь провокацию.

Деревенская драка была не только способом выпустить пар, но и значимым деревенским ритуалом. У него были свои традиции — например, участники боев подбадривали друг друга песнями. Существовал даже целый жанр — песня под драку. Парни пели: «Эй, заигрывай под драку, будем драку начинать: виноватые пришедчи (пришли. — Прим. Kit), будем головы ломать!» или «Моя белая рубашка вся окапана в крови (закапана кровью. — Прим. Kit). Посчитай, моя девчонка, сколько ран на головы (на голове. — Прим. Kit)!».

Исследовательница Татьяна Щепанская указывает, что деревенская драка также выполняла **несколько важных социальных функций**. Часть из них довольно очевидны — с помощью этих побоищ молодежь училась давать отпор и защищать свою территорию. Но есть и неочевидная — драки помогали «отфильтровывать» самых оголтелых борцов.

В критический момент противостояния деревенские девушки разнимали дерущихся: адекватные парни прислушивались к ним, но самые отчаянные продолжали драться, получая увечья или даже смертельные удары. Увечный парень терял привлекательность, и девушки обходили его стороной. Кроме того, серьезная травма служила признаком агрессии и жестокости того, кто

ее получил — выходить замуж за такого человека было опасно. Поэтому самые активные участники драк нередко оставались в стороне от семейной жизни.

Как хулиганы познакомились с «блатными» — и появились «пацаны»

До революции петербургские хулиганы были во многом носителями народной культуры русской деревни. Но на этом они не остановились — при советской власти хулиганские традиции продолжили развиваться. По мнению исследователей, окончательно эти традиции сформировались уже в пятидесятые годы XX века.

Тогда — вскоре после смерти Иосифа Сталина — в стране объявили [всеобщую амнистию](#); из мест лишения свободы вышли больше миллиона человек. Это были не только и не столько «политические» — основную массу составляли осужденные по обычным криминальным статьям.

Оказавшись на воле, бывшие сидельцы начали активно распространять воровские «понятия»

и жаргон, а общество все это активно впитывало. Социолог Антон Олейник [объясняет](#), что правила жизни в неволе советскому гражданину были понятны и где-то даже знакомы. «Оба эти института являются „тотальными“ — в тюрьме, как и в советском обществе, отсутствовали границы между личной и публичной жизнью», — отмечает он.

Нередко вчерашние заключенные селились на окраинах, где хозяйничали криминализированные подростки и рабочая молодежь. Так две эти культуры — тюремная и хулиганско-деревенская — встретились. А встретившись и соединившись, породили субкультуру уличных подростковых группировок — **появились «пацаны»**.

С одной стороны, «пацаны» стали продолжателями деревенских кулачных традиций. Они делили людей на «своих» и «чужих» по территориальному признаку: «своими» были ребята с одного двора, улицы или микрорайона; «чужими» — все остальные. А чужак — это враг, его следовало победить в бою.

С другой стороны, «пацаны» перенимали «понятия» и жаргон «блатных». Тюремная культура привлекала подростков и молодежь постарше тем, что позволяла реализовать социальный бунт — его объектом было как государство в целом, так и советская воспитательная система в частности, которая пронизывала школы, пионерские и комсомольские организации. Антрополог Вадим Лурье [подчеркивает](#): «В существовавшем тоталитарном государстве дети — в силу своего возраста, блатные — в силу своего положения и той роли, что они

играли, имели возможность создавать свои культуры, не подчиненные официальной культуре, и противостоять ей. Они могли быть изгоями».

«Изгоев» становилось все больше — группировки росли и крепились. Причем не только за счет тех, кто хотел взбунтоваться против советского государства, но и за счет тех, кто опасался за свою безопасность. Подростки примыкали к уличным бандам в том числе для того, чтобы стать для «пацанов» кем-то «своим» и больше не подвергаться насилию с их стороны. Самим группировкам это было очень выгодно, ведь чем вас больше, тем вы сильнее. И тем объемнее ваша «касса» — все члены группировки должны скидываться на общее дело, в «общак».

Иногда одного желания вступить в группировку было мало, нужно было еще пройти инициацию, в том числе — **инициацию насилием**. Например, новичка били, а он был обязан терпеть и не жаловаться. Так новоиспеченный член банды попадал в среду, где насилие было основным способом коммуникации. Члены уличных группировок коротали свои дни, постоянно прибегая к нему: лупили чужаков, которые забредали в их район; сами вторгались на «чужую» территорию, чтобы как следует подраться; избивали представителей других молодежных субкультур (например, поклонников какого-нибудь музыкального жанра) или тех, кто не знал понятий и не мог постоять за себя.

Знатоки тюремной культуры в курсе, что «понятиями» запрещено применять насилие без причины. Такое поведение считается «беспределом», и за него наказывают — тоже, конечно, насилием. Агрессия должна

быть легитимна, для нее нужен повод. «Пацаны» мастерски научились эти поводы изобретать, в чем культура деревенских драк (для защиты неких девушек или детей) снова очень пригодилась. Но не только она — аргументы вроде «не так посмотрел» и «не так ответил» тоже давали моральное право на первый удар.

Так во второй половине XX насилие превратилось в **особый язык общения на городских улицах**. Универсальность этого языка отмечает, например, исследовательница Татьяна Щепанская. «Болевые, осязательные сигналы понятны всем», пишет она, поэтому когда другая сторона не хочет общаться, насилие способно ее заставить. Оно же поможет, когда у сторон «нет общего языка (вербального или символического)».

Для подкрепления своей мысли Щепанская приводит пример: часто драки начинаются со слов «не понял». Этим агрессор обозначает, что сейчас стороны попробуют понять друг друга иначе, на всем понятном языке. Он может не только разрешить конфликт, но и объединить — потому что «через соучастие в насилии прежде чужие, незнакомые люди становятся своими».

Кроме того, насилие служит средством познания. Используя его, человек узнает, кто перед ним: другой «пацан» тоже готов лезть в драку, а «лох» — нет, поэтому его можно избить, унижить и ограбить. Еще через насилие можно учиться — если кто-то нарушает нормы сообщества, ему их «припоминают» кулаком, чтобы лучше запомнил и больше не забывал. Наконец, насилие становится орудием изгнания. Наиболее злостных нарушителей норм отчаянно бьют, чтобы они уже никогда не могли вернуться в группу.

Когда «пацаны» сблизились с государством — и как это отразилось на российской политике

«Пацанская» культура, которая возникла в пику официальной, со временем все же сблизилась с ней. Начался этот процесс еще в советские годы: во времена позднего СССР внезапно стали появляться подростковые группировки с патриотической и даже прогосударственной идеологией.

Одну из них [исследовал](#) социолог Сергей Белановский, она называлась «Коммунары» (не перепутайте с [коммунарским движением](#), это другое). В середине восьмидесятых ее основал бывший советский милиционер, который проводил для подростков бесплатные тренировки по борьбе. Так и появилась молодежная группа (не очень, впрочем, многочисленная — 100-150 человек), причудливо соединившая в себе «пацанство» и официальную риторику.

Белановский считает, что работа бывшего милиционера с дворовыми парнями не была бы возможна без одобрения — пусть и молчаливого — органов власти. Вполне вероятно, так оно и было: в отличие от абсолютного

большинства других советских «пацанских» групп, «Коммунары» не бунтовали против государства. Например, они настаивали, что ввод советских войск в Афганистан был справедливым и необходимым.

К дворовой шпане группировка относилась благосклонно — считалось, что та хулиганит «от нечего делать», и ей просто нужно помочь. Зато «врагами» были различные неформалы, спекулянты и секс-работницы — то есть те, кого активно преследовало советское государство.

Цели, которые «Коммунары» перед собой ставили, тоже были далеки от бунтарства. Среди них, например, такие: воспитать в себе физически развитую личность, готовую к труду и обороне; очистить свой район, а в дальнейшем город и всю страну от тех, кто «мешает нам нормально развиваться»; помочь трудным подросткам исправиться и подготовиться к службе в армии.

Многие установки современной российской власти почти дословно повторяют тезисы «Коммунаров», и заметить это нетрудно. То есть причины, по которым «пацанские» принципы проникли на официальный уровень, стоит искать не только в том, что на излете ельцинского периода представители российских ОПГ [получили](#) доступ к политике. Политика и «пацанство» в России встретились раньше, и к моменту прихода Владимира Путина к власти какое-то время уже влияли друг на друга. [«Уличный» опыт юности](#) российского президента просто органично вписался в этот процесс и ускорил его.

Насколько органично, стало заметно не сразу. Пока президент не превратился в единоличного начальника российской элиты, а у Кремля еще было много башен, дворовая философия главы государства не так бросалась в глаза — ее разбавляли взгляды на жизнь других статусных политиков, далеких от улицы и подростковых банд. Но после того, как глава государства публично показал, и не раз, что не готов всерьез прислушиваться даже к самым близким членам своего круга, кремлевскому двору волей-неволей пришлось принять правила петербургской подворотни и начать жить по ним. Сделать это было, в общем, несложно — криминальная культура давно проникла во многие сферы российской жизни, поэтому ее язык и принципы хорошо знакомы всем, в том числе элите.

Так что на действия российского руководства — крайне нелогичные с точки зрения дипломатии и возмутительные с точки зрения морали — стоит посмотреть «пацанскими» глазами. Западной аудитории это практически недоступно, зато мы с вами легко можем примерить на себя этот взгляд — и найти множество подтверждений тому, что именно так Кремль и действует.

Во-первых, «пацан» не стремится к тому, чтобы стать успешным в привычной системе координат — он устанавливает свой порядок, свою иерархию ценностей и свои критерии успеха, основанные на силе. Владимир Путин и его окружение тоже уверены: Россия должна иметь привилегированное положение в мировом сообществе не потому, что она социально благополучна, технологически развита или хотя бы просто богата. Аргумент здесь чисто силовой — страна располагает

ядерным оружием и очень большой территорией. Конечно, при известном упорстве благополучия и развития можно достичь, встроившись в мировой контекст на общих основаниях, но бряцать оружием и строить альтернативный мировой порядок куда удобнее.

Во-вторых, «пацанская» культура очень маскулинна, и один из способов унижить противника — усомниться в его мужественности. То же самое делают и российские руководители — мы много раз слышали, как Путин и другие представители российской власти подшучивали над «нетрадиционными ценностями» стран Запада, а официальная пропаганда пугала россиян [«гейропой»](#).

В-третьих, группировки заинтересованы в том, чтобы расти и крепнуть, и не любят «нейтральных» подростков — с помощью насилия их побуждают наконец определиться и стать для хулиганов «своими». Тогда нападки прекращаются, а «пацаны» готовы вписаться за новопривывшего в случае конфликта с конкурентами. Именно так Россия ведет себя со странами СНГ — например, напоминая Казахстану, что с ней все-таки лучше дружить.

В-четвертых, уличные группы постоянно ищут жертв, чтобы утвердиться в своем могуществе. Этими жертвами нередко становятся слабые подростки, не входящие ни в какие группировки — так «пацаны» страхуют себя от драки с сильными, которая еще неизвестно чем закончится. Нынешняя война с Украиной и конфликт с Грузией 2008 года — обе страны не входят в НАТО — хорошо в эту логику вписываются. Вписываются они и в территориальную логику формирования группировок — российская власть считает страны бывшего СССР

областью своего влияния, и по-прежнему стремится диктовать им свои правила.

В-пятых, для хорошей уличной драки нужен чисто формальный повод, и у Кремля их сразу несколько. Мы защищаем детей Донбасса и всех своих «младших» — русскоязычное население в Украине якобы притесняется, поэтому нужно его освободить. А еще мы защищаем свою территорию, ведь нам угрожают «чужие» — [размещением военных баз НАТО](#) в Украине. Слов эти «чужие» понимать не хотят, поэтому пора объяснить им нашу позицию на другом языке.

Даже кремлевское пиар-сопровождение нынешней войны вдохновлено «пацанством». Лозунг кампании — [«Своих не бросаем»](#), и он объясняет, что главное — защитить «своих», а не быть по-настоящему правыми. Тем более что «пацан» всегда прав в любом случае и может это доказать — не «базаром», так кулаками.

. ><{{{._____)

Знание пацанской логики облегчает понимание действий российской власти, ее базовой философии.

Но не прибавляет оптимизма — хулиган, который начинает драку без каких-либо рациональных причин и внятных целей, пусть и очень корыстных, будет биться до конца.

Впрочем, «пацанский» кодекс чести нигде четко не прописан и может трактоваться широко. Отступая, члены уличных группировок нередко делают вид, что на самом деле у них все получилось, а отдельные неудачи

связаны с тем, что противник задавил количеством или нарушил правила драки.

Почву для такого отступления российская пропаганда уже готовит — [утверждая](#), что страна на самом деле воюет не с Украиной, а с НАТО, то есть более серьезным и сильным противником, чем Киев. Остановить драку ради сохранения здоровья и жизни «пацану» не запахло.

■

Андрей Перцев

Редактор: Анна Чесова

#07 ВО ВСЕХ ВОЙНАХ И ПРАВДА ВИНОВАТЫ МУЖЧИНЫ? ПИСЬМО О ПАТРИАРХАТЕ

Привет, меня зовут Витя Вилисов. Я автор книги «Постлюбовь» о гендерной политике и о том, как людям быть вместе в меняющемся мире.

На протяжении всей человеческой истории большинство войн развязывали мужчины. Служба в армии и боевые действия — почти везде в мире мужское занятие, да и насилие в целом — дело мужских рук. Это потому, что мужчины более кровожадны «по природе», а женщины генетически «заряжены на мир»? Вообще нет. Одна из главных причин войн и организованного насилия в мире — патриархат и типы маскулинностей, которые он производит.

Это письмо о том, как патриархальная культура делает из мужчин монстров, развязывающих и поддерживающих войны. А еще о том, что пока не будет прерван преобладающий сегодня в мире режим гендерной социализации, насилие и война так и будут оставаться легитимным способом разрешать конфликты.

Что такое патриархат

и всегда ли он существовал

Есть что-то, объединяющее гендерный разрыв в зарплатах, запрет для женщин на [определенные профессии](#) и [невидимый женский труд](#) (в том числе по так называемому [социальному воспроизводству](#) — рождению и воспитанию детей). Что-то общее между тем, что женщины занимают [меньше 20%](#) руководящих должностей, представляют [всего 2%](#) президентских постов и 24% мест в государственных парламентах. Между [убийством новорожденных девочек](#), выборочными [абортами](#) (из-за которых только в Азии на 163 миллиона [меньше женщин](#), чем могло бы быть) и [сексуальным насилием](#), 91% жертв которого — женщины, а [99% акторов](#) — мужчины. Между [утверждениями](#) вроде «архитектура — мужское занятие» и городским общественным транспортом, который [создавался](#) под мужские маршруты «работа—дом», а женские нелинейные перемещения (часто — с детьми) при этом игнорировались.

Мне знакома неловкость, которую вызывает употребление слова «патриархат»: даже те, кто признает наличие гендерной дискриминации и бытового сексизма, часто не могут до конца поверить в существование огромной невидимой системы, пронизывающей культуру и язык; определяющей то, как мы думаем, действуем и воспринимаем — себя, других, реальность вокруг. Еще труднее поверить, что мы сами бессознательно поддерживаем эту систему, помогаем воспроизводить

ее снова и снова. И тем не менее, слишком многое указывает на то, что эта система реальна.

В книге [«Почему патриархат все еще существует»](#) психолог и социолог Кэрол Гиллиган вместе с психоаналитиком Наоми Снайдер определяют патриархат как «культуру, основанную на гендерной бинарности и иерархии, систему понятий или оптику, которая:

→ заставляет нас разделять человеческие свойства на „мужские“ и „женские“, отдавая при этом мужским предпочтение;

→ отдает некоторым мужчинам главенство над другими мужчинами и всем мужчинам — над женщинами;

→ проводит различие между „личностью“ и „отношениями“ таким образом, что у мужчины есть личность, а у женщины в идеале личности нет; при этом женщины находятся в отношениях, которые обслуживают потребности мужчин».

Но патриархат не настолько тотален, как принято думать (и как [думали](#) антропологи вплоть до шестидесятых). Не стоит видеть в нем всеобъемлющий внеисторический режим, который был всегда и везде. Мы не знаем, существовали ли в истории человека [матриархаты](#), зато знаем, что многие племенные общества были [эгалитарны](#) — мужчины и женщины в них трудились и участвовали в жизни общины наравне друг с другом. А еще мы [знаем](#), что европейские страны в XVI-XIX веках [навязывали](#) колонизируемым народам бинарную гендерную систему и [понятия](#) о подчиненном положении женщины. Что Российская империя,

а потом и СССР, [насаждали](#) западное представление о гендере народам Центральной Азии и Кавказа. И что в разных культурах патриархат, несмотря на схожие динамики, все-таки действует [по-разному](#).

Как и когда патриархат появился, неизвестно. Основоположник марксизма Фридрих Энгельс в книге 1884 года [«Происхождение семьи, частной собственности и государства»](#) пишет, что подавление мужчиной женщины в моногамном браке — первая форма классового угнетения, а конфликт между мужчиной и женщиной был своего рода прелюдией к классовому конфликту. Энгельс [предположил](#), что [преисторические общества](#) жили в небольших эгалитарных группах, но затем, с переходом от растениеводства к сельскому хозяйству, — когда человек стал производить больше, чем необходимо для выживания группы — система собственности подмяла под себя систему родства, что и привело к закреплению женщин. А более [поздние](#) антропологические [исследования](#) подтвердили и [дополнили](#) это предположение. В общем, [не всегда](#) и не везде мужчины угнетали женщин, поэтому логично предположить: у того, что имеет историческое начало, будет и конец.

Но патриархат — это не только про власть мужчин, это вообще про то, как люди воспринимают мир. Многие теоретики феминизма [указывают](#), что патриархальное сознание [определяет набор](#) из дуализмов: мысль/чувство, душа/тело, святость/грех, культура/природа, объективность/субъективность, рациональность/интуиция, агрессия/пассивность, политическое/личное, публичное/частное

и так далее. Во всех этих дуализмах первая часть отвечает за мужской опыт и считается более достойной, а вторая — за подчиненный женский. Дуальное мышление, по мнению теоретиков, [поддерживает](#) существование не только патриархата, но и других систем угнетения (например, капитализма и белого превосходства). И на нем основана идея, что мир — это место, где добро борется со злом; а эта идея играет важную роль в [милитаризованном национализме](#), который делит мир на «своих» и «чужих». Для [политики реализма](#), преобладающей в международных отношениях, она тоже важна — благодаря ей насилие все еще считается легитимным способом обеспечить безопасность и решать конфликты, в том числе на уровне государств.

Ценности патриархата люди усваивают через [гендерную социализацию](#), которая бывает первичная (в раннем возрасте) и вторичная (после совершеннолетия). С младенчества к ребенку того или иного пола относятся по-разному: например, [мальчиков](#) с большей вероятностью наказывают за плач. Розовое/голубое одеяльце; девчачьи/пацанские игрушки; мультфильмы о принцессах, которых спасают принцы; дисциплинирующие окрики от взрослых «мальчики так не ходят» и «девочек надо беречь», — патриархальный конвейер берет в оборот с самого рождения. И даже у ребенка прогрессивных родителей сегодня нет шансов избежать патриархальной гендерной ([раз](#), [два](#) и [три](#)) социализации.

Социолог Кэрол Гиллиган и психоаналитик Наоми Снайдер пишут, что с детьми в патриархальных обществах в самом раннем возрасте происходит нечто, что считается нормальным, — и что на самом деле калечит их.

Патриархат заставляет мальчиков отказываться от любви в пользу иерархий (где мужчина выше женщины, натурал выше гея), а девочек — от собственных желаний в пользу отношений, в которых они бесконечно удовлетворяют эмоциональные запросы партнера.

Патриархат, резюмируют исследовательницы, не только создает разрывы в отношениях между людьми, но и не дает людям «залечивать» их — высмеивая чувствительность и эмпатию в тех, кто наверху иерархии, а также запрещая бороться с несправедливостью тем, кто внизу.

И это первый шаг к тому положению вещей, которое делает войны возможными.

Как связаны война и маскулинность

и почему агрессию оправдывают защитой

У патриархальной культуры много катастрофических эффектов, но один из самых существенных — производство маскулинностей. Так называют набор психических, поведенческих и телесных особенностей, которые считаются «мужскими». Как и сам патриархат, маскулинность — явление неоднородное. Не существует единственного типа маскулинности: они по-разному работают в разное время и в разных регионах, а еще постоянно [меняются](#).

Каких мужчин воспитывает патриархат? Социолог Рэйвен Коннелл [выделяет](#) четыре типа маскулинностей: [гегемонная](#), подчиненная, сообщническая и маргинальная. По Коннелл, они выстраиваются в последовательную иерархию, где носители гегемонной маскулинности выше всех, но даже носители маргинальной — выше всех женщин. В свою очередь исследовательница Дайана Франсис [указывает](#), что выстраивание иерархий — в принципе ключевое свойство патриархата и маскулинностей. «Настоящих мужчин» в этой системе отличает способность использовать власть по отношению к нижестоящим или даже к равным — чтобы понизить их позиции. Власть при этом может быть интеллектуальная, эмоциональная, экономическая или политическая, но самая показательная — **власть физического насилия**.

Психолог Джим О'Нейл утверждает, что ядро маскулинной социализации составляет обесценивание и страх фемининности (то есть «женского»). Он [описывает](#) шесть ключевых последствий этого для мужчин: ограниченная эмоциональность; желание контроля, власти и конкуренции; гомофобия; ограниченное сексуальное поведение (грубо говоря, стремление к сексу без отношений) и запрет на проявление нежности; одержимость достижениями и успехом; проблемы с профилактикой здоровья и обращением за медицинской помощью. А теоретик Клифф Ченг [пишет](#), что мужчина подтверждает свою маскулинность перед собой и другими, практикуя агрессивное поведение и физическое насилие. Особенно — в отношении людей и групп, которые считаются феминными (здесь не только женщины,

но и, например, гомосексуалы).

Многие исследователи указывают, что для формирования маскулинности крайне [значим](#) «принцип контраста». То есть для маскулинного мужчины важнее «не быть как баба и гей», чем просто быть «достигатором». Это свойственная многим властным структурам характеристика — определять себя не набором уникальных черт, а «от противного»: белые — это не-черные, европейцы — не-мусульмане, гетеросексуалы — не-геи. Профессор политологии Том Воркман [пишет](#) (а другие исследователи армейской культуры подтверждают), что подготовка солдат — это прежде всего не научение «мужским чертам», а [убийство «женских»](#): запрет на сомнение, слезы и эмпатию.

Маскулинности помогают патриархату сохранять иерархии, властный статус-кво и продолжать вести войны. Историк Кэрол Крайст прямо [увязывает](#) патриархат с войной, определяя его как «систему, созданную на пересечении контроля над женщинами, частной собственности и войны, — которая разрешает и поощряет насилие, экспансию, изнасилование, мародерство, эксплуатацию ресурсов и захват рабов». Крайст уверена, что там, где патриархат, там всегда война: мужчины захватывают женщин и частную собственность, а чтобы передавать ее по наследству (естественно, по мужской линии), берут контроль над женской сексуальностью. Мужчина заточает женщину в [патрилинейную](#) моногамную семью, чтобы точно знать, что дети — его. Он запрещает женщине связи на стороне, создавая вокруг женской сексуальности ареол

греховности. Наконец, мужчина вытесняет женщину из публичной сферы в частную.

Крайст — еще и теолог, и она также разбирает, как патриархат эксплуатирует религиозные символы и мифы, чтобы создать иллюзию: якобы война и мужское доминирование — в природе вещей. Вообще, аргумент о «природе вещей» до сих пор прочно сидит в общественном сознании. Даже те, кто патриархальную культуру не поддерживает, нередко считают, что гендерный дисбаланс можно объяснить биологической разницей между мужчинами и женщинами. Мол, просто мужчины «по природе» агрессивны, а женщины — «генетически» более мирные.

У этой точки зрения есть название — [биологический детерминизм](#), и если коротко, в реальности нашего общества он не способен объяснить почти ничего. Да, отличия между мужчинами и женщинами существуют (впрочем, сегодня [сложно говорить](#) даже о существовании строго двух биологических полов), но они не объясняют существование патриархата и гендерной иерархии — все это имеет социальную природу. А фиксация на половых различиях возникла потому, что к началу формирования современной науки, то есть в XVIII веке, гендерный дисбаланс в западных обществах уже давно сформировался и укрепился. Мужчины-ученые стремились объяснить его естественным порядком вещей, игнорируя [женское знание](#) — и дополнительно увеличивая таким образом социальный разрыв между полами.

[Нет и прямой зависимости](#) между уровнем тестостерона в организме человека и агрессивностью.

В раннем возрасте агрессия мальчиков объясняется социальной санкцией — их так воспитывают, ожидая, что они будут напористы, активны и грубоваты.

Исследования [показывают](#), что учителя и воспитатели ждут от мальчиков и девочек принципиально разного: первые должны демонстрировать «бездумное и эгоистичное» поведение, в то время как вторые — «благоразумное и самоотверженное».

О войне часто говорят как о чем-то, что будет существовать всегда, потому что она тоже «в природе вещей». Но ученые точно [знают](#), что война — сравнительно [недавнее явление](#), появившееся во времена [неолитической революции](#).

Об этом, например, подробно рассказывает антрополог Брайан Фергюсон в статье о связи маскулинности и войны. Ученый приводит результаты исследований из приматологии, этнологии, археологии — и показывает: нет никаких причин считать мужчин «врожденными убийцами», а женщин — миролюбивыми «по природе». Связь между маскулинностью и войной не биологическая, а социальная. Мужчин, готовых воевать, воспроизводит само общество, и эти мужчины уверены, что именно на войне должны подтвердить свою маскулинность.

Есть еще одна существенная черта патриархата, описывающая его связь с войной, — логика маскулинной защиты, которую [исследовала](#) философ и политолог Айрис Йонг. Она пишет о «государстве безопасности», которое под предлогом защиты населения ограничивает свободы и отбирает у людей контроль над существенной частью их жизни. Эта логика переносится в международные

отношения и внутреннюю политику прямым образом из [нуклеарной](#) или [донуклеарной](#) семьи, где отец — глава, на котором лежит забота обо всех ее членах. Чтобы исполнять роль защитника было удобнее, мужчина ставит в подчиненное положение всех, кого защищает: супругу, детей и старших родственников.

Мировоззрение такого маскулина-защитника базируется на идее, что мир полон опасностей, а семья, дом или государство — крепости, которые необходимо охранять. Эту идею нужно не только все время держать в поле зрения, но и поддерживать в окружающих — чтобы оправдать власть в своих руках. Что угроза, а что нет, определяет, конечно, сам защитник. И общественный или семейный «договор» (хотя вряд ли здесь можно говорить о настоящем договоре) состоит в том, что мужчина или государство нейтрализуют угрозы в обмен на лояльность защищаемых и их отказ от участия в принятии решений — ведь когда нависла опасность, контроль должен быть централизован. Страна, живущая в такой логике, сосредотачивает все усилия на милитаризации: она наращивает агрессивную риторику и военный бюджет, увеличивает объем вооружений, принимает любые решения исходя из соображений «безопасности». И все это — в ущерб образованию, здравоохранению и гражданским свободам.

Защита женщин и детей — универсальный аргумент в развязывании войн и укреплении авторитарных режимов. В 2001-м США вторглись в Афганистан под лозунгом защиты безопасности американцев, но затем стали говорить уже об «освобождении афганских

женщин». В свою очередь Талибан «защищает» тех же женщин от внешней угрозы. Россия, оправдывая вторжение в Украину, использует аргумент [о защите «женщин и детей Донбасса»](#). Но **именно те**, кого якобы защищают, страдают в военных конфликтах больше всего: женщины, дети, пожилые, квиры, люди с физическими особенностями.

Уверенность в том, что женщина слаба и нуждается в защите, — отличительная черта патриархального общества. Профессор политических наук Валери Хадсон вместе с тремя коллегами [в своем исследовании](#) 2012 года выяснили, что чем лучше в обществе отношение к женщинам — то есть чем меньше их дискриминируют под предлогом «защиты» — тем с меньшей вероятностью государство вступит в вооруженный конфликт. Авторы [этого исследования подчеркивают](#): **демократии с высоким уровнем насилия в отношении женщин так же небезопасны и нестабильны, как и не-демократии.** А страны, где распространена культура «мужской чести», [имеют](#) более высокий уровень межличностного насилия и чаще оправдывают применение силы в конфликтах.

Связь между войной и патриархатом не односторонняя. Об этом подробно пишет профессор международных отношений Джошуа Голдстейн в книге [War and gender. How Gender Shapes the War System and Vice Versa](#) (не переведена на русский). Они постоянно питают друг друга: риторика прославления войны — патриархат, а патриархат — войну. На протяжении тысячелетий этот симбиоз порождал мифы о войне и гендере, которые живут

в литературе, фильмах, сказках и даже науке, [побуждая](#) людей думать и действовать определенным образом. Причем эти мифы постоянно обновляются: скажем, военные телеграм-каналы, прославляющие маскулинность [«Кузьмичей»](#), вносят огромный вклад в воспроизводство мифа о спокойном рассудительном мужчине-герое, без лишних слов берущем в руки автомат.

В войне мы привыкли видеть в первую очередь инструмент захвата территории и людей, но профессор политологии Том Воркман [считает](#), что дело не столько в этом. Глобальная цель войны, полагает он, — сохранять патриархальный режим. «Конечно, у войны могут быть сиюминутные цели в виде куска земли или охраны границы, — признает Воркман, — А ее подспудная цель по резервации патриархата может даже не ощущаться теми, кто развязывает войны. Но она проскальзывает в риторике о том образе жизни, который государство хочет защитить». Эту риторику легко найти, например, в заявлениях российских чиновников о «традиционных ценностях» России, с помощью которых она противостоит порочному Западу.

Война помогает оберегать патриархальный режим и удерживать власть — тем, кто ее и так держит. А еще война сохраняет подчиненное положение женщин, что хорошо видно по тому, насколько массовым является [изнасилование](#) в качестве военного оружия. Так что война — главная технология патриархата, подчеркивает Воркман, и главный инструмент для подтверждения маскулинности. При этом поле боя [остаётся](#) одним из немногих мест, где тела, искалеченные маскулинной социализацией, отбирающей у них эмпатию, могут друг

о друге заботиться. Параллельно причиняя смерть другим таким же телам.

Какой была бы планета под управлением женщин

и почему безопасность может наступить, когда все откажутся от оружия

Многие помнят [видео](#) с совещания Совбеза РФ о «признании» самопровозглашенных ЛНР и ДНР, где перед вторжением в Украину Владимир Путин отчитывает директора Службы внешней разведки Сергея Нарышкина и требует от него «говорить прямо». Это классический перформанс гегемонной маскулинности, которая в огромной степени определяет внутреннюю и особенно внешнюю политику страны последних двадцати лет. Люди, принимающие решения на таком уровне, параноидально обеспокоены сохранением своего места в патриархальной иерархии и соблюдением маскулинных кодексов поведения.

Анализируя риторику высокопоставленных чиновников, отвечающих за безопасность государств, исследовательница Кэрол Кон [вспоминает](#), как в семидесятые-восемидесятые американские военные называли своих европейских коллег **«евро-педиками»**,

а молодых советников Михаила Горбачева — **«кучкой тряпок»**. Еще она пересказывает историю физика, который работал над стратегиями ответного ядерного удара: на одном из совещаний он вслух ужаснулся, что его коллеги спокойно обсуждают возможные многомиллионные человеческие жертвы, — и тут же **«почувствовал себя женщиной»**. В свою очередь советник по безопасности американского президента в семидесятые Генри Киссинджер, оправдывая поставку оружия в Анголу, [заявил](#), что **«США должны не показаться кастратами»**. А взрыв пяти ядерных устройств Индией в девяностые местный ультраправый политик Бал Такерей прокомментировал фразой: **«Мы должны доказать, что мы не евнухи»**.

Роль гендера в международной политике изучал, например, исследователь Роберт Дин — в 2001-м у него вышла книга [Imperial Brotherhood](#) (на русский не переведена). Дин считает, что война во Вьетнаме стала возможна именно потому, что тогдашний президент США Джон Кеннеди был окружен маскулинными политиками, выходцами из исключительно мужских сообществ — школ для мальчиков, мужских общин университетов Лиги Плюща, элитных военных подразделений — которые были уверены, что действовать нужно жестко и безжалостно. Что-то похожее происходило со всеми войнами в мире — их развязывали мужчины, которые стремились утвердиться в качестве носителей гегемонной маскулинности. Это так важно для них, потому что в патриархальном обществе маскулинность — ключевой элемент идентичности мужчины.

Тогда [вопрос](#): будет ли мир, управляемый женщинами, менее воинственным? Отвечая на него, первым делом вспоминают о премьер-министре Великобритании Маргарет Тэтчер, которая в начале восьмидесятых вступила в [войну](#) с Аргентиной — да и вообще придерживалась политики, которую нельзя назвать мягкой.

В пример приводят и других женщин-политиков: премьер-министров Индии и Израиля Индиру Ганди и Голду Меир; президента Шри-Ланки Чандрику Кумаратунга и Госсекретаря США Хиллари Клинтон — всех их нельзя назвать пацифистками. А в 2017-м и вовсе вышло [исследование](#), согласно которому с XV по XX век в Европе вероятность объявления войны была на 27% выше как раз во время правления королей.

Отношения женщин с войной и милитаризмом неоднозначны. Женщины все чаще [служат](#) в вооруженных силах (хотя продолжают [сталкиваться](#) там с насилием и дискриминацией), участвуют в боевых действиях и поддерживают войны. Некоторые стыдят своих мужей, если те отказываются воевать. Одна россиянка со словами как из патриархальной методички «Иди, не будь трусом, будешь защищать меня и наших детей» [отправила](#) своего мужа в военкомат, а через две недели его убили в Херсонской области. То есть патриархальный способ мыслить калечит не только мужчин.

Мы уже выяснили, что нет ничего «биологического» в женщинах, что делало бы их изначально нацеленными

на мир. Но работы психоаналитиков [Нэнси Чодороу](#) и [Дороти Диннерстайн](#) описывают, как структуры воспитания детей в наших обществах формируют в девочках и мальчиках разное восприятие выживания — и это задает разные характеристики их личностей на таком уровне, который даже глубже гендерной социализации. То, как растят девочек, уводит их от необходимости определять себя в качестве потенциальных убийц — но это в той или иной степени прививается мальчикам. Тем не менее, если женщина попадает в систему, существующую на патриархальных принципах, с огромной вероятностью она либо изменит свое поведение в угоду системе, чтобы преуспеть или выжить, либо будет системой выплюнута. Поэтому простое [увеличение количества женщин](#) на руководящих постах, вероятно, мало чем поможет в деле прекращения войн.

В 2014 году министр иностранных дел Швеции Маргот Вальстрем заявила, что ее правительство станет первым в мире, действующим по принципам осознанно [феминистской внешней политики](#) — то есть будет стремиться достичь гендерного равенства и вовлекать женщин в мировую политику. Уже в 2022-м, на фоне [правого поворота](#) в Швеции, от этого [отказались](#), но за прошедшие восемь лет о своей приверженности феминистской внешней политике заявили Канада, Франция, Мексика, Испания, Люксембург, Германия и Чили.

Пока идут споры о том, в каком случае это смена курса, а в каком — риторика. И сегодня сторонниц феминистского движения по-прежнему [слишком мало](#) на постах лидеров государств и в национальных правительствах, чтобы

страны могли осознанно проводить феминистскую политику. Но очевидно — процесс запущен.

Достижения женщин в активизме и деле теоретизации способов ненасильственного разрешения конфликтов огромны. В том числе именно благодаря им было [переосмыслено](#) понятие безопасности. Феминистки [определяют](#) ее как отсутствие любого насилия — экономического, сексуального, политического, военного. Они пишут, что мы живем в мире, где все взаимосвязано — и где каждый несет ответственность не только за свою безопасность, но и за безопасность соседей.

Патриархальное представление о безопасности — это вооружиться до зубов и охранять границы, если надо — применить силу. Феминистское же — полный отказ от ядерного оружия, поддержка мигрантов, сокращение вооруженных сил и постепенная полная демилитаризация.

Вероятно, именно женская социализация вкупе с женским опытом по социальному воспроизводству (в котором мужчины до последнего времени почти не были задействованы) — причина того, что большинство антивоенных движений начиная с XIX века — отчетливо феминистские. В 2022 году многие обратили внимание, что именно [женщины](#) в России активнее выступают против войны, участвуют в гуманитарных миссиях, выходят на пикеты. Но вообще-то говоря в этом нет ничего нового — у женского движения за мир огромная [история](#).

Из исследований мы [знаем](#), что постконфликтные соглашения, которые заключаются без участия женщин, разрываются чаще и быстрее, чем те, в которых женщины участвуют. Один из поразительных примеров — женское движение в Либерии, где активистки помогли остановить

гражданскую войну, а затем избрать на пост президента женщину — и она стала первой женщиной-президентом африканской страны.

><{{{._____)

Отказ от войн невозможен, пока мы не признаем, что ключевую роль в их существовании играют гендер и патриархальные ценности. Только разглядев эффекты невидимых структур патриархата, можно начать им сопротивляться.

Демилитаризация и «длинный мир» не наступят без осознания, что именно маскулинная социализация — и люди, которых она порождает — ответственны за насилие. Если мы поймем это сейчас, у нас есть шанс на феминистский мир.

Мир без войн.

■

Витя Вилисов

Редакторы: Андрей Яковлев и Анна Чесова

#08 КАК ЛОМАЕТ ВОЙНА — ДАЖЕ ТЕХ, КТО ПОБЕДИЛ. ПИСЬМО О ПТСР

Привет, это Семен Башкиров, я российский журналист.

Писатель и политик Захар Прилепин сказал: «Я не знаю ни одного психически изуродованного войной человека. Есть даже люди, которые прошли плен, у которых были тяжелейшие ранения, которые видели такое, что не приведи господь, — [и это] самые замечательные, самые ясные, самые здоровые люди». Посттравматическое стрессовое расстройство у военных он считает фантазией. По мнению писателя, его придумали в «Комитете солдатских матерей», чтобы «дестабилизировать общество».

Эти слова — ложь, которая не выдерживает столкновения со множеством авторитетных научных работ. На Западе о проблеме ПТСР не только много говорят, но и тщательно исследуют ее. В 2019 году Джо Байден (тогда — кандидат в президенты США) признал, что «случаев суицидов среди ветеранов несравненно больше, чем убитых в ходе боевых действий». Позже исследование Бостонского университета подтвердило это: на семь тысяч американских военных, убитых в сражениях, приходится 30 тысяч покончивших с собой.

Возможно, Захар Прилепин возразил бы мне, что проблема существует только в США. И был бы снова неправ — в своем письме я докажу это. Мой текст — о том, какими люди возвращаются с войны. Почему это проблема всего общества, а не только конкретных военных. И какие есть способы справиться с ней (но, увы, в России с этим все плохо).

Осенью 2021 года бывший американский военный Брайан Райли [прогуливался](#) по городу Лейкленду, штат Флорида. Увидев человека, который косил газон, Райли подбежал к нему и закричал, срывая голос.

Райли кричал, что дочь мужчины по имени Эмбер хочет покончить с собой — и об этом ему, Райли, якобы сообщил сам бог. Мужчина на газоне очень удивился: во-первых, он был застигнут врасплох, а во-вторых, никакой дочери Эмбер у него не было.

Мужчина сказал об этом Райли, и тот ушел. Но на следующий день вернулся, вторгся в дом мужчины и застрелил его. А вместе с ним — его жену, их трехмесячного ребенка, бабушку и собаку.

Райли задержали. На допросе он [заявил](#), что расстрелять семью ему приказали голоса в голове, один из которых принадлежал лично «богу». Шериф американского округа Полк, к которому относится Лейкленд, на пресс-конференции по итогам случившегося [подчеркнул](#): «Это не совсем обычный преступник. Мы имеем дело с тем,

у кого, очевидно, были проблемы с психическим здоровьем».

В свою очередь директор местного филиала «Национального альянса по психическим заболеваниям» Наташа Пьер [заявила](#), что Райли страдает от посттравматического стрессового расстройства: в 2008–2010 годах он служил военно-морским пехотинцем в составе контингента ВМС США в Афганистане и Ираке.

Триггером для мужчины, считает Пьер, мог стать вывод американских войск из Афганистана — это произошло спустя 20 долгих лет после начала кампании. Многие ветераны тогда задавали себе вопросы вроде «Ради чего все это было?» и «Оно вообще того стоило?».

Что такое ПТСР — и как это расстройство проявляется у тех, кто вернулся с войны

Посттравматическое стрессовое расстройство, или ПТСР, возникает у людей, которые столкнулись с глубокой психологической травмой. Это [может быть](#), например, смерть близкого, серьезное ДТП, стихийное бедствие, сексуальное или физическое насилие. А еще война —

причем ПТСР может возникать как у мирных жителей, так и у военных (которые видели смерть или убивали сами).

При посттравматическом стрессовом расстройстве человек снова и снова [переживает](#) травмирующее событие после того, как оно закончилось. А сильные эмоции и физические реакции напоминают те, которые появились непосредственно во время события.

Если говорить конкретно о ПТСР военных, то в научных публикациях описано четыре его основных проявления:

→ **Навязчивые мысли.** Война будто возвращается во снах и флешбэках. Может даже казаться, что битва происходит прямо сейчас (как, например, [в этом видео](#)), что часто приводит к паническим атакам.

→ **Изменение в поведении.** Человек избегает мест и вещей, которые напоминают о войне. И старается максимально оградить себя от стресса, постепенно теряя интерес к работе и привычным увлечениям.

→ **Негативные эмоции и убеждения.** И не просто негативные, а преувеличенно негативные: страх, чувство вины и стыда.

→ **Настороженность.** Человеку кажется, что он должен постоянно быть начеку. Поэтому ему сложно сконцентрироваться, он плохо спит и постоянно раздражен.

Симптомы ПТСР могут проявляться как наяву, так и во сне. У этого состояния есть несколько серьезных последствий. Например, люди с ПТСР часто бывают [агрессивны](#), проявляют неоправданную злобу. Кроме того, они чаще [совершают самоубийства](#). Некоторые исследования [объясняют](#) это физиологическими изменениями, которые

происходят в гиппокампе, префронтальной коре и других частях мозга. Однако эти теории все еще не до конца изучены.

С ПТСР сталкиваются не все военные, прошедшие боевые действия. Их доля разнится от конфликта к конфликту, и подробнее об этом мы поговорим ниже. Вероятность развития расстройства [складывается](#) из нескольких факторов. Имеют значение возраст (чем старше, тем вероятнее), звание (чем ниже, тем вероятнее), а также то, становился ли сам военный жертвой физического насилия (если да, то вероятнее).

Наука не может точно ответить на вопрос, можно ли окончательно вылечить ПТСР — и [считает](#) его хроническим заболеванием. По [данным](#) ВОЗ, около 50% людей с посттравматическим стрессовым расстройством восстанавливаются через три месяца после первых симптомов. Однако есть [данные](#), которые указывают на то, что лишь треть людей восстанавливается через год.

А еще у трети симптомы ПТСР сохраняются даже спустя 10 лет.

Как люди поняли, что ветераны войн иногда становятся «другими»

Сам термин «ПТСР» [появился](#) относительно недавно, во второй половине 1970-х. Но первые попытки описать это состояние человечество предприняло более пяти тысяч лет назад.

Например, симптомы, схожие с проявлениями ПТСР, [записаны](#) на глиняных месопотамских табличках. А одно из первых упоминаний психологической травмы, нанесенной войной, [принадлежит](#) греческому историку Геродоту. Описывая Марафонскую битву 490 года до нашей эры, Геродот рассказывал об афинском воине, который ослеп, увидев смерть стоящего рядом с ним мужчины (при этом сам ослепший воин не был даже ранен).

В XIX веке тревогу и постоянное напряжение у военных [выделяли](#) в отдельное заболевание под названием **«солдатское сердце»**. Исследование этого состояния ускорила Первая мировая война: внимание психиатров привлекло огромное количество ветеранов, вернувшихся домой «другими».

Российский историк Александр Асташов так [описывал](#) влияние Первой мировой на солдат русской армии, вчерашних крестьян: «Еще более значимой для солдат-окопников являлось в качестве угнетающей травмы само сидение в окопах в состоянии вечной „тоски“ и „скуки“, нежели в бою, означавшем некоторую определенность... По сравнению с „боевыми психозами“ в окопах, остроты переживаний меньше, но срок больше. Отсюда — истощение нервной системы, упадок сил, тоска, тревожное чувство ожидания и в целом — ярко

выраженная эмотивная сфера в болезни».

Уже на второй год Первой мировой, в 1915-м, армейские госпитали воюющих держав оказались [переполнены](#) солдатами, [страдавшими](#) от приступов паники, помутнения зрения и судорог. Британский армейский психиатр Чарльз Майерс наблюдал за ними и [опубликовал](#) результаты этих наблюдений в научном журнале The Lancet. Он ввел термин «снарядный шок»: по мнению Майерса, изменения в психике военных были вызваны грохотом артиллерийских обстрелов.

То, что Майерс называл «снарядным шоком», было распространенным явлением. Но [считалось](#), что ему подвержены лишь люди с моральными недостатками и слабостями. А некоторых даже обвиняли в трусости — якобы у смельчака сражение не вызовет таких реакций. Терапия была суровой: электрошок и регулярные физические упражнения. Восемьдесят процентов военных, прошедших такое лечение, [не могли снова служить](#). Из-за этого они пытались помочь себе [сами](#) — в основном наркотиками и алкоголем (что, конечно, только [усугубляло](#) их состояние).

Некоторые способы лечения того времени были более гуманны. Например, британский армейский врач Артур Херст [пытался помочь](#) своим пациентам «разговорными методами». Никаких ударов тока и изнуряющих тренировок — вместо этого Херст отправлял ветеранов на умиротворяющие прогулки по английской сельской местности, а также [давал им возможность](#) немного поработать на ферме. Кроме того, доктор предлагал

военным раскрыть свой творческий потенциал, издавая специальный журнал — в нем, например, публиковалась колонка сплетен под названием «О чем шепчутся в палате». И утверждалось, что до 90% пациентов Херста [быстро восстанавливались](#).

К началу Второй мировой войны врачи все чаще признавали, что боевые действия могут иметь тяжелые последствия не только для физического, но и для психологического здоровья. В попытке понять, почему так происходит, ученые [пришли к выводу](#), что для участия в Первой мировой якобы отобрали слишком много мужчин, которые склонны к тревожности или «невротическим тенденциям» сами по себе.

Отчасти из-за этого вывода к военной службе в начале 1940-х [не допустили](#) в шесть раз больше американцев, чем в начале XX века. Однако это не помогло. Во Вторую мировую войну симптомы ПТСР [фиксировали](#) примерно в два раза чаще, чем в Первую. Их стали [называть](#) «психическим коллапсом», «боевой усталостью» или «военным неврозом». **Почти 1,4 миллиона из 16,1 миллиона** американских солдат во время Второй мировой войны [лечились](#) от «боевой усталости»; она же была [причиной 40% увольнений со службы](#).

Настоящий прорыв в исследовании ПТСР произошел после войны во Вьетнаме. Общество не поддерживало ее, а поставленные перед армией цели [достигались](#) с огромными потерями. В конце 1960-х американский контингент начали постепенно выводить из страны. На родину возвращались солдаты, которым война нанесла глубокую душевную травму: многие из них стали гораздо менее психологически устойчивыми; некоторые были

переполнены яростью; другие, напротив, находились в оцепенении.

Канадско-американский психиатр Хаим Шатан [назвал](#) это «поствьетнамским синдромом». Он начал кампанию за то, чтобы «синдром» признали официальным диагнозом. И в 1980-м «посттравматическое стрессовое расстройство» [включили](#) в американское Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам третьего пересмотра. А [спустя 12 лет](#) — в Международную классификацию болезней.

Американское издание ABC [рассказывало](#)* историю ветерана Вьетнама Эда Смита, и таких историй в США — тысячи. В детстве Смит учился в католической школе, служил алтарником и пел в церковном хоре. Поступил в Университет Майами, затем был призван на войну во Вьетнаме. Вспоминая о своих первых днях на войне, Смит признавал, что сочувствовал противнику. Однако быстро понял, что необходимо **«сражаться за самого себя, чтобы как можно скорее выбраться отсюда»**.

Смит быстро получил звание капитана. Артиллерийские установки, вертолеты и военные корабли приводились в действие по одному его приказу. И Смит вспоминал, что управление ими «было высшим кайфом на планете».

Спустя год службы ветеран вернулся домой. Близкие заметили, что он сильно изменился, и сам Смит рассказывал об этой перемене так: «До войны я был хорошим и кротким, а после все мое отношение к миру выражалось словами "***** (к черту. — Прим. Kit) это, ***** (к черту. — Прим. Kit) то". У меня не осталось сочувствия к другим. Армия сломала меня».

У мужчины диагностировали ПТСР. Он начал пить, его брак распался. Даже спустя десятилетия после возвращения из Вьетнама ветеран не может заснуть, не обойдя свой дом по периметру — как часовой на посту.

Но крепко спать не помогает и это: часто Смит просыпается среди ночи, чтобы совершить еще один обход.

Почему одни военные сталкиваются с ПТСР, а другие нет (и как лечат тех, кто сталкивается)

В 1983 году конгресс США [инициировал](#) полноценное исследование ПТСР солдат, вернувшихся из Вьетнама. Выяснилось, что расстройство возникло у 30% мужчин и 27% женщин.

В следующие десятилетия за ветеранами Вьетнама наблюдали ученые. И [обнаружили](#), что многие из тех, кто побывал на той войне, продолжают страдать от ПТСР даже спустя годы. Из-за этого ветераны [столкнулись](#) с целым рядом проблем: частыми конфликтами в семье и разводами, трудностями

в воспитании детей и сексуальной неудовлетворенностью, низким уровнем счастья и физического здоровья. Все это [подтвердилось](#) и в 2015 году. Тогда исследователи выяснили, что в США все еще живет около 271 тысячи человек с ПТСР, полученным во Вьетнаме.

Каждый раз, когда в последние 30 лет американская армия вступала в очередной вооруженный конфликт, последствия этого изучались учеными-психиатрами. И каждый раз часть ветеранов возвращалась домой с ПТСР. Это относилось как к успешной кампании в [Персидском заливе](#), так и к непопулярному в обществе [вторжению в Ирак](#).

Некоторые исследователи отмечали, что на частоту формирования ПТСР у военных влияла интенсивность конфликта. Так, расстройство [обнаружили](#) лишь у **11% американских солдат, отслуживших в Афганистане, но уже у 20% побывавших в Ираке**. По оценкам специалистов, эти военные кампании отличались частотой стресс-факторов. Например, [убитых видели](#) 39% «афганцев» против 95% «иракцев». Распределение по другим показателям тоже не в пользу Ирака: в солдата стреляли (66 против 93%), на него нападали (58 против 89%), он лично знал кого-то убитого или серьезно раненого (43 против 86%).

Западные издания часто пишут об инцидентах, связанных с ветеранами Афганистана и Ирака. Например, в 2014-м британская газета The Guardian [рассказала](#) об англичанине Дэнни Фицсаймонсе. В составе союзнического контингента

в Югославии, Афганистане и Ираке он был снайпером, заслужив множество военных наград.

Спустя восемь лет службы, в 2004-м, с мужчиной не продлили контракт: у него обнаружили «тревожное расстройство», но не предложили никакой психологической помощи. В Великобритании Фицсаймонса судили за нападения на людей, а также за то, что он стрелял из сигнального пистолета по подросткам, которые забрались на его крышу.

В 2008 году назначенный судом психиатр диагностировал у Фицсаймонса ПТСР, а через год диагноз подтвердил другой специалист. В своем отчете доктор писал: «Он [Фицсаймонс] четко описывает ночные кошмары, яркие сны и визуальные флешбэки. **Он часто чувствует смрад горелой плоти и ощущает запах смерти...** Все его тело напрягается, когда он видит аварийные сигналы автомобилей, так как в Ираке их включали только на тех машинах, которые перевозили взрывные устройства».

В августе 2009 года Фицсаймонс втайне от семьи и врачей поступил на работу в британскую частную военную компанию. Там его без какой-либо проверки направили в Ирак, где Фицсаймонс почти сразу [застрелил](#) двух своих сослуживцев. Мужчину на 20 лет посадили в местную тюрьму. В 2019-м его [перевезли](#) в Великобританию, где бывший военный отбывает срок до сих пор.

В том числе из-за таких инцидентов ПТСР у военных признается на Западе серьезной проблемой. В США программа медицинского обслуживания действующих военнослужащих и ветеранов покрывает расходы на лечение от этого расстройства.

Специальное американское ведомство — министерство по делам ветеранов — [занимается](#) вопросами не только физического, но и психологического здоровья военнослужащих. Для диагностики ПТСР военных интервьюируют, задавая им стандартные вопросы. Этот разговор может [занять](#) от пяти минут до часа. Например, пациенту нужно [оценить](#) по пятибалльной шкале, насколько его состояние описывают утверждения вроде «До того, как я пошел в армию, у меня было больше близких друзей, чем сейчас».

Если ветерану диагностируют ПТСР, ему предлагают лечение. Оно [включает](#) в себя как психотерапию (индивидуальную, групповую или семейную), так и прием [антидепрессантов](#).

Чаще всего при работе с пациентами, страдающими от ПТСР, психотерапевты используют когнитивно-поведенческую терапию. Это один из самых изученных психотерапевтических методов, который доказанно эффективен при многих расстройствах. Его изобрел американский психиатр и психотерапевт Аарон Бек (тот самый, который создал известную шкалу депрессии Бека). Терапия [занимает](#) около трех месяцев и [позволяет излечить около 60% пациентов](#).

Другую популярную практику многие специалисты раньше считали сомнительной, но потом ее эффективность [была](#) экспериментально [доказана](#). Она называется Eye Movement Desensitization and Reprocessing (EMDR), что на русский язык переводят как «десенсибилизация и переработка через движение глаз». Вот как это [работает](#): пациент представляет себе момент получения травмы, в то время как специалист водит перед его глазами

пальцами и просит следить за движениями. Так продолжается, пока у пациента не уменьшается тревога. Затем он должен сосредоточиться на позитивных образах и мыслях — чтобы от, например, «Я умру» перейти к «Я справился, это в прошлом».

Есть и попытки применять экспериментальные способы лечения ПТСР — наркотическими веществами. В апреле 2016-го управление по борьбе с наркотиками впервые [позволило](#) провести испытания каннабиса для лечения посттравматического стрессового расстройства у ветеранов. Уже через месяц конгресс США разрешил ветеранам покупать медицинскую марихуану для терапии ПТСР — в тех штатах, где она в принципе разрешена. Правда, вскоре республиканское большинство [заблокировало](#) поправку об этом.

Еще одно наркотическое вещество, которое некоторые исследователи [считают](#) перспективным для терапии ПТСР, — [МДМА](#). В нескольких [научных работах](#) доказывается, что прием МДМА (но не любой, а контролируемый — под присмотром врача) помогает пациентам с ПТСР во время психотерапевтических сессий лучше раскрыться, подробнее рассказать о своем травматическом опыте и проработать его.

К таким выводам исследователи пришли по итогам экспериментальных восьмичасовых сессий с несколькими добровольцами, которые страдают от ПТСР. Они принимали МДМА и [обсуждали](#) свои переживания со специалистами, а параллельно каждую неделю ходили на обычные приемы к своим психотерапевтам. Опыт с МДМА повторили еще два

раза — по разу в месяц. После этого у 66% пациентов симптомы ПТСР исчезли. Впрочем, это исследование проводилось на маленькой выборке (в эксперименте участвовали 90 человек), поэтому окончательных выводов по его итогам сделать нельзя.

Как в России реабилитируют военных с ПТСР — и кто виноват в том, что почти никак

Как ПТСР у военных изучалось в Советском Союзе, а потом и в современной России? Руководитель проекта [«Дело Пинеля»](#) (эта некоммерческая организация [занимается](#) правовой поддержкой пациентов с ментальными особенностями), врач-психиатр Виктор Лебедев в разговоре с Kit констатирует — никак.

«Мы не знаем точное количество советских солдат с диагнозами, похожими на современное ПТСР, во время Второй мировой войны — нигде нет таких

данных. Даже в фундаментальном труде „Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне“ вы их не найдете. После 1945 года ветераны с психологическими травмами просто исчезли, о них никто не писал и не говорил — государство забыло о них, а у них самих не было голоса, чтобы рассказать о себе. Сложно сказать, что с ними стало. Кто-то наверняка справился с этим, кто-то нет — злоупотреблял алкоголем или покончил с собой», — говорит Лебедев.

В следующих войнах, которые вела страна, ситуация не изменилась, продолжает он. Ни по итогам войны в Афганистане, ни по итогам чеченских кампаний нет открытых данных, позволяющих хоть что-то узнать о военных с ПТСР. «Отдельные разрозненные исследования и личные истории, которые психиатры рассказывают друг другу, — ненадежный источник. Уже это позволяет сказать, что **государство продолжает свою традицию безразличия к солдатам**», — резюмирует психиатр.

В свою очередь [Григорий Мисютин](#) — клинический психолог-консультант и когнитивно-поведенческий психотерапевт — рассказал Kit, что в России существует государственная программа психологической реабилитации военнослужащих. Согласно [приказу](#) министра обороны, на помощь «при наличии показаний» могут претендовать военные нескольких категорий — в том числе те, кто больше года выполнял «миротворческие задачи за пределами территории Российской Федерации». Речь,

правда, не о терапии ПТСР, а о помощи с психологическими проблемами вообще.

Чтобы понять, какую именно реабилитацию должен пройти военнослужащий, его определяют в одну из трех групп «по признакам утомления». А затем направляют в «санаторно-курортную организацию», где предлагают справиться с душевной травмой за 10, 20 или 30 суток.

В особо серьезных случаях ветерана могут положить в психиатрический стационар. Об одном таком — он находится в Башкортостане — в 2021-м [писала](#) Lenta.ru. «Здесь знают, что бывших военных не бывает, это на всю жизнь. Забыть войну, как они мечтают, не получится. После месяца реабилитации ветераны возвращаются домой, в семью. Многие не выдерживают спокойной жизни, устраиваются на опасную работу, уходят служить по контракту, едут в опасные командировки», — говорится в этом репортаже. Как видно, некоторые российские ветераны с ПТСР даже после лечебного курса повторяют судьбу Дэни Фитцсаймонса, пытаясь заглушить свое состояние стрельбой в новых горячих точках.

«Реабилитация солдат от государства есть, однако на местах с ее реализацией все плохо, — комментирует Григорий Мисютин. — Где-то программу получают все ветераны, где-то лица со статусом ветерана и инвалида, а где-то и этого недостаточно, чтобы претендовать на помощь и заботу. В зависимости от подхода на местах, можно [надеяться](#) на 10–20 сеансов с психологом. Однако и это может быть не предоставлено из-за бюрократии. Более того, **лечение ПТСР и [других] психических травм не укладывается в 20 сессий.** В государственных

учреждениях [программы восстановления] держатся на энтузиазме [отдельных] специалистов».

Причина — в нескоординированности работы между министерством обороны и министерством здравоохранения, уверен психотерапевт. Поэтому заявки от военнослужащих на получение помощи рассматривают долго, «от нескольких месяцев до года». «Текущая система устарела: она несправедлива, плохо управляется, чрезмерно сложна законодательно и административно. Это создает неоправданный стресс для заявителей. Кроме того, многие военнослужащие боятся, что с ними не подпишут контракт, так как из-за диагноза можно получить медотвод от службы, [и не идут лечиться]», — говорит Мисютин.

Еще одна проблема заключается в том, как устроено финансирование. Аналитики международной организации [«Дом солдатского сердца»](#), помогающей ветеранам, отмечают, что «90–95% объема финансирования [социальных учреждений, помогающих военнослужащим] приходится на федеральный уровень». То есть деньги из центра распределяются между регионами, из-за чего средства «распыляются» и часто тратятся не так, как это было предусмотрено. Поэтому «болевая точка ветеранского движения — отсутствие адресности».

Адресной помощью могли бы заниматься военные психологи, которые работают в частях российской армии. Однако ПТСР они тоже не занимаются, говорит адвокат и администратор сообщества [«Военный омбудсмен»](#) Максим Гребенюк: «Их функция заключается в том, чтобы выявить тех, у кого есть хронические предпосылки к суициду, совершению преступлений, самовольному

оставлению части. Также они смотрят на то, можно ли выдавать солдату оружие».

Он подчеркивает, что в принципе никогда не слышал о централизованных программах государственной помощи российским военным конкретно с ПТСР. Их и нет, потому что государство просто «не видит экономической целесообразности в развитии и оказании такого вида медицинской помощи», дополняет врач-психиатр Виктор Лебедев из организации «Дело Пинеля».

«Военная психиатрия часто ставит цель **выбраковать проблемного солдата из рядов армии, чтобы он не мешал в части**. Что с ним будет происходить после увольнения, врачей и командиров уже не интересует. Существуют отдельные инициативы по помощи пациентам с ПТСР после участия в боевых действиях, но они не соединены в один большой проект и программу. Оценить их эффективность сложно, потому что в открытом доступе нет ни сведений об исходах лечения, ни полноценных исследований подобных инициатив. При этом до властей не доходит, что помощь пациентам с ПТСР — это не только дыра в бюджете, но и новые рабочие места, предотвращение более значительных финансовых и человеческих потерь», — говорит Лебедев.

Он признает, что тех, кто сейчас воюет в Украине, «не так уж и много в сравнении с остальным населением России». Поэтому, когда среди российских военных увеличится число самоубийств и насильственных преступлений, а также случаев злоупотребления алкоголем и наркотиками, это «будет не очень заметным, так как не выйдет за пределы одной социальной группы».

Иными словами, разговоры о том, что после окончания войны в российском обществе резко и заметно увеличится уровень насилия, скорее всего, преувеличение. Но ничего хорошего здесь все равно нет — ведь государство не готово заботиться даже о тех, кто рискует жизнью ради его геополитических интересов.

Лебедев считает, что российским властям уже сейчас стоит начать готовить специалистов для работы с военными, у которых диагностируют ПТСР. Но не верит, что это произойдет.

«Государству будет легче набрать новых молодых мужчин из бедных регионов, а этих просто списать. Пока это подход не изменится, люди продолжают страдать. Причем не только внутри России», — резюмирует он.

. ><{{{._____)

В начале лета стало известно, что украинское правительство поддержало законопроект о легализации медицинского каннабиса — в том числе для того, чтобы лечить с помощью него посттравматическое стрессовое расстройство, полученное украинцами на войне.

«Мы понимаем отрицательные последствия военных действий на состояние психического здоровья. Мы понимаем количество людей, которые будут нуждаться в медикаментозном лечении вследствие этого воздействия. И мы понимаем, что нет времени ждать», — [написал](#) в фейсбуке глава Минздрава страны Виктор Ляшко.

Новость подхватили в том числе российские пропагандистские медиа. А руководитель отдела

расследований «Медузы» Алексей Ковалев [ретвитнул](#) соответствующую заметку РИА Новости с комментарием: «Эта новость, по задумке ее авторов, видимо, должна как-то дискредитировать Украину». Была ли такая задумка на самом деле, неизвестно, но российская пропаганда очень любит «уличить» украинское руководство в связи с наркотиками. Президент Владимир Зеленский в этой картине мира — [«наркоман»](#), а Служба безопасности Украины [якобы крышует](#) подпольные нарколаборатории.

Как бы то ни было, заявление Виктора Ляшко показательно — и демонстрирует озабоченность украинских властей проблемой военного ПТСР.

Не менее показательно и то, что представители российской власти в разгар войны не говорят об этом ровным счетом ничего.

** Ссылка, скорее всего, не откроется, если вы находитесь за пределами США или не имеете возможности использовать американский IP.*

Семен Башкиров
Редактор: Анна Чесова

#09 ПОСЛЕДНИЙ НЕОЛИБЕРАЛ ЕВРОПЫ. ПИСЬМО О БОРЬБЕ ПУТИНА С ЗАПАДНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Привет, меня зовут Георгий Ванунц. Раньше я писал о мировой политике как журналист, а последние несколько лет занимаюсь историей политических и экономических идей как исследователь.

Послушав «валдайскую речь» Владимира Путина, я, что называется, триггернулся. В центре моих исследовательских интересов — работы теоретиков того самого неолиберализма, который Путин упомянул аж трижды. Вкратце напомню, в каком контексте: агрессивный Запад — это орудие «неолиберальных элит» с их «неолиберальными ценностями», а навязываемая ими миру модель «переживает доктринальный кризис».

Сторонники президента скорее всего не вынесли из его речи ничего нового — Россия противостоит «неправильным» ценностям, о чем-то похожем кремлевские чиновники говорят постоянно. Критики Путина тоже в очередной раз убедились в том, во что и так верили — если и существует какой-то «неолиберализм», это что-то

хорошее, про свободу и прогресс, раз он так раздражает российского лидера. К сожалению, не правы ни те, ни другие — и вот хороший повод поговорить о неолиберализме. В письме я расскажу, что это такое, а также попробую прояснить ситуацию с «ценностями» и «доктринальным кризисом» неолиберализма.

Как появился неолиберализм и что в нем было нового

Скорее всего, вы не вспомните ни одного знакомого, который называл бы свои взгляды неолиберальными. Да и политических партий, которые так себя позиционируют, не существует (когда-то [была одна](#) в Никарагуа). Пользуясь термином из географии, неолиберализм — это [экзоним](#), и настоящий неолиберал скорее обидится, если вы его так назовете.

Однако еще в середине прошлого века неолибералами называли себя и один из отцов современной журналистики Вальтер Липпман, и будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман. Как вышло, что термином стали пользоваться только в критическом ключе? Долгая история, но попробуем рассказать о ней коротко, в трех ключевых этапах.

→ **Этап первый.** В период между двумя мировыми войнами идеи [свободного рынка](#) и минимального вмешательства государства в экономику — то есть, собственно, либеральные экономические идеи — утратили популярность. Оказалось, что без [активных мер государства](#) не обойтись ни в военное, ни в мирное время, когда нужно восстанавливать страну. Затем, уже в конце двадцатых, в США началась Великая депрессия, которая показала, к каким серьезным кризисам может привести отсутствие контроля в финансовой системе.

Так сторонники либеральных экономических идей обнаружили, что их попросту перестали слушать. «Пришло время признать, что борьба за либерализм и капитализм стратегически проиграна», — писал экономист Вильгельм Репке, и многие его единомышленники по либеральному лагерю были с этим согласны. В то время политические лидеры по всему миру руководствовались положениями «Всеобщей теории занятости» Джона Мейнарда Кейнса — согласно ему, в кризисный момент государство должно создавать рабочие места и стимулировать потребительский спрос. Кроме того, считалось, что странам следует отгораживаться друг от друга торговыми барьерами — пошлинами на ввозимые товары, которые ограничивают импорт и создают благоприятные условия на внутреннем рынке для национальных производителей.

Тем не менее, оставались и те, кто выступал против «кейнсианских» методов — в основном в Европе, но не только. Они [объединялись](#), издавали научные

журналы, проводили конференции — и использовали для своих идей разные названия: «конструктивистский либерализм», «ревизионистский либерализм» и, в конечном счете, «новый либерализм». Под этими знаменами собирались ученые, которые верили, что человечество нужно вернуть на путь экономического либерализма, дополнив при этом старые истины новыми рецептами.

В чем же заключалась новизна? В отличие от классических либералов XIX века, неолиберальные теоретики — например, Фридрих Хайек, Лайонел Роббинс и уже упомянутый Вильгельм Репке — считали, что свободный рынок не сможет правильно работать сам по себе. Напротив: люди иррациональны и постоянно мешают ему развиваться; они хотят выбить себе гарантированную занятость, доход и комфортные условия работы. А политики этим пользуются, бесконечно обещая избирателям заботу в борьбе за голоса. Бизнес тоже постоянно стремится укрепить свое положение нерыночными методами. Словами французского экономиста Эрика Ружье, от государства в такой ситуации требовалось «не безразличие наблюдателя, но нейтралитет арбитра».

→ **Этап второй.** Идеи неолибералов стали популярными далеко не сразу. Помогла Вторая мировая — после нее пророчества о коротком пути от государственного вмешательства к тоталитаризму зазвучали чуть убедительнее. Сыграла роль и холодная война — она добавила очков тем, кто называл предпринимательство основой западной индивидуалистической (а не коллективистской, как в СССР) цивилизации. К этому

времени центр неолиберальных идей переместился из Европы в США — например, Гэри Бэккер из Чикагского университета озвучил революционную для того времени мысль, что экономические мотивы пронизывают любое действие человека, в том числе [семейные отношения](#). А его коллега Милтон Фридман предложил заменить сложную систему налоговых льгот и финансовой поддержки прямыми денежными выплатами, предоставив каждому самостоятельно решать, на что их потратить.

Настоящую популярность неолиберальные идеи получили в конце семидесятых, чему способствовали [нефтяной кризис 1973-го](#) и замедление сильнейших западных экономик. Государства по-прежнему стремились контролировать свои экономические системы, но безработица и инфляция прогрессировали. Теперь уже идеи государственного регулирования смотрелись беспомощно — и это открыло дорогу [«неолиберальной революции»](#).

В 1979 году пост премьер-министра Великобритании заняла Маргарет Тэтчер, а в 1981-м на первый президентский срок в США заступил Рональд Рейган. Оба лидера провели сокрушительные неолиберальные реформы: приватизировали государственные компании, сократили налоги для бизнеса, ослабили госрегулирование финансовой системы. В процессе они вступили в лобовой конфликт с местными профсоюзами — и в итоге раздавили их не столько силовыми, сколько экономическими методами (в частности, разрешив компаниям переносить производства в страны с более дешевым трудом).

Где-то в этот период идеи неолиберализма превратились в мейнстрим, причем не только на Западе. Неолибералы

стали все чаще получать Нобелевскую премию по экономике: Фридрих Хайек и Милтон Фридман стали ее лауреатами с разницей в два года, в 1974-м и 1976-м соответственно. А понятия «дерегуляция», «приватизация» и «свободный рынок» распространились настолько, что перестали ассоциироваться с какой-то конкретной теорией.

→ **Этап третий.** В девяностые и в Великобритании, и в США на смену [откровенно консервативным](#) лидерам пришли вроде бы прогрессивные политики. Но, по большому счету, они не стали ничего менять. Ставший в 1997-м премьером Великобритании Тони Блэр — как и Билл Клинтон, занявший пост американского президента в 1993-м — не повернули вспять неолиберальные преобразования восьмидесятых. Оба рисовали образ светлого будущего, путь к которому лежит через все те же дерегуляцию, глобализацию и развитие предпринимательства. Лидеры девяностых [продолжили](#) строить неолиберализм, но более мягкий — что называется, с человеческим лицом.

В этой воображаемой хронологии есть и четвертый этап, про который можно сказать

«Вы находитесь здесь». Но о нем чуть позже — пора разобраться с определениями.

Почему неолиберализм всех

превращает в правых — даже левых

Так что же такое неолиберализм? На этот вопрос есть много ответов, но для простоты сведем определение к трем основным уровням: идеологическому, экономическому и управленческому.

→ **Идеологически** разные неолиберальные теории сходятся на том, что кратчайший путь к процветанию общества лежит через создание свободного рынка (и защиту его от политических посягательств). Свободу личности неолибералы тоже понимают в первую очередь в рыночном ключе — как возможность руководствоваться своими интересами в условиях прозрачных и предсказуемых правил рыночного обмена.

→ **Экономически** такой порядок вещей обеспечивается комплексом мер: приватизацией, то есть передачей собственности из государственных рук в частные; дерегуляцией рынка; сокращением государственных расходов на социальную сферу; снижением налогов для бизнеса; ужесточением монетарной политики (государство не допечатывает деньги на необходимые расходы из страха перед инфляцией). За соблюдением этих мер следят специальные институты. Центробанк курирует кредитно-денежную политику. Конституционный суд отвечает за то, чтобы исполнительная власть не вмешивалась в дела свободного рынка. А организации

вроде Международного валютного фонда контролируют ситуацию извне — и, например, дают доступ к кредитам только в том случае, если страна следует заданному курсу.

→ **С управленческой точки зрения** неолиберализм представляет собой технологию, с помощью которой контролируется как общество в целом, так и каждый человек в отдельности. Можно назвать это социологическим термином «производство субъекта», а можно по-простому — воспитательной функцией. Суть одна: человека с правильным (то есть неолиберальным) поведением необходимо формировать и направлять. Как [говорила](#) Маргарет Тэтчер, «экономика — лишь метод; задача — изменить души». Много ли кто согласится, что за спасение жизни на операционном столе нужно платить, выходной лучше провести в офисе, а некоторые люди достойны зарабатывать в сотни раз больше других? Вряд ли, поэтому человека с такими взглядами приходится буквально «создавать», без устали объясняя ему, что: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, каждый сам кузнец своего счастья, имущественное неравенство отражает разницу в способностях и старании — ну, и так далее. Короче, гражданина следует отучать от мысли, что у него есть еще какие-то интересы кроме личных и семейных.

Так в чем, собственно, кризис неолиберализма — или Владимир Путин его выдумал? Кризис правда есть, и дело здесь не столько в экономике, хотя к неолиберализму достаточно и чисто экономических претензий. Например, некогда главный экономист Всемирного банка и нобелевский лауреат Джозеф

Стиглиц критиковал неолиберальную модель еще на исходе девяностых. После финансового кризиса конца нулевых о «смерти» неолиберализма говорили очень многие, а в середине десятых Международный Валютный Фонд согласился, что эффективность комбинации «дерегуляция плюс приватизация» переоценена.

Но ключевые проблемы наметились на идеологическом уровне. Дело в том, что неолиберализм совершенно не интересуют вопросы, которые западный мир активно обсуждает уже несколько лет. Следует ли запрещать аборт? А разрешать однополые браки? Нужно ли легализовывать наркотики и ужесточать законы о домашнем насилии? А защищать «традиционную семью»? Ответов на все это у неолиберальных теорий просто нет.

Отсутствие внятного политического содержания дает неолиберализму свои преимущества. Главное — гибкость: неолиберальные идеи отлично встраиваются в самые разные политические контексты. Возьмем, к примеру, французского президента Эммануэля Макрона и премьер-министра Венгрии Виктора Орбана. Сложно представить себе более непохожих политиков, но если приглядеться, быстро обнаружатся определенные сходства. Макрон почти на четверть сократил налоги для бизнеса и с первого дня у власти борется с традиционно сильной в стране системой защиты трудовых прав; Орбан опустил корпоративные налоги до самой низкой отметки во всем Евросоюзе и [увеличил](#) продолжительность рабочего дня на два часа.

То есть столь привычное нам в России разделение на «хороших» либералов и «плохих» автократов на самом деле не вполне справедливо: они **могут заниматься похожими вещами**.

Даже если неолиберализм вам симпатичен несмотря ни на что, а неравенство и сокращение госрасходов на социалку не сильно беспокоят, плохие новости найдутся и для вас. Они такие: «прогрессивный» неолиберализм может скатиться в «авторитарный» — в обществе, где и для государства, и для граждан экономика важнее политики, такая опасность существует всегда.

Не предлагая ничего нового в экономике, в политике новые лидеры нередко сдвигаются сильно вправо — причем не только в отношении мигрантов или представителей ЛГБТ. Дональд Трамп, например, регулярно увольнял чиновников за нелояльность, подчинил вообще-то надпартийный Верховный суд Республиканской партии, а проиграв выборы, спровоцировал штурм Капитолия. Теперь уже бывший президент Бразилии Жаир Болсонару во втором туре недавних выборов блокировал с помощью полиции целые автобусы с избирателями — потому что подозревал, что они отдадут голоса его сопернику Луле да Силве. Виктор Орбан и Ярослав Качиньский последовательно борются с независимостью судов и медиа в Венгрии и Польше соответственно. А правительственная коалиция новоиспеченного премьер-министра Италии Джорджии Мелони продавливает закон, предусматривающий тюремные сроки для организаторов «незаконных» собраний численностью больше 50 человек.

Почему же «прогрессивный неолиберализм» оборачивается «реакционным популизмом»? Как минимум

одна из причин лежит на управленческом уровне, о котором мы говорили выше. Вспомним: важнейшей частью воспитания неолиберального человека становится деполитизация — его роль из гражданской превращается скорее в потребительскую.

Такое воспитание влияет буквально на все, но особенно выделим два момента. **Во-первых**, общество теряет привычку к демократической самообилизации. Когда люди забывают о своей гражданской роли, они еще забывают о том, как важно защищать не только свои права, но и чужие. **Во-вторых**, государство привыкает принимать все важные решения в тесном кругу экспертов-технократов и крупного капитала, без участия граждан. При этом элиты начинают руководствоваться бизнес-логикой — им не очень понятно, зачем соблюдать закон, если его можно нарушить безболезненно и, главное, с выгодой.

Что-то напоминает, не так ли?

Как Путин боролся с неолиберализмом (и проиграл)

Россия подарила истории пример одной из самых неуклюжих и трагичных [попыток](#) провести неолиберальные реформы. Нам она известна под названием [«шоковая терапия»](#).

Чтобы трансформировать экономику постсоветской России в рыночную, в 1992-м премьер-министр Егор Гайдар провел серию радикальных экономических реформ, в результате которых цены на некоторые товары взлетели в 25 раз, огромные активы были выкуплены у государства за бесценок, страна погрузилась в экономическую депрессию до конца десятилетия, а от промышленности почти ничего не осталось — разве что добыча и первичная переработка сырья.

Возглавивший государство в 1999-м Владимир Путин неоднократно публично отстраивался от «лихих девяностых» и [«поураганивших»](#) тогда «деятелей». Давайте же посмотрим, как он боролся с противоречивым наследием «шоковой терапии» и неолиберальными элитами, которые на ней заработали — причем начнем с успехов.

Первые два срока молодого российского президента пришлись на очень удачный период. Цены на нефть и газ [росли](#) а вместе с ними — ВВП страны и иностранные инвестиции. В стратегических отраслях промышленности — от углеводородов до аэрокосмической отрасли и атомной энергетики — появлялись государственные корпорации. Кремль вернул себе контроль над нефтегазовой отраслью: если в 1999-м на долю государственной «Роснефти» приходилось 12,4 миллиона тонн нефти, то к 2018-му показатель [вырос](#) уже до 194,2 миллиона. А доля компании в доходах

федерального бюджета за тот же период [увеличилась](#) с 1% до 28%.

Сменивший Путина на посту президента Дмитрий Медведев задумал амбициозную приватизацию, но она так и не случилась. Аркадий Дворкович (при Медведеве он занимал пост помощника президента, а потом шесть лет работал зампредом правительства) даже составил [план](#). Он предполагал продажу в частные руки «Русгидро», «Интер РАО ЕЭС», ВТБ, «Россельхозбанка» и, главное, «Роснефти» — но натолкнулся на активное сопротивление генерального директора последней Игоря Сечина и не получил одобрения Путина, занимавшего тогда пост премьера. Сам Путин, правда, был [полон решимости](#) приватизацию провести, причем не отказался от этой затеи ни [пять](#), ни [десять](#) лет спустя. До сих пор Росимущество регулярно составляет планы приватизации сотен федеральных государственных унитарных предприятий, но следовать им удается [не очень](#). В отличие от добывающих компаний, ФГУПы не представляют особого интереса для частных покупателей из-за своих [особенностей](#).

Итак, режим хорошо закрепился во всех стратегических областях. Помимо топливно-энергетического комплекса, к госкомпаниям и доверенным лицам Кремля перешли крупные медиаактивы — [от НТВ до «Коммерсанта»](#). Казалось бы, от неолиберализма это максимально далеко, но дьявол, как известно, в деталях. Не стоит видеть в этом процессе простой захват государством привлекательного бизнеса, тут все сложнее. Как [демонстрирует](#) политолог Илья Матвеев, на исходе нулевых власть и предприниматели просто изменили форму

взаимодействия. Да, бизнесмены утратили возможность прямого давления на государство, зато в их распоряжении **появились удобные каналы лоббизма** вроде [Российского союза промышленников](#) и предпринимателей и [Госдумы](#).

Устанавливая контроль над нефтью, газом и СМИ, государство последовательно занималось неолиберальной дерегуляцией всего остального. Еще в 2001-м в стране приняли плоскую налоговую шкалу с одной из самых низких в мире отметок — 13%. А налог на прибыль предприятий упал с 35% до 24%. Следом, в 2004-м, Владимир Путин подписал [закон](#) о «монетизации льгот»: миллионы россиян-льготников лишались права бесплатно ездить в общественном транспорте и получать необходимые лекарства, а взамен им предлагались ежемесячные выплаты. По всей стране прокатились [акции протеста](#): пенсионеры перекрывали шоссе, на их сторону публично [встал](#) тогдашний патриарх Алексей II. Рейтинг Путина [упал](#), и «монетизацию льгот» частично свернули.

Чуть раньше, в 2002-м, В России приняли первый полноценный постсоветский Трудовой кодекс. В числе прочего, документ декларировал своей целью защитить интересы работодателей, которые [получили](#) большую свободу определять нормативы на предприятиях. Кроме того, обновилось понятие «срочного трудового договора» (СТД), который отныне мог быть заключен «по соглашению сторон» в том случае, если общее число сотрудников в компании не превышает 35 человек. В одной из инструкций по составлению СТД так [прямо и говорится](#): «Срочный трудовой договор — удобная вещь для работодателя. Истек срок — увольняем работника,

дополнительные основания и его желание для этого не потребуются».

Путешествуя по Европе, вы могли столкнуться с внезапной отменой рейса или поезда из-за забастовки авиадиспетчеров и железнодорожников. В России такой номер не пройдет — [статья 413](#) Трудового кодекса де-факто лишила права на забастовку сотрудников предприятий энергообеспечения, тепло- и водоснабжения, авиационного, железнодорожного и водного транспорта, а также больниц. Чисто технически им не запрещено бастовать совсем, но если забастовка создает «угрозу жизни и здоровью людей» — да. Как определить, когда такая угроза возникает? Никак, поэтому статья 413 стала основой для судебных решений, по которым сотрудникам [РЖД](#) и [Аэрофлота](#) бастовать запретили в принципе.

Бюджетников принято считать главными избирателями Владимира Путина, но много ли он для них делает? [«Новая система оплаты труда»](#) в 2008-м, [«система эффективного контракта»](#) в 2012-м — власть систематически не столько повышала зарплаты учителям и врачам, сколько вводила запутанные критерии оценки их труда, а гарантированную часть зарплаты, напротив, сокращала. В 2010-м стартовала «оптимизация» медицинской сферы, провал которой почти десять лет спустя [признает](#) экс-министр здравоохранения Татьяна Голикова. А попытка закрыть неэффективные больницы и высвободить таким

образом деньги для повышения зарплат врачам [привели](#) к сокращению количества младших медработников в два с половиной раза, среднего персонала — на 10%, врачей — на 2,2%. Во многом именно поэтому даже в постпандемийном 2021-м, когда поток пациентов снизился, многие российские врачи [продолжали](#) работать на полторы ставки, систематически перерабатывая.

Доля бюджетных расходов на здравоохранение начала неуклонно [снижаться](#) задолго до войны, пандемии и даже падения цен на нефть — с 2007 года. То же касается и образования — с 2012 по 2019 год федеральные расходы на «Общее образование» сократились **с 128 до 14 миллиардов рублей**.

Как и большинство стран мира, в период карантинной стадии пандемии Россия была вынуждена резко увеличить расходы, чтобы поддержать сидящих дома граждан и вынужденные каникулы бизнеса — расходы федерального бюджета в разделе «Национальная экономика» [подскочили](#) с 2,83 до 3,63 триллиона рублей. Но [меры](#) поддержки — например, семей с малолетними детьми или потерявших работу — носили точечный и краткосрочный характер. Зато проведенная незадолго до пандемии пенсионная реформа, в ходе которой возраст выхода мужчин на пенсию подняли до 65 лет при средней ожидаемой продолжительности их жизни в 64 года — теперь если не навсегда, то уж точно надолго.

Казалось бы, с началом войны в Украине и на фоне беспрецедентных санкций российские власти должны были изменить экономический курс — как минимум для поддержания боевого духа граждан. Не тут-то было. Достаточно просто взглянуть на [правительственные меры](#)

«по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций», и станет понятно, что на новый курс они никак не тянут.

Например, раздел «Социальная поддержка» главным образом может похвастаться ежемесячными пособиями на ребенка для семей со среднедушевым доходом ниже минимального размера оплаты труда. А «временное трудоустройство работников приостановивших работу предприятий» на деле представляет собой возможность (не гарантию!) получить согласие от руководителя подработать в другом месте, не расторгая основного договора. Вот в общем-то и все. Куда богаче выглядит раздел мер поддержки бизнеса. Здесь вам и субсидированная ставка для импортеров, и гранты, и кредитные каникулы, и обнуление НДС для гостиниц, и мораторий на плановые проверки — **десятки мер**.

Наконец, объявленная в сентябре мобилизация представляет собой очень странный гибрид откровенного принуждения, с одной стороны, и финансового стимулирования — с другой. На запущенном по инициативе правительства сайте «Объясняем.рф» [указаны](#): сумма минимального месячного довольствия каждого мобилизованного в 195 тысяч рублей, список из 12 налоговых и прочих льгот, а также подробная инструкция о том, как подавать декларацию 3-НДФЛ и заявление на кредитные каникулы. Деталей того, как будет формироваться финальная сумма довольствия, никто так и не опубликовал, но согласно [приказу](#) Минобороны она будет высчитываться в лучших традициях эффективности. Прыгнул с парашюта? Надбавка. Обезвредил мину? Надбавка. Отработал задачу? Надбавка.

Эта гремучая смесь финансового стимулирования и отъема у человека хоть какой-то легальной возможности требовать пересмотра навязанных ему «сверху» условий, стала визитной карточкой российского режима управления последних 20 лет. И это отразилось на том, как сами россияне воспринимают собственную жизнь. Например, по [наблюдениям](#) британского социолога Джереми Морриса, жители бывших советских моногородов давно смирились с тем, что оказались в проигравших по итогам реформ девяностых. Эти люди больше не верят в возможность перемен, а если в их жизни и есть какой-то выбор, то довольно печальный: между работой за маленькую зарплату, безработной жизнью в пустеющей провинции и [«гаражной» экономикой](#). Ни один из этих вариантов **не предполагает социальных гарантий**.

Положение врачей и учителей ничем не лучше. В ответ на робко озвучиваемые ими жалобы власть рекомендует [поискать подработки](#) или [податься в бизнес](#). Любоедские [цитаты](#) — можно вспомнить совет свердловского депутата поменьше есть или откровение чиновницы Ольги Глацких о том, что государство никого не просило рожать — это не столько хамство, сколько искреннее недоумение российских неолиберальных администраторов. Какие могут быть вопросы, [это же экономика, глупый!](#)

Такое пренебрежение порождает апатию не только у бюджетников или жителей «депрессивных регионов». Комментируя знаменитую московскую любовь к заборам,

антрополог Ольга Шевченко [называет](#) их элементами «крепостей», физическими воплощениями автономии и невовлеченности людей. Для обитателей этих крепостей участие в политике — нечто противоположное жизненной практичности. В чем смысл? Его нет. Поэтому «постсоциалистического субъекта можно узнать в первую очередь по его невовлеченности и готовности оставить... политику политикам», пишет Шевченко.

Сколько бы чиновники и идеологи российской государственности вроде Александра Дугина не вещали о «традиционных ценностях», Россия остается атомизированной страной, где главная традиционная ценность, она же [основная жизненная стратегия](#), — индивидуализм. Россияне отдают [предпочтение](#) индивидуальной работе с четкой зоной личной ответственности; в основном [уверены](#), что другие склонны заботиться лишь о себе; [не интересуются](#) политикой и не готовы в ней участвовать; а из гражданских действий предпочитают в основном волонтерство и онлайн-петиции.

Одним из результатов путинской эпохи стало превращение политической жизни страны в моральное противостояние элит и очень небольшой части общества. Но дело не только в количестве. До сих пор самыми организованными в истории новой России были протесты начала десятых, но и их нельзя назвать сплоченными. В предисловии к [сборнику](#) исследований о том периоде составили констатируют: «Участники движения... зачастую не доверяли ни одной институциональной политической силе, предпочитали говорить на языке морали, а не политики».

О чем же на самом деле была «валдайская речь»

Все 22 года правления Путина государство одной рукой устанавливало контроль над стратегическими отраслями и укрепляла отношения с крупным бизнесом, а другой сокращало финансирование социальной сферы и подтачивало трудовые права работников.

Забастовки запрещали, протесты подавляли, возможности гражданского участия в политической жизни схлопывали, а публичная риторика чиновников все чаще показывала, что режим не готов идти на переговоры — ни об экономических, ни о политических правах. Так россияне все сильнее убеждались, что любые коллективные усилия тщетны, активные протесты опасны, а политика — дело не только грязное, но и бесперспективное. Люди с головой уходили в частную жизнь, и история эта в общем-то рассказанная. Аполитичности россиян посвящены сотни текстов, написанных как до, так и [после](#) начала войны. Проблема в том, что эта аполитичность рассматривается как нечто anomальное (моральная проблема, культурные особенности), а не как естественное следствие десятилетий деполитизации.

Означает ли это, что именно в России был построен «радикальный вариант современного неолиберального капитализма», как диагностирует социолог Григорий Юдин?

Или, [словами](#) социолога Джереми Морриса, стала ли наша страна «лабораторией капиталистического реализма», чье ключевое отличие от западных аналогов заключается лишь в том, что российской власти не приходится считаться вообще ни с кем, проводя свои эксперименты?

Ответ на все эти вопросы, пусть и неосознанно, дает сам Владимир Путин — все в той же «валдайской речи». В ней он формулирует теорию о двух Западах: первый — христианский, «в чем-то нам близкий»; второй — «агрессивный, космополитический, выступающий как орудие неолиберальных элит». Главной идеей плохого Запада, по мнению президента, стало «стирание всех и всяких различий», которое якобы пытаются навязать России. Нетрудно догадаться, о чем речь — гей-парады, «родитель номер один и родитель номер два», а также прочие [«извращения, которые ведут к деградации и вымиранию»](#).

Как водится, Путин не конкретизирует набор «традиционных ценностей», которые Россия хочет всему этому противопоставить. Справедливость же, вынесенная в заголовок его выступления, понимается им как глобализация и деполитизация мировой торговли — то есть что-то вроде безусловного права России игнорировать любые политические препятствия на пути ее экономического целеполагания.

Как видно, если в чем-то и виноваты перед российским президентом неолиберальные элиты, так это в том, что

оставили его последним истинным неолибералом Европы — нарушив собственные же догмы. Разве можно сознательно жертвовать экономическим ростом и бытовым комфортом граждан, отказываясь от российских углеводородов ради поддержки Украины?

Разве этому [учил Милтон Фридман](#)?

><{{{._____)

В общем, насчет «доктринального кризиса» с Путиным можно согласиться — стало очевидно, что неолиберализм плохо работает на процветание абсолютного большинства населения планеты, а еще порождает реакционных популистов с авторитарными замашками.

Кризис этот может закончиться по-разному. Например, принципиальным отказом от экономического роста как главной задачи человечества — и переходом к новому [Зеленому курсу](#), в рамках которого государства переориентируются с поддержки бизнеса на защиту граждан и предотвращение климатической катастрофы. Или — авторитарным поворотом и дальнейшим сворачиванием демократических свобод ради поддержания стабильности режимов и защиты крупного капитала.

Интересно, какой из вариантов поддержал бы российский президент.

Георгий Ванунц
Редактор: Анна Чесова

#10 ПОЛЬША ВООРУЖАЕТСЯ. ПИСЬМО О ПОПЫТКЕ СОЗДАТЬ САМУЮ МОЩНУЮ АРМИЮ В ЕВРОПЕ

Здравствуйте, этот текст будет анонимным. Я — журналист и историк из Москвы — решил сохранить имя в тайне, потому что живу в России и не хочу рисковать своей безопасностью.

Много лет я изучал историю Польши и ее современную политическую жизнь. Война в Украине — или, если брать шире, конфронтация России с Западом — ставит перед Варшавой множество сложных вопросов. Пожалуй, главный — как защитить себя? В конце концов, совсем рядом — большой агрессивный сосед, который ведет себя все более непредсказуемо. Кажется, пора активнее вооружаться.

И Польша вооружается, а также наращивает свою армию. Западные журналисты даже заговорили о том, что прямо на наших глазах в Европе рождается новая военная держава с таким потенциалом мощи, что может превзойти любую страну Европы.

Как именно Польша планирует достичь своих целей? А если у нее получится, как это повлияет на соотношение сил в Европе? Обо всем этом — мое письмо.

Как Польша решила модернизировать армию

И каких целей хочет достичь

Сделать свою армию одной из самых мощных в Европе Польша задумала за полтора года до вторжения России в Украину. Важную роль в этом сыграл Ярослав Качиньский — сооснователь и многолетний председатель правящей консервативной партии «Право и справедливость». В Польше его нередко называют Prezes, что значит Председатель: во внутренней политике Польши Качиньский считается одной из самых влиятельных фигур. В значительной степени именно он контролирует ключевые решения властей и кадровые перестановки внутри системы.

Политическая карьера Качиньского началась еще в семидесятые, но ее значительную часть он не занимал официальных государственных

постов — лишь в короткий период с июля 2006-го по ноябрь 2007-го политик возглавлял правительство. В 2010-м Качиньский попытался выиграть досрочные президентские выборы, когда тогдашний глава страны — его брат-близнец Лех Качиньский — погиб в [авиакатастрофе](#) под Смоленском. Однако победил Бронислав Коморовский, и Ярослав Качиньский ушел в тень. Только спустя десять лет, в 2020-м, по [распоряжению](#) главы правительства Польши в стране был создан Комитет по вопросам национальной безопасности и обороны, который Качиньский и возглавил. Фактически ведомство учредили под него, и, как его председатель, политик автоматически стал еще и вице-премьером. Именно тогда Качиньский и занялся подготовкой масштабной реформы польских вооруженных сил — Войска Польского.

Начал Качиньский с законодательства. На тот момент деятельность польских вооруженных сил регулировалась документами, созданными десятилетия назад — в годы существования [Организации Варшавского договора](#). Конечно, по необходимости туда вносили изменения, но фундаментально они не менялись. Нужен был новый закон, и, анонсируя его разработку, Ярослав Качиньский [заявил](#), что Польша «должна суметь в случае необходимости долго и эффективно **обороняться и действовать самостоятельно**», то есть быть минимально зависимой от союзников по НАТО. Польше, которая находится буквально на границе Европы,

по соседству с Россией и Беларусью, следует создать одну из мощнейших европейских армий, отметил Качиньский.

Так и появился проект закона [«О защите Отечества»](#). Согласно ему, **во-первых**, численность польских вооруженных сил к 2035 году вырастет больше чем вдвое — с нынешних 145 до 300 тысяч человек (речь не только о собственно профессиональной армии, но и силах теробороны). **Во-вторых**, увеличится военный бюджет: сейчас финансирование польской армии составляет 2% от ВВП страны — таково минимальное требование ко всем членам НАТО, однако уже с 2023-го показатель вырастет до 3%. Если опираться на размер ВВП Польши [по состоянию на 2021 год](#), можно подсчитать, что страна теперь готова тратить на свои вооруженные силы порядка 17 миллиардов евро. Впрочем, сумма может быть даже больше, причем гораздо. Дело в том, что — и это **в-третьих** — документ предусматривает внебюджетное финансирование армии с помощью Фонда поддержки вооруженных сил, специально созданного при государственном банке BGK. Деньги в этот фонд будут поступать из разных источников — например, от стран НАТО, которые платят Польше за пользование ее военными объектами. Кроме того, банк BGK сможет брать кредиты и продавать облигации в пользу фонда, в том числе за рубежом.

Закон «О защите Отечества» [поступил](#) на рассмотрение польского сейма 22 февраля 2022 года — накануне вторжения России в Украину. Польское политическое пространство довольно горячее, и местные оппозиционные силы — прежде всего либеральные «Гражданская платформа» и «Польша 2050», а также ряд левых

партий — находятся с «Правом и справедливостью» в жестком противостоянии. Однако новая война в Европе заставила польских политиков забыть об идеологических разногласиях — проект закона «О защите Отечества» приняли стремительно. Причем сенат, в котором оппозиция имеет большинство, проголосовал за него единогласно.

Так 17 марта 2022 года Польша приняла официальное государственное решение создать армию, чья мощь будет способна защитить страну даже от чрезвычайно сильного врага.

Как Польша искала ключевого военного партнера

И нашла его в лице Южной Кореи

Если проанализировать ключевые документы, регулирующие военную стратегию Варшавы в последнее десятилетие, становится очевидно — закон «О защите Отечества» появился не внезапно. Ему предшествовал многолетний анализ Польшей тех угроз, которые может представлять для нее конфронтация России с Западом, а также обострение российско-украинских отношений. Еще в 2014-м — спустя полгода после аннексии Крыма — Польша утвердила новую [Стратегию безопасности](#), в которой указывалось, что агрессивные действия Москвы

создают угрозу для Европы. А в действующей [Стратегии](#), которую приняли в 2020-м, уже прямо говорится, что Москва представляет опасность непосредственно для Варшавы.

Процесс шел не только на бумаге — все последние годы Польша активно закупалась вооружениями. Например, в 2018-м она подписала контракт на поставку из США **двух батарей зенитно-ракетного комплекса ПВО Patriot** (и еще шести штук в будущем). Стоимость контракта [составила](#) 4,75 миллиарда долларов — это самая крупная оборонная инвестиция страны с момента [краха](#) социалистической системы и [ликвидации](#) Варшавского договора. Другой громкой закупкой стал подписанный в начале 2020 года [контракт](#) на 4,6 миллиарда долларов, согласно которому Польша покупает у США **32 истребителя пятого поколения F-35**.

С помощью этих контрактов Польша не только вооружалась, но еще и укрепляла отношения со Штатами — сильным и влиятельным партнером. Тогдашний президент США Дональд Трамп [настаивал](#), что европейская часть блока должна увеличить военные расходы; он был заинтересован в оборонных контрактах и наращивании поставок американского сжиженного природного газа в Евросоюз. Но страны Европы в основном относились ко всему этому без энтузиазма: им не нравилась политика изоляционизма, которую Трамп продвигал, а также то, что он демонстративно игнорировал многие важные для них проблемы (в том числе климатический кризис).

Консервативная Польша — одно из немногих европейских государств, которое было готово пойти президенту США

навстречу. В 2017-м Варшава даже [предложила](#) ему развернуть на своей территории постоянную базу американских войск под названием «Форт-Трамп». Однако американцы не решились — это нарушило бы [Основополагающий акт Россия — НАТО](#) 1997 года, согласно которому в новых странах — членах альянса (а Польша вступила в 1999-м) нельзя размещать его постоянные военные объекты. Поэтому американские войска до сих пор присутствуют в Польше в режиме постоянной ротации.

Уже при следующем американском президенте, Джо Байдене, связи между США и Польшей [ослабли](#). Варшава просто выпала из фокуса внимания Вашингтона, который сконцентрировался на восстановлении [испорченных](#) при Трампе отношений с ключевыми для Штатов союзниками на континенте — Германией и Францией. Кроме того, Вашингтон [пытался](#) не терять связь с Москвой и договариваться с ней по стратегическим вопросам.

С началом полномасштабной войны о тесном партнерстве со Штатами Польше и вовсе пришлось забыть: как и Евросоюз, Вашингтон слишком занят военной помощью Украине и оснащением собственной армии. Кроме того, война значительно затруднила поиски поставщика в принципе — но Варшаве все же удалось его найти. В июле 2022-го Министерство обороны Польши [подписало](#) рамочное соглашение с несколькими частными производителями из Южной Кореи — договорившись с ними о **масштабных поставках современного тяжелого вооружения**. Сейчас эта страна остается одним из немногих государств планеты, которое в принципе

способно обеспечить такие поставки, причем сделать это быстро: от войны в Украине Сеул держится в стороне.

Рамочное соглашение касается, во-первых, танков — Польша намерена заказать тысячу новых [«Черных пантер»](#). До 2026 года Южная Корея поставит Польше лишь 180 из них — речь о боевых машинах, [произведенных](#) на южнокорейских заводах Hyundai Rotem. Остальные 820 танков [соберут](#) уже на польских предприятиях и специально [доработают](#) с учетом ландшафтных особенностей Польши. Ведь «Черные пантеры» создавались для ведения боевых действий против войск КНДР в условиях гористой местности Корейского полуострова. Во-вторых, соглашение [предполагает](#), что в Польшу прибудет больше 600 южнокорейских [самоходных гаубиц K9](#). С ними все примерно так же, как с танками: до 2026 года в Польшу привезут 212 штук, а остальные [произведут](#) в самой Польше. В-третьих, Польша получит 48 сверхзвуковых [истребителей FA-50](#) — это легкие учебно-боевые реактивные самолеты, которые [начнут](#) передавать стране уже с 2023 года. Наконец, в-четвертых, Варшава надеется купить у Южной Кореи 300 установок реактивной системы залпового огня [K239](#), и часть из них тоже будет произведена в Польше.

Польские власти прямо говорят, что такой выбор вооружений объясняется характером нынешней российско-украинской войны. «Мы учимся на событиях в Украине. Мы извлекаем уроки из того, как воюет агрессор — Россия. Сегодня бронетанковые войска и артиллерия имеют большое значение на поле боя, поэтому мы и решили усилить именно эти

вооружения», — [объяснил](#) министр обороны Польши Мариуш Блашчак. Первая партия южнокорейских вооружений — 10 танков и 24 гаубицы — [прибыла](#) в Польшу в октябре. Ее [разместили](#) неподалеку от границы Польши с Калининградской областью, а польские военные учатся управлять новыми танками и гаубицами на полигонах в Южной Корее.

Страны договорились не только о поставках оружия, но еще и о передаче военных технологий. Фактически Польша становится полигоном для производства южнокорейских современных вооружений, [подчеркивает](#) полковник Анджей Дерлятка — бывший польский посол в Сеуле, много лет проработавший в польской разведке. В свою очередь южнокорейский военный эксперт, отставной генерал Ин Бум Чон, [указывает](#), что Южная Корея и Польша будут «обеспечивать безопасность друг друга». С одной стороны, если Варшава вступит в вооруженный конфликт, Сеул быстро доставит необходимые запчасти для ее вооружений. С другой — создавая в Польше новые производства, Южная Корея фактически получает в свое распоряжение новый центр оборонной промышленности, неуязвимый для КНДР в потенциальном конфликте с ней. Кроме того, произведенное на польских заводах южнокорейское оружие можно будет продавать в те страны, в которые Сеул [остерегается](#) экспортировать напрямую, — не только в Украину, но и на Тайвань.

Важно, что стратегически положения Польши и Южной Кореи во многом похожи. Каждая из них граничит с сильным и непредсказуемым агрессивным соседом,

который превратился в мирового изгоя и грозит миру ядерной войной. При этом Россия, как и КНДР, владеет огромным артиллерийским парком (обе эти страны — мировые [лидеры](#) по артиллерийской мощи). Так что польско-южнокорейское военное сотрудничество выглядит и логичным, и разумным. Но Варшава и Сеул делают ставку друг на друга не только в сфере вооружений. Верфи корейской Hyundai Heavy Industries уже [выполняют](#) заказ на поставку восьми супергазовозов — это такие огромные суда для перевозки сжиженного природного газа, — которые должны стать основой газового флота польской компании Orlen и будут возить сжиженный природный газ из США. А в ноябре этого года Польша [подписала](#) протокол о намерениях с концерном Korea Hydro & Nuclear Power — если все сложится, корейцы помогут Польше построить новую атомную электростанцию.

За что Польша мстит Европе

И почему ее оставили без «антикризисных» денег

Но планы Польши слишком амбициозны, чтобы забывать о традиционных поставщиках, поэтому страна продолжает также сотрудничать с США. Помимо поставок зенитно-ракетных комплексов Patriot и истребителей F-35, контракты на которые были заключены еще при Трампе, Варшава рассчитывает и на другое американское

вооружение. Например, она закупит крупную партию танков — в 2023-м в страну [доставят](#) 116 подержанных Abrams M1A1, хранившихся на складах американской морской пехоты. Еще Польша [заказала](#) 250 новых Abrams M2A1 — их привезут только к 2026 году, зато вместе с необходимыми машинами обеспечения, что позволит при необходимости сразу же развернуть полноценные боевые подразделения.

Кроме того, Варшава [обратилась](#) к Вашингтону с просьбой поставить ей почти сотню [вертолетов Apache](#) — это основной боевой вертолет армии США с середины восьмидесятых. Польша рассчитывает на 96 вертолетов в последней модификации AH-64E, и, если Штаты удовлетворят просьбу, Польша станет обладательницей **крупнейшего парка этих вертолетов после самой Америки**. Правда, с большим отрывом от американцев: на вооружении США сейчас находится больше 800 таких машин разных модификаций.

Наконец, Польша стремится пополнить арсенал [реактивных систем залпового огня](#). Польское Минобороны ведет с Вашингтоном [переговоры](#) о поставках в страну 200 ракетных установок [Himars](#) — тех самых, которые с лета [играют](#) заметную роль в российско-украинской войне. Предположительно, Himars начнут поступать в страну с 2026 года. Что же касается производителей из европейских стран — в частности, Германии и Франции, традиционно сильных своими армиями, — то у них Польша решила [почти ничего не покупать](#). Комментируя это, Ярослав Качиньский [говорит](#) прямо: все дело в том, что в Евросоюзе Польшу слишком часто [критикуют](#). Представители ЕС и правда [обвиняют](#) «Право

и справедливость» в авторитаризме и нарушении принципов верховенства права с 2015 года, когда консервативная партия Качиньского, собственно, и пришла к власти. Одна из причин того, почему так происходит (но далеко не единственная), — [судебная реформа](#) Польши, которую в ЕС считают крайне спорной.

В результате реформы 2018 года суды в Польше подчинились Минюсту, что фактически лишило их независимости. В ЕС это сочли нарушением принципов верховенства права, которые закреплены в [Договоре о Европейском союзе](#). В таких случаях Евросоюз [уполномочен](#) применять к государству-нарушителю санкции, в том числе финансовые. С 2021 года соблюдение верховенства права — один из критериев для получения денег из общего европейского бюджета, и это в том числе касается средств [Фонда восстановления и устойчивости](#), который помогает европейским экономикам оправиться после кризиса, вызванного пандемией. До конца 2026 года Польша могла бы рассчитывать почти на 35 миллиардов евро из этого фонда, но условием их получения стало восстановление независимой судебной системы в стране. Этого до сих пор не произошло, поэтому Польша осталась без денег.

У Варшавы непростые отношения не только с ЕС в целом, но и с некоторыми странами-членами по отдельности. Нынешнее руководство правящей польской партии «Право и справедливость» настроено относиться к властям

Германии, при этом Качиньский регулярно обвиняет ведущую оппозиционную партию страны — «Гражданскую платформу» — в том, что она лоббирует немецкие интересы. Францию Польша тоже недолюбливает, потому что та не раз [критиковала](#) Варшаву за нарушение принципов европейской солидарности.

Как видно, желание Польши стать максимально независимой от своих европейских соседей объяснимо — отношения между ними довольно сложные. И теперь, когда Варшава тратит большие деньги на перевооружение за пределами Европы, она в каком-то смысле мстит ЕС за все свои обиды.

Так чья же армия все-таки сильнее

И получится ли у Польши стать самой мощной

На масштабные планы по модернизации польской армии уже обратили внимание ведущие мировые СМИ. В конце ноября издание Politico [написало](#), что в Европе рождается новая военная супердержава, которая превзойдет своей мощью Францию и Германию — ключевые военные силы на континенте.

С одной стороны, в это легко поверить: у Польши уже сейчас танков больше, чем у Германии и Франции, вместе взятых. Сравните: за французскими вооруженными силами [числится](#) 222 машины, а немецкая армия, бундесвер,

владеет танковым парком в количестве 266 штук; у Польши же с учетом поступающих в войска новых машин [на вооружении](#) около 500 танков, из которых 228 — немецкие [Leopard 2](#), еще 230 — собственного производства на основе советской машины Т-72.

Кроме того, вскоре Польша обзаведется внушительным парком самоходной артиллерии (и это без уже стоящих на вооружении страны [самоходок «Краб»](#), несколько десятков которых Польша отправила в Украину) и сотнями реактивных установок. А когда численность польской армии достигнет заявленных 300 тысяч человек, она станет больше французской (270 тысяч человек) и оставит далеко позади бундесвер (180 тысяч).

Но едва ли стоит сводить военную мощь страны только к пушкам и танкам. Много людей и много оружия — для войны и безопасности все это очень полезно, но есть и другие значимые факторы. Например, промышленные возможности Польши гораздо скромнее, чем у Германии. Финансовой стороны вопроса это тоже касается: летом Берлин смог [выделить](#) на закупку новых вооружений сразу 100 миллиардов евро — на такое Варшава пока не способна.

Конкурировать с военной мощью Франции тоже сложно. Эта единственная на сегодня атомная держава Евросоюза владеет авианосцем и флотом атомных подлодок — и способна самостоятельно проводить силовые операции не только в Европе, но и на других континентах. Кстати,

президент Франции Эммануэль Макрон, комментируя в ноябре войну в Украине, [заявил](#), что франко-германские связи в вопросах обороны необходимо усиливать, а развитие военной мощи Евросоюза, по его [мнению](#), приоритетнее развития сил НАТО. Едва ли это вызывало энтузиазм в Польше, чье нынешнее руководство настроено по отношению к Евросоюзу крайне скептически.

Еще одно слабое звено военного плана Польши — время. **Стране потребуется больше 10 лет**, чтобы [увеличить](#) численность армии до 300 тысяч человек. Да и многие виды вооружений — особенно американские — в полном объеме придут лишь к концу нынешнего десятилетия. Другими словами, если Варшаве и удастся создать одну из сильнейших европейских армий, на это уйдут годы.

А еще — много денег, и неизвестно, есть ли они у Польши. Оценить общую стоимость не только закупки, но также эксплуатации и хранения всей военной техники пока не может никто. Не подсчитаны и расходы на создание новых мест базирования для растущей армии и постройку военных объектов. Все это стоит по-настоящему дорого, а Фонд поддержки вооруженных сил, специально созданный для финансирования армии из внебюджетных источников, привлечь необходимые средства пока [не смог](#).

Минувшей осенью специалисты французского банка Credit Agricole тщательно проанализировали военные планы Польши и [подсчитали](#), что общие расходы страны на закупку и эксплуатацию нового вооружения к 2035 году достигнут 1,7 триллиона злотых — это астрономические 360 миллиардов евро (для сравнения — доходная часть бюджета страны целиком в 2022-м составила 491,9 миллиарда злотых или около 105,2 миллиарда евро).

Финансовые эксперты сильно сомневаются, что Варшава может себе это позволить. Главный экономист Credit Agricole Якуб Боровски предупредил: «Вероятно, после следующих выборов новому правительству придется притормозить как те контракты, которые уже вступили в силу, так и те, которые только планируются».

><{{{._____)

Говорить о том, что Польша прямо на наших глазах становится новой военной супердержавой, пока рано. Как, впрочем, и строить прогнозы о том, сбудутся ли ее планы на этот счет: все упирается в деньги и время.

Очевидно одно: создать крупную и современную сухопутную армию, способную к потенциальному противостоянию с Россией, Польша стремится всерьез. И если она все-таки достигнет цели, на территории Европы появится мощное государство, которое в вопросах обороны особо не зависит ни от ЕС, ни от НАТО — и которое далеко не по всем вопросам согласно со своими «западными партнерами».

■

Редактор: Лиза Антонова
при участии Анны Чесовой

#11 Новая зеленая сверхдержава. Письмо о том, как Китай меняется и меняет мир

Здравствуйте, это журналистка Вика Лобанова.

В 2022 году китайские газеты писали о драке между фермерами местной провинции Хэбэй и рабочими солнечной электростанции. Дрались за землю: правительство арендовало ее под установку солнечных панелей, и ради этого рабочим пришлось уничтожить поле почти созревшей пшеницы. Может показаться, что все это не имеет к вам отношения. Но зеленая революция, которую Китаю удалось совершить за последние 16 лет, уже меняет мир. Благодаря стараниям Пекина стало возможно добывать солнечную энергию дешевле угольной, а это делает глобальный энергопереход вполне реальным. Причем проходить он будет, похоже, по китайским правилам.

В своем тексте я расскажу, как самая «грязная» страна на планете (Китай по-прежнему — мировой лидер по выбросам) смогла стать и самой зеленой одновременно. А также почему дешевые солнечные панели из КНР не только дают человечеству надежду, что с проблемой климата все-таки можно справиться, но и создают новую глобальную

угрозу.

В середине нулевых Китай всерьез задумался о том, что пора стать более зеленым.

Мировая общественность, обеспокоенная глобальным потеплением, давила на страну: мол, почему мировой лидер по выбросам CO₂ в атмосферу ничего с этим не делает? Беспокоились и китайские граждане: в государстве, где грязный воздух становится причиной [17% смертей](#), сокращение выбросов углекислого газа превратилось буквально в жизненную необходимость.

Чтобы как-то поправить ситуацию, Пекин разработал закон о возобновляемых источниках энергии (для краткости мы будем дальше называть их ВИЭ) — он вступил в силу в 2006-м. Так в китайском секторе солнечной энергетики [произошел](#) первый головокружительный скачок: спустя три года производство солнечной энергии в КНР выросло **на 720% сразу**.

Теперь же страна находится в парадоксальной ситуации. С одной стороны, она — все еще номер один по выбросам углекислого газа на планете (а именно углекислый газ, как известно, [главная причина](#) изменения климата). С другой, Китай — номер один на мировом рынке зеленой энергии, и с большим отрывом: на него приходится [32% всей такой энергии вообще](#), тогда как на США, которые разместились на второй строчке рейтинга, — лишь 10,3%.

И еще порция цифр. В 2021 году установленная мощность китайских возобновляемых источников энергии составила 1020 гигаватт. Это [44,8% энергодбаланса страны](#) — немыслимый объем. Для сравнения: установленная мощность вообще всей российской энергосистемы — [246 гигаватт](#), из которых на ВИЭ [приходится](#) весьма скромные 1,4 гигаватта. Конечно, установленная мощность не равна реальной выработке — она лишь показывает, сколько энергии такой источник способен максимально произвести. И на деле китайские ВИЭ [обеспечили](#) в 2021 году меньше, чем могли бы, — 28%. В процентах показатель не лучший в мире (далеко впереди — [Норвегия с 45%](#)), да и самые интересные с точки зрения инноваций солнечные и ветряные станции в абсолютном выражении дают [лишь 3,9% и 7,8% китайского энергодбаланса](#) (а большая часть приходится на ГЭС). Однако реальные объемы — 327 000 и 655 600 гигаватт в час для энергии солнца и ветра соответственно, — делают Китай абсолютно недостижимым в производстве как солнечной и ветряной энергии, так и оборудования для таких электростанций.

Казалось бы, хорошие новости и для планеты вообще, и для отдельных государств в частности. Крупнейший производитель выбросов на Земле не просто становится все зеленее — еще он снабжает мир технологиями, которые помогут стать зеленее всем остальным. Ведь кто как не Китай умеет массово производить дешевые

устройства и «подсаживать» на них потребителей по всему миру? Наверняка с ВИЭ тоже так будет — и совсем скоро мы спасем планету от нагревания с помощью дешевых солнечных панелей, произведенных на каком-нибудь китайском заводе?

Звучит и правда логично, вот только взрывной рост китайских ВИЭ скорее пугает, чем радует. Но чтобы объяснить, почему, сперва нужно рассказать, как Китаю удалось достичь таких головокружительных высот.

Как Китай совершил мощный зеленый скачок

И солнечные панели перестали быть роскошью

Отчеты об успехах китайской декарбонизации регулярно появляются в государственных пропагандистских медиа. И успехи эти растут в геометрической прогрессии.

Скажем, в период с 2009-го по 2021-й выработка солнечной энергии в КНР [увеличилась](#) в 12 262 раза. И она продолжает увеличиваться прямо сейчас: только за четыре месяца 2022-го установленная мощность солнечных электростанций в Китае [приросла](#) на 126,7%. Развитие ветроэнергетики впечатляет не меньше, за те же 2009–2021 годы — скачок в 18,6 раза.

Все это стало возможным не само по себе, китайские власти предприняли целый комплекс самых разных мер. Во-первых, те компании Китая, которые занимались разработкой инновационных решений в сфере ВИЭ, получили щедрые инвестиции от государства. Во-вторых, местные солнечные и ветряные электростанции были обеспечены налоговыми льготами (недавно их [отменили](#) — сектор развился настолько, что в льготах теперь нет нужды). В-третьих, для всех компаний в Китае ввели систему квот, обязав их закупать определенный процент энергии у местных поставщиков ВИЭ. Наконец, для предприятий [придумали](#) новый экологический налог — его размер напрямую зависит от уровня загрязнения окружающей среды в конкретном регионе и деятельности предприятия. Например, производство, сливающее отходы в сточные воды в Пекине, платит по максимуму.

Планы на будущее у Китая еще масштабнее. Если верить им, к 2030 году установленная мощность солнечных и ветряных энергостанций Китая вырастет почти в два раза, с [635](#) до 1200 гигаватт. А к 2060-му году китайская энергетика должна окончательно стать углеродно-нейтральной.

Здесь, впрочем, есть коллизия. Дело в том, что официальный Китай классифицирует источники энергии не так, как весь остальной мир. Мы с вами привыкли

к делению на **невозобновляемые** (это углеводородные, то есть нефть, газ, торф и уголь, а также ядерные) и **возобновляемые** (вода, ветер, солнце, биомасса, отходы и геотермальные) источники. Китай же делит их на **ископаемые** (углеводородные) и **неископаемые** (все остальные, включая ядерные). Такое деление дает стране фору: если атомные электростанции по умолчанию причислить к «хорошим» источникам энергии и вынести за скобки, легче продемонстрировать миру, что вы очень экологичны.

«Атомную энергетику нельзя назвать безуглеродной. Да, в среднем углеродный след от АЭС меньше, чем от ископаемого топлива, но уравнивать атомные электростанции с солнечными и ветровыми некорректно, — объясняет Кит Владимир Асикритов, эксперт программы по климату и энергетике российского отделения Гринпис. — Непосредственно при выработке энергии от АЭС не происходит выбросов парниковых газов, однако работа атомных электростанций невозможна без работы сотен предприятий ядерной топливной цепочки. Поэтому важно учитывать все факторы, включая углеродный след при добыче урановой руды, обогащении урана и обращении с радиоактивными отходами».

Впрочем, дело не только в том, что Китай выдает за чистую энергию ту, которая на самом деле не очень чистая. Еще есть такая проблема: развивая возобновляемые источники энергии, Китай не сокращает выбросы, а наращивает их. Причины у этого сугубо экономические. Хотя экономика Китая — [вторая в мире](#), ее нынешние объемы производства — далеко не предел. Пока страна не вышла на пиковые мощности, она считается развивающейся,

а в таком статусе Китай задерживаться не намерен. На этот счет у Пекина, конечно, тоже есть план — на пик [предполагается](#) выйти в 2030-м. То есть как минимум до этого года сокращения выбросов ждать не нужно, они будут только расти. И параллельно с развитием ВИЭ Китай вводит в эксплуатацию новые «традиционные» электростанции, а также наращивает потребление угля.

Проще говоря, бурный рост «неископаемой» энергии в Китае — процесс, который не влияет на сокращение выбросов прямо сейчас, а только закладывает базу для будущего энергоперехода. Но даже в таком виде этот рост полностью изменил расстановку сил на глобальном рынке зеленой энергии, а также подарил миру три значимых экономических бонуса.

Цены на ВИЭ сравнялись с угольными. До недавнего времени фотоэлектрические технологии, которые позволяют использовать солнечный свет для выработки электричества — по-английски они называются Photovoltaics, поэтому для них используют аббревиатуру PV — были наиболее развиты не в Китае, а в США, Японии и Германии. Но «развиты» здесь громкое слово — PV и инфраструктуры для них было мало, поэтому такая энергия дорого стоила. Считалось, что PV — привилегия граждан и компаний, которые готовы голосовать деньгами за более экологичный образ жизни. Благодаря зеленому рывку Китая все изменилось, и за последние 10 лет средняя цена за один мегаватт в час солнечной энергии [рухнула](#) на 80%. В Китае она теперь составляет [49,3 доллара](#), что делает солнечную энергию даже [дешевле](#) угольной. Если верить прогнозам, в 2030-м один такой

мегаватт в час будет стоить уже 13 долларов, а в 2060-м — всего лишь 3 доллара.

Как следствие, солнечные панели перестали быть роскошью. С падением цен на ВИЭ в Китае [начало расти](#) количество установок для производства возобновляемой энергии, и это стимулировало местных производителей солнечных панелей — ведь сотни новых станций, которые появляются ежегодно, нужно чем-то оборудовать. По состоянию на 2021 год Китай — крупнейший производитель, экспортер и установщик солнечных панелей в мире. Причем лишь треть новых электростанций устанавливаются на территории Китая — оставшиеся две трети идут на экспорт. Всего в Китае сосредоточено 80% отрасли производства PV.

Появились перспективы и у других зеленых производств. Успех ВИЭ в Китае подготовил почву для других масштабных проектов, которые изменят нашу жизнь в ближайшие годы. В первую очередь, конечно, речь об электромобилях. Когда-то китайский автопром не мог соревноваться с немецким, американским и японским, но электрокары перевернули игру — и теперь очевидно, что будущее за машинами из КНР. Китайские производители CATL и BYD уже [поставляют](#) аккумуляторы для 39% всех электромобилей в мире, в том числе для американской Tesla. Со временем технологии будут только дешеветь, а электрокаров становиться все больше — авторынок станет другим навсегда уже очень скоро.

Почему скачок неминуемо превращается в монополию

А солнечные панели приводят к гибели растений, животных и, возможно, людей

Итак, по состоянию на 2021 год Китай — крупнейший в мире производитель солнечных панелей, ветряных турбин, литий-ионных аккумуляторов и электромобилей. Причем это доминирование продолжается не один год: уже в 2017-м 71% рынка солнечных панелей приходился на Китай, а доля прежнего лидера, Японии, обрушилась до 2%.

Международное энергетическое агентство [предсказывает](#), что в течение всего пары-тройки лет Китай сосредоточит в своих руках **95% рынка солнечных технологий**. И это настоящая угроза планетарному энергопереходу. Ведь при отсутствии конкурентного рынка качество продукции может снизиться, а развитие технологий в других странах — существенно замедлиться или даже остановиться. Кроме того, энергетически мир становится зависим от одной страны, а она при этом живет по своим правилам — и может, например, в полном составе уйти на локдаун в соответствии с [политикой нулевой терпимости](#).

Именно поэтому некоторые страны пробуют сопротивляться — [ограничивая](#) импорт китайских солнечных систем и комплектующих. Скажем, в США с 2018 года действует дополнительный сбор на китайские PV-модули, такой же «защитный» тариф ввела и Индия. Европа — нет: в 2022 году, отказываясь от российских энергоносителей, она наоборот [увеличила](#) импорт солнечных элементов из Китая на 127%.

Можно ли противостоять китайской монополии и в течение ближайших лет разнообразить мировой рынок зеленых энергоносителей? **Правдивый ответ — похоже, что нет**, но до конца пока не ясно. И дело в деньгах: в Китае затраты на производство солнечной энергии ниже, чем в США и Европе, [на 20-35%](#). Еще есть Индия, которая тоже заявила о планах активно развивать возобновляемую энергию на своей территории. Но по масштабам эти планы несопоставимы с китайскими: [установленная мощность](#) индийских солнечных станций по данным на 2021-й — лишь 49,3 гигаватта.

Монополия — не единственная угроза. Развертывание инфраструктуры для ВИЭ в таких масштабах, как это происходит сейчас в Китае, — большой экологический вызов. Да, нельзя просто взять и сделать энергетику зеленой, у этого есть множество побочных эффектов.

Одно из них — исчезновение некоторых животных и растений на тех территориях, где устанавливают солнечные панели. Открытых данных конкретно по Китаю еще нет, но то, что такая проблема в принципе существует, подтверждают, например, исследования австралийского Университета Квинсленда. Ученые [проанализировали](#) 12,5

тысячи ВИЭ-объектов, и выяснили, что они могут негативно влиять на биоразнообразие.

Вот пример: в США в пустыне Мохаве, фотография которой когда-то стояла на заставке компьютеров Apple, есть крупная солнечно-топливная электростанция «Айвонпа». В тени ее солнечных панелей [не могут расти](#) и гибнут редкие шерстистые подсолнухи Барстоу. Это заметили, когда панели установили, и сделать уже ничего было нельзя, а шерстистые подсолнухи Барстоу — эндемики, то есть растут только в этой конкретной местности.

Зато удалось спасти пустынных черепах — они живут там же, в Мохаве, и находятся на грани вымирания. Чтобы из-за соседства с солнечными панелями эти животные не вымерли совсем, их пришлось переселить в другое место. Правда, каковы последствия «релокации», пока нельзя сказать — черепахи живут очень долго, и ученым лишь предстоит изучить влияние переезда на состояние их здоровья.

Едем дальше. Бурное развитие зеленой энергетики в Китае подтачивает запасы редких элементов и редкоземельных материалов. Они нужны для производства ветряных турбин, гальванических элементов и аккумуляторов, но также их используют в электромобилях и потребительской электронике. То есть мы наблюдаем большой спрос при ограниченном предложении: в Европе сейчас действует ограничение на добычу, а запасы самого Китая исчерпаемы. Это не значит, что редкоземельные материалы совсем исчезнут в ближайшее время, но о дефиците можно говорить — что Китай, кстати, уже использует для политического [торга и даже шантажа](#). Ну,

и не стоит забывать, что добыча редкоземельных материалов сама по себе [наносит планете вред](#).

Тема для отдельного материала — права человека в секторе зеленых технологий. Правозащитники предполагают, что в регионе Синьцзян, где исторически проживают уйгурские мусульмане, их принудительный труд используют на солнечных электростанциях. Именно в этом регионе расположено одно из крупнейших в Китае производств солнечных панелей Hoshine Silicon Industry Company. И именно там добывают больше всего поликристаллического кремния в мире (основной материал для производства солнечных панелей). Прямых доказательств правозащитники не публиковали — по крайней мере, в открытом доступе — и тем не менее летом 2022 года США полностью [запретили](#) импорт как товаров, так и энергии из этого региона.

Ни ветряные турбины, ни солнечные панели не вечны, и здесь мы встаем перед еще одной проблемой — переработкой. Для первых срок службы в среднем составляет 25 лет, для вторых — 25-30, такую гарантию обычно дают производители, говорит эксперт программы по климату и энергетике российского Гринписа Владимир Асикритов. Уже к 2025 году из эксплуатации [будут выведены](#) ветряные турбины общей мощностью 1,2 гигаватта, а к 2040-му их общая мощность составит уже 280 гигаватт. К тому же, к ним добавятся фотоэлектрические панели суммарно на 250 гигаватт.

Спустя еще десять лет годовой объем отходов обработанных солнечных панелей составит аж **5,5-6 миллионов тонн**, приводит Владимир Асикритов данные Международного агентства по возобновляемой энергетике. А это, между прочим, больше 10% всего электронного мусора, образованного на земле с 2014 года. «В США перерабатывается лишь около 10% отслуживших солнечных панелей, и это можно делать двумя способами. Первый — „грубый“ — когда из панели извлекается только стекло, алюминий и медь [а все остальные части просто выбрасываются]. Второй — более тонкий — когда извлекаются почти все элементы, но это, конечно, стоит гораздо дороже. Впрочем, уже сейчас можно произвести [солнечную панель](#), которая на 100% состоит из вторичных материалов», — объясняет Владимир Асикритов.

Что касается ветроустановок, продолжает он, то их мачты перерабатываются как обычные металлолом и цемент, но вот лопасти состоят из композитных (то есть многокомпонентных) материалов, и переработать их — сложная задача. Однако первые решения этой проблемы уже начинают появляться, говорит Владимир Асикритов: «В августе этого года в Германии на ветропарке в Северном море запустились первые ветроустановки с полностью перерабатываемыми лопастями. После окончания срока службы лопасти растворяют в слабом кислотном растворе, и полученный материал можно повторно использовать для нужд ветроэнергетики. Встречаются и другие способы переработки лопастей — их измельчение и использование при производстве цемента. Китайская компания Goldwind использует лопасти в качестве сырья для 3D-печати. А российские ученые научились растворять лопасти с помощью пеков — отходов

коксового и нефтяного производств. В результате остаются волокна, из которых можно сделать новые лопасти».

Как Китай придумал зарабатывать на зеленой энергии в бедных странах

И уже создал для этого инфраструктуру в Эфиопии и Зимбабве

Особенность возобновляемой энергии в том, что ее излишки — это проблема. По крайней мере, сейчас.

Что делать, если — говоря очень грубо — ветер дует сильно и дает много энергии, но прямо сейчас стране это не нужно? В 2021 году в некоторых регионах Китая таких [излишек накопилось до 12%](#), и пока основной способ не генерировать энергию впустую — просто отключать сети. Каждое такое отключение ведет к экономическим [потерям](#), а это не только неприятно, но и отдаляет Китай от статуса развитого государства (и к тому же откладывает сокращение выбросов).

Конечно, существует способ сохранять излишки. Для этого нужно установить на электростанциях литий-ионные батареи-накопители, как на электрокарах — правда, с переработкой таких накопителей все [очень и очень](#)

[сложно](#). Другое решение — перебрасывать лишнюю энергию по высоковольтным сетям туда, где ее сейчас не хватает, но и это непросто сделать. «Большая часть мощностей ВИЭ расположена на малонаселенном северо-западе Китая, в то время как основная часть граждан живет на востоке и юго-востоке. В связи с этим зеленую электроэнергию приходится передавать на огромные расстояния, и часть ее при этом неизбежно теряется», — рассказывает Владимир Асикритов.

Чтобы сократить потери, используются мощнейшие линии электропередач сверхвысокого напряжения. По ним можно передавать электроэнергию на расстояния в тысячи километров и терять при этом минимум. Кстати, именно в Китае [появилась](#) первая в мире линия сверхвысокого напряжения, предназначенная для транспортировки только зеленой электроэнергии.

Причем Китай учится перебрасывать излишки не только внутри страны. Еще в 2010-х годах страна выдвинула инициативу под названием «Пояс и путь». Ее цель в том, чтобы объединить страны Африки и Евразии международными экономическими проектами — **с обязательным участием китайской стороны, разумеется**. Например, в рамках «Пояса и пути» КНР [кредитует](#) бедные страны для развития ВИЭ, продает им оборудование и устанавливает свои стандарты зеленой энергетики — дополнительно усиливая таким образом свою монополию. Уже построена ветряная электростанция мощностью 120 мегаватт в Эфиопии и почти такая же — в Зимбабве. Как только сеть станет достаточно развитой, китайские энергостанции смогут продавать свои

избыточные мощности странам-партнерам «Пояса и пути», зарабатывая на этом 7,5 миллиарда долларов в год.

План Китая на [текущую пятилетку](#) — а страна живет по таким пятилеткам с 1956 года — показывает: нынешний рост ВИЭ — только начало. Скорее всего, в ближайшем будущем эта отрасль даст хорошую почву для роста сразу трех больших направлений. Во-первых, конечно, электрокаров — уже к 2025 году они должны составить 25% всех продаж автомобилей в Китае. Во-вторых, освоения космоса — Китай [анонсировал](#) проект орбитальной солнечной электростанции, которая будет передавать энергию Солнца на Землю в виде электроволн. И в-третьих, совсем новых и по-настоящему экологичных видов гидроэнергетики — в провинции [Шэньси](#) уже работает НИИ инноваций в области воды, где придумывают, как добывать энергию не только из рек, озер и морей, но даже из дождя.

. ><{{{._____)

Зеленый бум в Китае — результат мощного давления на страну, которое ей удалось обратить в свою пользу. КНР показала, что всего за 16 лет можно с нуля выстроить целый сектор — и изменить тем самым расстановку сил в энергобалансе всего мира.

Но какой ценой? Когда ветрогенераторы и солнечные панели начнут массово выходить из строя, справится ли Китай с их переработкой — или бросит, как [велосипеды](#) из неудачного проекта велопроката? Сможет ли найти применение излишкам, которые бьют по бюджету? А нащупать баланс между стремлением установить как

можно больше солнечных панелей и необходимостью сохранить своих животных и растения?

Узнаем ближе к 2030 году. Пока же нам предстоит выслушать очередной рассказ об успехах Китая и его головокружительных планах. Скептики отмечают, что самые громкие заявления Китая всегда приурочены к важным климатическим событиям, а в ноябре в Египте пройдет очередная климатическая конференция ООН (COP 27). Си Цзиньпин, вероятно, уже подготовил речь.

Вика Лобанова

Редактор: Анна Чесова

#12 НА ДНЕ ОКЕАНА МНОГО ЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ, И ЭТО ПРОБЛЕМА. ПИСЬМО О СОКРОВИЩАХ ПОД ВОДОЙ

Здравствуйтесь, этот текст — анонимный. Он не о войне и не о полицейском произволе, но журналистка, которая его написала, все равно предпочитает сохранить имя в тайне. Сейчас любое сотрудничество с независимыми медиа может обернуться преследованием.

Письмо посвящено теме, о которой практически не говорят в русскоязычном пространстве, — это полезные ископаемые в глубинах Мирового океана. Государства и компании хотят добывать там металлы — кобальт, никель, литий, — которые входят в состав батареек и аккумуляторов современных устройств. Запасов этих металлов на суше нам пока достаточно, но вскоре ситуация может измениться. С постепенным переходом людей на электромобили спрос на никель, литий и кобальт растет, и эксперты даже прогнозируют их дефицит. К тому же к середине века население Земли [увеличится](#) почти до 10 миллиардов человек.

Если нынешние темпы технологического развития и потребления сохранятся, нам понадобится в разы больше металлов, чем сейчас. Однако ученые выступают против глубоководной добычи, поскольку уверены, что эта зарождающаяся индустрия навсегда изменит океан, его обитателей — а вслед за этим и нашу собственную жизнь.

Кому понадобилось «копать» океан?

И в чем здесь вообще сложность

Глубоководной считается любая добыча на глубине 200 метров и больше — там, на дне океана, хранятся крупнейшие залежи металлов.

Территорию Мирового океана можно поделить на **международные воды** (то есть нейтральные, они считаются общими) — это 60% его площади — и **территориальные**, принадлежащие конкретным государствам. Залежи металлов есть и там и там. Но в территориальных водах концентрация гораздо [ниже](#), а добывать ресурсы в них могут только те государства, которым эти участки принадлежат. Нейтральные же воды — настоящий кладезь металлов: один только подводный участок Кларион — Клиппертон между Гавайями и Мексикой (его площадь равна одной девятой площади

Мирового океана) [содержит](#) больше марганца, кобальта и никеля, чем все известные человечеству наземные месторождения, вместе взятые.

Проблема как раз в том, что нейтральные воды принадлежат всему человечеству. Поэтому кто и как должен вести в них добычу — сложный вопрос. Чтобы дать на него ответ, в 1994 году по инициативе ООН появился [Международный орган по морскому дну](#) (МОМД), и у него две основные миссии, которые несколько [противоречат](#) друг другу. С одной стороны, МОМД должен следить за тем, чтобы соблюдалась концепция [«общего наследия человечества»](#). Согласно ей, государства не имеют права распоряжаться морскими ресурсами, если те не относятся к их территориальным водам, а исследование и использование дна океана возможно только на благо всего населения планеты. С другой — еще одна обязанность МОМД — выдача разрешений на исследование глубин океана и последующую добычу государствам или компаниям, которые их представляют.

У МОМД есть критики — они [считают](#), что механизм принятия решений в этой организации непрозрачен: встречи проводят за закрытыми дверями, а руководство МОМД неохотно общается с журналистами и независимыми учеными. При этом процедура выдачи лицензий на глубоководную добычу окутана особой секретностью: решения на этот счет Комиссия по юридическим и техническим вопросам (The Legal and Technical Commission) [принимает](#) единолично, не советуясь с другими сотрудниками

организации.

Именно Международный орган по морскому дну определяет границы тех зон в нейтральных водах Мирового океана, в которых можно добывать полезные ископаемые. Получить к этим зонам доступ [не так-то просто](#): сперва придется **заручиться официальным согласием МОМД**, а затем минимум 15 лет **проводить исследовательские работы**, чтобы понять, что и в каких количествах там можно добыть. Если этим хочет заняться не государство, а частная компания, ей придется **найти страну-спонсора**, которая согласится выступить поручителем. В случае нарушения компанией правил глубоководной добычи отвечать перед мировым сообществом будет именно ее страна-спонсор.

В теории спустя 15 лет исследований претендент на добычу подает в МОМД план разработки ресурсов и ждет лицензии — и только после ее получения можно приступать к работам. На практике же ни одна страна или организация мира не дошла до финальной стадии и не составила план освоения морского дна в нейтральных водах. Хотя Южная Корея, Япония, Индия и Германия уже [провели](#) минимум по одной тестовой добыче на своих прибрежных участках.

Впрочем, в ближайшие годы все может измениться из-за активности компании Nauru Ocean Resources Inc. (NORI) — это подразделение канадской The Metals Company. В 2021-м NORI [заявила](#), что успешно завершила 15-летнее изучение одного из участков Мирового океана и получила [разрешение](#) МОМД на тестовую добычу. Уже в 2024 году

компания планирует приступить к полноценным работам по извлечению металлов со дна. Участок NORI располагается в той самой зоне Кларион — Клиппертон между Гавайями и Мексикой, известной самыми большими запасами редких металлов в мире.

Суждено ли планам компании осуществиться, пока неизвестно. Остается немало нерешенных [юридических вопросов](#), и главный из них — до сих пор не существует общих правил глубоководной добычи в нейтральных водах. МОМД уже несколько лет разрабатывает их, но никак не может закончить. Организации предстоит подробно описать, какие действия на дне океана разрешены, а какие нет. Еще нужно [определить](#), как страны должны делить между собой «общее наследие человечества» — то есть извлекаемые металлы, — чтобы добыча служила интересам всех, а не только конкретных стран или компаний.

Если до лета МОМД не успеет закончить с общими правилами, велик риск, что NORI начнет разработку редких металлов на своем участке без официальных нормативов. Тогда у международного сообщества не будет легальных инструментов, чтобы контролировать эти работы и отслеживать вред, который они потенциально способны нанести Мировому океану. При этом эксперт по морскому праву Прадип Сингх [настаивает](#), что МОМД не стоит торопиться — речь идет о прецеденте, говорит он, который будет рассматриваться как образец для всех подобных проектов в дальнейшем. На кону **будущее глубоководной добычи всего человечества**, предупреждает Сингх, поэтому к делу стоит подходить со всей тщательностью.

NORI не единственная компания, которая готовится приступить к делу. На сегодняшний день МОМД уже [выдал](#) 31 лицензию на проведение испытательных работ в океанских глубинах. Общая площадь зон, которые эти работы затронут, больше полутора миллионов квадратных километров, что сопоставимо с размером территории Монголии. Среди 23 стран, получивших разрешение, Россия, Южная Корея, Германия, Польша, Франция, Индия, Япония и Великобритания.

Больше всего лицензий у Китая — целых пять. Эта страна — [лидер](#) по наземной добыче и обработке редких металлов, и теперь Пекин стремится закрепить свои позиции еще и в океане. Именно КНР проявила интерес к теме одной из первых — готовиться к глубоководным исследованиям она [начала](#) еще в конце 1980-х, а в 1990 году в стране создали специальный институт для изучения добычи океанских ресурсов. Правительство Китая даже [объявило](#) финансирование глубоководных исследований вопросом национальной безопасности и приоритетом экономического развития, что дало право государственным предприятиям в этой отрасли брать займы в банках по минимальным ставкам. Благодаря этому местные компании теперь [имеют](#) технологическое преимущество перед конкурентами из других стран, например располагают более современным [оборудованием](#).

Что касается России, то она получила от МОМД три лицензии, но сможет ли когда-нибудь приступить к добыче — большой вопрос. Для сложных глубоководных операций стране [не хватает денег](#) и, как следствие, качественного оборудования. Причем это признается официально: в морской доктрине России среди проблем

[указаны](#) «изношенность научно-исследовательских судов... для проведения разведочных работ в целях исследования твердых полезных ископаемых дна Мирового океана, а также отсутствие технических средств нового поколения для морских научных и ресурсных исследований». В результате Россия может лишиться права добычи по полученным ею лицензиям — и другие страны уже готовы забрать выделенные ей участки себе.

Как глубоководная добыча вредит океану?

И кто живет на самом-самом дне

Знания ученых об океане пока еще [отрывочны](#), но мы уже можем утверждать: залежи металлов не единственное сокровище, спрятанное на дне. Условия там более чем [экстремальные](#): температура воды близка к нулю, давление может достигать до тысячи бар (это как если бы на палец вашей ноги давили своим весом сразу несколько слонов), света нет, звуки практически отсутствуют. И все же на дне есть жизнь, причем удивительная — она совсем не похожа на ту, что мы привыкли видеть.

Впервые ученые [обнаружили](#) глубоководных существ в 1870-е годы. А спустя сто лет человечеству удалось понять, как они там выживают: [оказалось](#), им не нужен

фотосинтез, а значит, и свет. Глубоководные рыбы и другие организмы получают энергию за счет хемосинтеза. То есть они усваивают углекислый газ благодаря окислению неорганических соединений, а общаются и ориентируются в пространстве с [помощью излучения света](#) и звуков.

Разнообразие форм жизни, приспособившихся к суровым подводным условиям, [удивляет](#).

На океанском дне можно встретить морских огурцов (это что-то среднее между морской звездой и морским ежом), кальмарочервей с десятком щупалец вокруг головы и чешуйчатых морских улиток, которые [обитают](#) исключительно в геотермальных источниках Индийского океана. Все эти странные существа интересуют не только биологов, но и ученых других специализаций. Например, медиков: в 2018-м исследователи [узнали](#), что некоторые глубоководные микроорганизмы и кораллы обладают антибактериальными и антигрибковыми свойствами, а также содержат вещества, которые [могут помочь](#) в лечении рака и болезни Альцгеймера. Климатологи океанскими глубинами тоже интересуются: через изучение глубоководных обитателей океана они надеются лучше [понять](#), как менялся (и меняется) климат Земли.

«Дно океана не черная безжизненная пустыня, как можно было бы подумать. Мы очень мало знаем о придонных экосистемах океана, но даже то небольшое, что известно науке, полностью опровергает этот стереотип», — говорит

в разговоре с Kit Ольга Мироненко, автор образовательного проекта [Deep Sea Mining Simulation](#). Это интерактивная ролевая игра, участники которой примеряют на себя роли представителей стран — участниц МОМД и обсуждают, например, стоит ли вводить мораторий на глубоководную добычу. Чтобы создать эту игру-симуляцию, Ольга Мироненко около пяти лет анализировала научные исследования, посвященные океанским глубинам, а также консультировалась с экспертами по теме.

Вторгнуться в глубоководный мир уникальных экосистем, чтобы добывать в нем металлы, можно тремя основными способами.

→ **Первый** — разламывать многослойные конкреции (это такие образования, внешне напоминающие картофелины), которые [формируются](#) в морской воде миллионы лет и хранят [внутри](#) разные металлы. К примеру, возраст тихоокеанских конкреций — около двух-трех миллионов. Как правило, конкреции видно невооруженным глазом, но порой они находятся в толще дна, потому что успели осесть за миллионы лет. При добыче специальное устройство, напоминающее пылесос, [засасывает](#) их, раскалывает, а излишки воды и твердой породы скидываются обратно в океан.

→ **Второй** — отламывать куски от подводных гор, в которых содержатся [полиметаллические сульфиды](#) и [кольбатоносные корки](#). Такие подводные образования тоже образуются миллионы лет и напоминают хорошо знакомые нам наземные горы.

→ **Третий** — разрушать так называемые [черные курильщики](#). Это гидротермальные источники в форме

трубок, открытые учеными относительно недавно, 20 лет назад («Би-би-си» даже посвятила открытию документальный [фильм](#)). В «черных курильщиках» [обитают](#) редкие виды беспозвоночных животных, а сами эти трубки образованы из сульфидов металлов.

Ни одна из технологий не может считаться безвредной, настаивает Ольга Мироненко, — что бы там ни [говорили](#) добывающие компании: «Все три способа — верный путь к уничтожению глубоководных океанских экосистем, формировавшиеся на протяжении миллионов лет». Ее правоту доказывает [эксперимент](#), который в конце XX века спонсировало правительство Германии. Тогда на дне Тихого океана возле Перу исследователи вырыли несколько борозд шириной восемь метров — чтобы посмотреть, к чему это приведет. Даже спустя 30 лет экспериментальная территория все еще остается [полузаброшенной](#): состав участников экосистемы заметно изменился, некоторые виды исчезли. Полное восстановление микробных сообществ рядом с проделанными бороздами может занять порядка 50 лет, считают исследователи. И скорее всего, такое грубое вмешательство, как добыча полезных ископаемых со дна, тоже приведет к необратимым изменениям в экосистемах. Ведь там, на глубине, все процессы происходят крайне медленно: к примеру, за год на дно океана может упасть всего пара частиц осадков (пылинок или, скажем, отмерших частичек рыб).

«Те самые „курильщики“, которые сейчас хотят разламывать ради батареек и гаджетов, были [революцией](#) в биологии 20 лет назад, и ученые до сих пор изучают их. — говорит Ольга Мироненко. — Морские горы [населены](#)

эндемичной, то есть характерной только для этой местности, фауной. Таким образом, разрушив одну гору, мы можем уничтожить уникальные виды. Встретятся ли они где-то еще? Этого мы не знаем». Устройства для глубоководной добычи не только в буквальном смысле разрушат среду обитания подводных организмов, но и наполнят придонное пространство ослепляющим светом и клубами взвеси. На долгое время они [зависнут](#) на расстоянии двух метров от дна и могут распространиться на десятки и сотни километров вокруг. Такая туманная завеса значительно усложнит обитателям океана ориентацию и поиск пищи.

[Зона Клариян — Клиппертон](#) Тихого океана, на глубоководные исследования в которой МОМД [выдал](#) больше всего лицензий, [лидирует](#) по разнообразию биологических видов среди всех изученных участков океанского дна. Проанализировав участок площадью всего 30 квадратных километров, морские биологи [заклучили](#), что для 85 представителей мегафауны (то есть крупных животных) те самые океанские «картофелины», или конкреции, — единственный дом. На них [растут](#) и [развиваются](#) морские губки, а глубоководные осьминоги здесь высиживают яйца.

Существуют и другие опасности. Так, при добыче металла из «черных курильщиков» [высвобождаются](#) токсичные металлосодержащие вещества. Их высокая концентрация в воде [может снизить](#) уровень кислорода в окружающей

среде и отравить часть фауны. Также металлы будут активнее накапливаться в рыбе, которая может попасть в рыболовную сеть, а значит, и в [организм человека](#).

Шум — еще один фактор, представляющий серьезную угрозу для подводных экосистем. Как показывают результаты недавнего американского [исследования](#), звук от подводных работ способен распространиться на расстоянии **до 500 километров от его источника**. Несложно представить, что на территории, где проводятся сразу несколько операций по добыче, звуковая волна будет еще более мощной. Из-за этого звук может проникнуть в том числе на территории так называемых [зон консервации](#) (preservation reference areas) — участков, которые МОМД тщательно охраняет от любой деятельности человека. Шумовое загрязнение может [стоять жизни](#) глубоководным организмам, чья способность взаимодействовать со своими сородичами и избегать хищников во многом зависит именно от чистоты акустической среды.

Кроме того, океан — одно из крупнейших хранилищ углерода. Он непрерывно [поглощает](#) углекислый газ из атмосферы в огромных количествах, отправляя его на дно в виде подводных осадков. Глубоководная добыча наверняка изменит и этот процесс: сливаемая в воду лишняя жидкость при добыче конкреций негативно [влияет](#) на жизнь обитателей верхних слоев океана — и, в частности, планктона, который как раз и производит углерод из углекислого газа. Кроме того, именно планктон [образует](#) половину всего кислорода Земли.

Пока ученые затрудняются сказать, как именно активное вторжение человека в водные глубины повлияет на уже

и так меняющийся климат планеты. Но в том, что оно повлияет, сомнений нет: любое вторжение в систему, которая формировалась миллионы лет, не может не привести к последствиям.

Можно ли спасти океан?

И не пора ли пере придумать всю систему мирового производства

При ближайшем рассмотрении ставка на добычу полезных ископаемых в океане ради нужд зеленой энергетики кажется ошибочной. Предположим, океанские ресурсы действительно способны помочь рынку альтернативных источников энергии в развитии — но какова цена такого решения? Последствия добычи могут ощущаться спустя десятки, сотни и даже тысячи лет.

Не все готовы с этими последствиями столкнуться, и здесь показателен [случай Папуа — Новой Гвинеи](#). Это островное государство в Тихом океане еще в 2011 году решило, что станет первопроходцем глубоководной добычи — и выдало соответствующее разрешение канадской компании Nautilus Minerals Ltd. Первую коммерческую операцию по добыче запланировали на 2018 год, однако вмешались правозащитники и активисты — благодаря их активности проект завершился, так толком и не начавшись. В течение нескольких лет они протестовали, требовали предоставить

им план работ и заключение экспертов о потенциальном ущербе. В результате крупнейшие инвесторы проекта решили, что репутационные потери от участия в этой затее превышают потенциальную выгоду, — и вышли из нее, оставив Nautilus Minerals Ltd с внушительными долгами. Но активисты на этом не остановились и добились того, что в 2019 году Папуа — Новая Гвинея, вслед за Фиджи и Вануату, [объявила](#) десятилетний мораторий на глубоководную добычу.

Против глубоководной добычи сейчас [выступают](#) 12 стран: Новая Зеландия, Франция (которая ранее получила лицензию на исследование морского дна), Германия, Испания, Эквадор, Коста-Рика, Чили, Панама, а также островные государства Палау, Фиджи, Микронезия и Самоа. Активность NORI — той самой компании, которая планирует первой в мире начать добычу в нейтральных водах в 2024-м, — значительно подстегнула интерес к теме. Статьи об этом вышли не только в специализированных изданиях, но и в популярных англоязычных медиа [The Guardian](#), [The New York Times](#) и [The Atlantic](#).

А к кампании против глубоководной добычи подключились [корпорации и банки](#): BMW Group, Google, Samsung, Volvo Group, Philips, Renault Group и Triodos Bank. Все они подписали петицию, призывающую к временному запрету на глубоководную добычу — как минимум до того момента, когда МОМД финализирует нормативы, а исследователи смогут точнее оценить последствия.

Сторонники моратория ссылаются [вслед за учеными](#) на [принцип предосторожности](#), согласно которому вероятную экологическую угрозу следует предотвратить, даже если наука пока не располагает твердыми доказательствами того, что она на самом деле реальна. Океанские глубины — тот самый случай: по разным оценкам, от [80](#) до [95%](#) глубоководной территории по-прежнему остаются для нас terra incognita, неизведанной землей. Поэтому объективно оценить потенциальный ущерб от добычи металлов в океане пока невозможно.

Осознавая тупиковость сложившейся ситуации, некоторые предприниматели и инженеры пытаются придумать более щадящую технологию добычи металлов со дна. Над одним из таких проектов работает стартап Impossible Metals, который [позиционирует себя](#) компанией, пытающейся изобрести «этичную» металлургию на основе принципов ESG (Environmental, Social, Governance — забота об окружающей, общественной и корпоративной среде). Инженеры компании работают над [технологией](#), позволяющей аккуратно захватывать полиметаллические конкреции, а не всасывать со дна все, что попадет на пути. Их глубоководный робот, зависающий над морским дном, оснащен искусственным интеллектом, чья задача — распознать признаки жизни вокруг океанской «картофелины». Обнаружив их, клешня машины не станет разрушать убежище местных обитателей и автоматически двинется дальше — причиняя, таким образом, минимальный вред глубоководным экосистемам. Массовый выпуск таких роботов компания [планирует начать](#) в 2026 году.

Однако и этот проект вызывает вопросы. Одна из главных проблем в том, что полиметаллические конкреции расположены не только на поверхности океанского дна, но и зарыты в нем. Состав металлов в «картофелинах» [зависит](#) от глубины, на которой они находятся: чем ближе к поверхности, тем больше кобальта, а чем глубже они залегают, тем больше лития и никеля. То есть для добычи лития и никеля робот, взаимодействующий лишь с донной поверхностью, не годится. И кроме того, любая — в том числе точечная — глубоководная операция [создает](#) мутную завесу над поверхностью океанского дна.

И даже если представить, что внезапно появится безвредная для экосистем океана технология, нет никаких гарантий, что страны и горнодобывающие компании остановят свои работы. Скорее всего, глубоководная добыча просто [превратится](#) в еще один промышленный сектор, который будет развиваться до тех пор, пока не истощит подводные ресурсы. Поэтому критики всех этих разработок считают, что по-настоящему верный путь — **полностью перестроить** экономическую систему планеты.

«Сейчас много рассуждают о том, что необходимо уходить от линейной модели экономики с концепцией „добыл — произвел — выбросил — пошел добывать дальше“ к [циклической модели](#), где добытое один раз отправляется на производство, а затем на переработку и новое производство. И так по кругу. В отличие от некоторых других материалов — таких как пластик и бумага — большинство металлов [выдерживают](#) бесконечное число подобных циклов. Человечество лениво не пользуется этим подарком», — рассуждает Ольга Мироненко.

Переход на циклическую модель — большая и сложная тема. Но если очень коротко, один из важных шагов на этом пути — сократить зависимость человечества от металлодобычи за счет переработки металлосодержащих устройств и предметов. [По оценке](#) Калли Баббитт, профессора Рочестерского технологического института, сейчас перерабатывается от одного до пяти процентов редкоземельных металлов. При этом даже в развитых странах инфраструктура [плохо приспособлена](#) для переработки аккумуляторов.

Современная производственная модель в принципе не учитывает возможность переработки отдельных элементов: смартфоны и другие гаджеты — мультикомпонитные, то есть содержат много разных элементов, но отделить редкие металлы от других фрагментов в них крайне сложно. Страны Евросоюза смогут всерьез начать перерабатывать редкие металлы **не раньше 2040 года**, [считают](#) эксперты, однако речь о компонентах не смартфонов и другой техники, а ветряных турбин и транспортных средств. Тем временем Китай и в этом сегменте обгоняет Европу: там уже активно [перерабатывают](#) литийионные аккумуляторы и для этого их специально закупают в Европе и США.

Некоторые коммерческие компании уже [проектируют](#) новые модели аккумуляторов, для производства которых не нужны редкие металлы. IBM представила такой еще в 2019 году, аналогичные разработки анонсировали Toyota, Nissan и Volkswagen. А немецкая Theion создала [аккумулятор из серы](#) (она заменяет никель и кобальт), для изготовления которого уходит на 90% меньше энергии, чем для нынешних батареек. Служит такой аккумулятор в три

раза дольше, он энергоэффективен и безопасен для работников завода и окружающей среды. Кроме того, сера — побочный продукт других промышленных операций, и она легко перерабатывается. Возможно, путь к циклической экономике не настолько сложный и долгий, как казалось раньше.

><{{{._____)

Но пока ученые и правозащитники думают об океанских глубинах, на мелководье [разворачивается](#) своя экологическая трагедия. Добыча на глубине меньше 200 метров происходит недалеко от суши, а значит, регулируется только национальным законодательством. Технология такой добычи мало чем отличается от глубоководной. И несмотря на то, что на мелководье процессы восстановления проходят быстрее, чем на дне океана, они все равно [занимают](#) десятки лет, в течение которых ряд видов может оказаться на грани [вымирания](#).

В Индонезии из-за работ по добыче возле побережья Банка-Белитунг уже [погибло](#) около 70% кораллов. Это, в свою очередь, [снижает](#) популяции тунца и другой рыбы, которая для местного населения составляет важную часть рациона. При этом вслед за Намибией и Индонезией приступить к подводной добыче на мелководье [планируют](#) и другие страны — Мексика, Новая Зеландия и Швеция.

Редактор: Андрей Яковлев

* «Комитет против пыток» объявлен в России «иноагентом» и ликвидирован учредителями. Правозащитники продолжили работу под названием «Команда против пыток»; помочь им можно [здесь](#).

* Правозащитные организации «Общественный вердикт» и «Русь сидящая» объявлены в России «иноагентами», помочь им можно [здесь](#) и [здесь](#).

* «Кавказский узел», «Медуза» и «Аналитический Центр Юрия Левады» объявлены в России «иноагентами».

Подписаться на рассылку Kit можно на сайте getkit.news.

© KIT, 2022